

Леонид Люкс

**Соблазны утопизма: споры
мыслителей «первой» русской
эмиграции о причинах и последствиях
тоталитарных революций XX века**

**Исторические исследования.
Книжное приложение к журналу
«Форум новейшей восточноевропейской
истории и культуры».**

Том 2.

Айхштетт 2015

Леонид Люкс

Соблазны утопизма: споры
мыслителей «первой» русской
эмиграции о причинах и
последствиях тоталитарных
революций XX века

Исторические исследования.
Книжное приложение к журналу
«Форум новейшей восточноевропейской
истории и культуры»

Том 2, 2015

Адрес редакции:
Zentralinstitut für Mittel- und Osteuropastudien
Katholische Universität Eichstätt-Ingolstadt
Ostenstraße 27
D-85072 Eichstätt
E-Mail: zimos@ku.de

Содержание

Вступление	5
I. Авторы Сборника «Вехи» о тоталитарных соблазнах XX века	
Семен Франк и его анализ тоталитаризма	11
Николай Бердяев о причинах и последствиях русской революции, о «русской идее» и о «Новом средневековье»	33
Русский государственный деятель Петр Струве	61
Сергей Булгаков о религиозном смысле революционных и тоталитарных идеологий	82
II. Идеократия или демократия? Идеиные споры русской эмиграции на примере евразийского движения и группы «Новый Град»	
Евразийская идеология в европейском контексте	105
Заметки о «революционно-традиционалистской» культурной модели «евразийцев»	123
Против левого и правого тоталитаризма – эмигрантский журнал «Новый Град» о европейском кризисе 1930-х годов	139
В защиту демократии – Георгий Федотов о русской революции и о европейских кризисах первой половины XX в.	148

III. Возрождение споров о причинах и последствиях тоталитарных революций 20-го столетия в послесталинской России – от сборника «Вехи» до сборника «Из-под глыб»

В поисках идентичности – советское диссидентское движение между 20-ым съездом КПСС и Перестройкой	183
Коротко о книге	209
Коротко об авторе	210

Вступление

В октябре 1917 г. в России возник первый в новейшей истории тоталитарный режим – утопия пришла к власти, как определили этот процесс русские историки Михаил Геллер и Александр Некрич¹. За несколько лет до того о возможности такого развития событий предостерегал ряд русских мыслителей, решительно выступавших против катастрофических последствий подобных утопических устремлений. Среди этих мыслителей были авторы изданного в 1909 г. сборника «Вехи»².

Авторы «Вех» беспощадно критиковали революционное нетерпение радикальной части русской интеллигенции, предостерегали общество от иллюзий, что в один миг можно построить рай на земле, механически уничтожив «зло», олицетворением которого интеллигенция считала царизм. Авторам «Вех» было гораздо легче, чем многим их современникам, распознавать признаки надвигающейся катастрофы: некоторые из них сами определенное время придерживались мнения, что социальный рай может быть построен лишь с помощью разрушения старого несовершенного мира. Бацилла бескомпромиссного утопизма была в них самих, так что они могли точно определить природу той душевной болезни, которая охватила многих представителей русской интеллигенции. Такие авторы, как Семён Франк, Николай Бердяев, Пётр Струве и Сергей Булгаков в юности симпатизировали марксизму и даже принадлежали к числу его ведущих теоретиков. Однако через несколько лет они покинули марксистское движение и стали решительными противниками революционных соблазнов³. Все четверо авторов предостерегали также от свойственного им ранее материалистического атеистического образа мыслей и стали инициаторами философско-религиозного ренессанса, охватившего часть русского образованного слоя в начале XX в.⁴

---

¹ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 1990.

² Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909; см. также: Reed Ch. Revolution and the Russian Intelligentsia 1900-1912. The Vekhi Debate and Its Intellectual Background. London, 1979; Brooks J. Vekhi and the Vekhi Dispute // Survey I. 1973. P. 21-50; Schlögel K. Jenseits des Großen Oktobers. Das Laboratorium der Moderne. Petersburg 1900-1921. Berlin, 1988. P. 74-90.

³ См. Проблемы идеализма. Сборник статей. М., 1902; Булгаков С. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). С.-Петербург, 1903; его же. Два града. Т. 1-2. М., 1911; его же. Героизм и подвижничество // Вехи. С. 23-69; Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Там же. С. 1-22; Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Там же. С. 156-174; Франк С.Л. Этика нигилизма // Там же. С. 175-210.

⁴ Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962; Гершензон М. Творческое самосознание // Вехи. С. 92-92; Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 195-196; Pipes R. Struve. Liberal on the Right 1905-1944. Cambridge, Mass., 1980. P. 66-114; Scherer J. Die Petersburger Religiös-Philosophischen Vereinigungen. Die Entwicklung des religiösen Verständnisses ihrer Intelligencija Mitglieder, 1901-1917. Wiesbaden-Berlin, 1973; Burbank J. Intelligentsia and Revolution. Russian Views of Bolshevism 1917-1922. N.Y., Oxford, 1983. P. 131; Зернов

Через год после того, как в России разразилась революция, предсказанная ими в сборнике «Вехи», упомянутые авторы вместе со своими единомышленниками выпустили в свет сборник статей о русской революции под названием «Из глубины» (*De profundis*)⁵, в котором они подвергли поразительно точному анализу причины и характер «апокалипсиса нашего времени» (В.Розанов)⁶.

В начале 1920-х годов все упомянутые авторы вынуждены были покинуть советскую Россию (некоторые из них на «философском корабле»). Все они поняли, что события 1917 г. были лишь первым актом общеевропейской трагедии, и пытались предупредить общественность их стран пребывания о надвигающейся катастрофе. Но они не нашли широкого отклика. Однако не из-за языкового барьера, как это часто предполагается. Многочисленные работы русских эмигрантских мыслителей были переведены на западноевропейские языки, кроме того, эти авторы как правило превосходно владели иностранными языками и нередко писали свои труды на языке страны пребывания. Слабую реакцию западной общественности на предостережения эмигрантов нельзя объяснить и недостатком интереса немецких, французских или английских интеллектуалов к России. Напротив, в то время Россия находилась в центре внимания западной общественности. В 1921 г. Гуго фон Гофмансталь даже жаловался, что Достоевский грозит свергнуть Гете с его пьедестала⁷. Почему же русские эмигранты не смогли воспользоваться плодами этой страсти к России, которая охватила тогда Запад? Это несмотря на то, что свободный интеллектуальный дискурс, задушенный в самой стране большевистской диктатурой, был практически полностью перенесен в «зарубежную Россию». Только в эмиграции русская культура, пережившая к началу 20-го века беспрецедентный расцвет (философско-религиозный ренессанс), могла развиваться и дальше в полном объеме. Но и этот факт был мало оценен тогдашней западной общественностью. Даже Ханс Римша, под чьим пером возник один из глубочайших анализов истории русского зарубежья, писал в 1927 г. о духовной стерильности эмиграции. Эмигрантам не удалось, говорил он, создать в области философии, истории или других гуманитарных наук что-либо существенное⁸. Историк, писавшему в 1927 г. эти слова, не хватило временной дистанции, чтобы осознать, насколько несостоятельным был его упрек. Это смягчающее обстоятельство не относится, однако, к современным авторам,

---

Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991; Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951; Бердяев Н. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). Париж, 1949; его же. Типы религиозной мысли в России / его же. Сочинения. Т. 3. Париж, 1989.

⁵ Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.-Петроград, 1918; Из глубины. Париж, 1967; Из глубины. М., 1990.

⁶ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М., 2000.

⁷ von Hoffmannstahl H. Gesammelte Werke. Prosa. Vol. 4. Frankfurt/Main, 1955. P. 75-77.

⁸ von Rimscha H. Russland jenseits der Grenzen. Ein Beitrag zur russischen Geistesgeschichte. Jena, 1927. P. 132-133, 150-151.

склоняющимся к подобным все упрощающим суждениям⁹. Недооценка творческого потенциала русских эмигрантов, распространенная как на Западе, так и в научной литературе, без сомнения связана с тем, что «зарубежная Россия» интересовала немецкую, французскую или английскую общественность намного меньше, чем советское государство. Как замороженные следили многие европейцы за проводимым большевиками социальным экспериментом, несмотря на тот факт, что миллионы русских и представителей других народов советской империи должны были заплатить за этот эксперимент своей жизнью.

Сейчас противники большевиков, побежденные и принужденные к эмиграции в 1917—1920 гг., как бы празднуют свою позднюю победу. Их идеи возвращаются на родину и все сильнее начинают влиять на политическую и духовную атмосферу в стране¹⁰. Вместе с тем читателям, живущим в России, как правило, мало знаком тот идейно-исторический контекст, в котором, возникали труды эмигрантов. Известно, что систематические исследования этой тематики до недавнего времени были в стране вряд ли возможны. И это значительно усложняет адекватное восприятие идейного наследия созданного в изгнании.

Но и западные исследователи до сих пор скорее пренебрегали историей идейного развития русской эмиграции. Трудности в овладении темой налицо. Эмигранты были рассеяны по многим странам, в высшей степени разобщены политически, и это делает их письменное наследие почти необозримым. Не в последнюю очередь по этим причинам до сих пор была детально исследована лишь часть всех аспектов проблемы. Так, большинство авторов занималось евразийцами¹¹ и сменовеховским движением¹² — то есть теми эмигрантскими группами

---

⁹ См. Fitzpatrick Sh. *The Russian Revolution 1917-1932*. Oxford, 1985. P. 11, 35.

¹⁰ См. на эту тему, к примеру, следующие публикации: Совместный проект Института философии РАН, Института развития им. Г.П. Щедровицкого и издательства РОССПЭН «Философия России XX века»; Серию журнала «Вопросы философии»: «Из истории отечественной философской мысли»; «Современные записки» (Париж 1920-1940). Из архива редакции. М., 2012-2013; Федотов Г.П. *Собрание сочинений в 12-ти томах*. М., 1996-2008; Степун Ф.А. *Сочинения*. М., 2000.

¹¹ См. Böss O. *Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts*. Wiesbaden, 1961; von Halem F. *Die Rechtsansichten der Eurasier – Rechtsordnung oder Wertordnung?* // *Idem. Recht oder Gerechtigkeit? Rechtsmodelle in Ost und West von der Antike bis zur Moderne. Eine Aufsatzsammlung*. Köln, 2004. P. 163-211; *Idem. Die Wiederkehr der Eurasier* // *Ibid.* P. 119-161; Halperin C.J. *George Vernadsky and Eurasianism* // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1985. Vol. 36. P. 55-194; Ignatow A. *Der „Eurasismus“ und die Suche nach einer neuen Kulturidentität. Die Neubelebung des Evrazijstvo Mythos nach 1992* // *BIOst*. 1992. Vol. 15; Laruelle M. *L'idéologie eurasiste russe ou comment penser l'empire*. Paris, 1999; Luks L. *Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1986. Vol. 34. P. 374-395; *Idem. „Eurasier“ und „Konservative Revolution“*. Zur antiwestlichen Versuchung in Rußland und in Deutschland // *Deutschland und die Russische Revolution 1917–1924* / Ed. G. Koenen, L. Kopelew. München, 1998. P. 219-239; *Idem. Anmerkungen zum „revolutionär-traditionalistischen“ Kulturmodell der Eurasier* // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 2002. Vol. 6, Nr. 1. P. 43-58; Евразия. *Исторические взгляды эмигрантов*. М., 1992; Riasanovsky N. *The Emergence of Eurasianism* // *California Slavic Studies*. 1967. Vol. 4. P. 39-72; *Wiederkehr S.*

ровками, чьи идеи вызывали особенно оживленные дебаты в эмигрантской среде. Исследовалось развитие в эмиграции некоторых политических партий, в первую очередь, меньшевиков, эсеров и кадетов¹³. Некоторые работы посвящены ситуации русских эмигрантов в отдельных европейских странах, в первую очередь в Германии и Франции¹⁴. Ряд монографий и статей посвящен эмигрантской литературе¹⁵.

Однако еще нет систематического анализа истории идейного развития первой русской эмиграции и ее места в тогдашнем политико-идеологическом спектре Европы. Последние попытки представить общий обзор тематики были предприняты в 1924 и в 1927 годах. В обоих случаях речь идет о книгах уже упомянутого немецкого историка Ханса фон Римши¹⁶.

Появившаяся в 1990 г. монография Марка Раева «Россия за рубежом»¹⁷ обращена в первую очередь, к истории культуры, а не к истории идей эмиграции. А в изгнании, как мы знаем, шла постоянная идейная полемика.

Спорам русских эмигрантов о причинах и последствиях русской революции, а также о причинах европейского кризиса первой половины 20-го века, которые не утратили своей актуальности до сих пор, посвящена эта книга. В центре ее внимания три группы эмигрантов игравшие в этих спорах решающую, знаковую роль: Это, во-первых, уже упомянутые авторы сборника «Вехи», во-вторых –

Die eurasische Bewegung. Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Rußland. Köln, 2007.

¹² См. Oberländer E. Nationalbolschewistische Tendenzen in der russischen Intelligenz. Die „Smena-Vech“-Diskussion 1921-1922 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1968. Vol. 16. P. 194-211; Агурский М. Идеология национал-большевизма. Paris, 1980. С. 64-97; Idem. The Third Rome. National Bolshevism in the USSR. Boulder, Colorado, 1987. P. 238-266.

¹³ См. The Mensheviks. From the Revolution to the Second World War / Ed. L.H. Haimson. Chicago-London, 1974; Liebich A. From the Other Shore. Russian Social Democracy after 1921. Cambridge, Mass., 1997; The Socialist-Revolutionary Party after October 1917 / Ed. M. Jansen. Cambridge, Mass., 1980; Pipes R. Struve, Liberal of the Right. Cambridge, Mass., 1980.

¹⁴ См. Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany 1881-1941. Ithaca-London, 1972; Volkman H.E. Die russische Emigration in Deutschland 1919-1929. Würzburg, 1966; Schlögel K. Das russische Berlin: Ostbahnhof Europas. München, 2007; Russische Emigration in Deutschland. Leben im europäischen Bürgerkrieg 1917-1941 / Ed. Idem. Berlin, 1995; Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren / Ed. Idem. München, 1994; Dodenhoeft B. Laßt mich nach Rußland heim: russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt/Main, 1993; Johnston R.H. New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles 1920-1945. Montreal, 1988.

¹⁵ См. Струве Г. Русская литература в изгнании. N.Y., 1956; Glad J. Russia abroad: writers, history, politics. Washington, Tenafly, N.J., 1999; Варшавский В. Незамеченное поколение. N.Y., 1956; Яновский В. Поля елисейские: книга памяти. N.Y., 1983.

¹⁶ von Rimscha H. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917-1921. Jena, 1924; Idem. Rußland jenseits der Grenzen. Ein Beitrag zur russischen Geistesgeschichte. Jena, 1927; см. также Utechin S.J. Geschichte der politischen Ideen in Rußland. Stuttgart, 1966. P. 238-248; Зеньковский В. Русские мыслители и Европа. Paris, 1955. С. 157-167, 262-271; Luks L. Zwischen Bruch und Kontinuität – Zur Ideengeschichte der „ersten“ russischen Emigration (1920–1939) // Russische religiöse Philosophie. Das wiedergewonnene Erbe: Aneignung und Distanz / Ed. E. Müller, F.J. Klehr. Rottenburg, 1992. P. 129-140.

¹⁷ Raeff M. Russia abroad. A cultural History of the Russian Emigration 1919-1939. Oxford, 1990.

издатели созданного в 1931 году журнала «Новый Град», продолжающего во многом идеи «Вех». Кроме того, статьи сборника будут посвящены идеологическим противникам «веховцев» и «новоградцев» — возникшему в 1921 году движению евразийцев, которое многие авторы считали самым интересным идейным течением, возникшим в эмиграции.

Последний раздел книги будет посвящен возрождению споров о причинах и последствиях тоталитарных революций 20-го столетия в послесталинской России.

Так как статьи, вошедшие в этот сборник, публиковались, как правило, ранее в разных изданиях независимо друг от друга, они содержат иногда некоторые повторения, которых полностью избежать не удалось. Кроме того хочу подчеркнуть, что тексты этого сборника, это, как правило, эссе, которые не претендуют на то, чтобы полностью исчерпать заданные темы, а пытаются лишь к ним приблизиться.

I. Авторы Сборника «Вехи» о тоталитарных соблазнах XX века

Семен Франк и его анализ тоталитаризма

а. Русская революция как «исходная катастрофа» XX века

В отличие от большинства своих современников, авторы «Вех» считали «исходной катастрофой XX в.» (определение Дж. Кеннана) не Первую мировую войну, а русскую революцию 1917 г. На самом деле: Первая мировая война произвела революцию в совершенствовании технологий массовых убийств и в развитии всеобщей мобилизации силовых резервов воюющих стран. Однако воюющие нации преследовали конвенциональные цели – война была продолжением традиционной великодержавной политики. Вооруженная борьба шла в основном на фронте. Первая мировая война была практически новой разновидностью традиционных европейских войн за гегемонию и не открыла новой главы в истории континента. Это сделала лишь большевистская революция, которая и ознаменовала начало «короткого» XX века¹. Это было ясно многим русским мыслителям, в непосредственной близости наблюдавшим начавшуюся в 1917 г. русскую катастрофу.

Особенно тонко чувствовал это «аполитичный» философ Семен Франк, интересы которого были в первую очередь сосредоточены на метафизических проблемах². Но именно поэтому он сразу же распознал истинное значение начав-

---

¹ Поэтому являются недостаточно убедительными отдельные попытки выявить своего рода преемственность боевых действий в Первой и Второй мировых войнах. Сравн. среди проч.: Baberowski J., Doering-Manteuffel A. Ordnung durch Terror. Gewaltexzesse und Vernichtung im nationalsozialistischen und stalinistischen Imperium. Bonn, 2006. P. 19-20, 32-33; Baberowski J. Kriege in staatsfernen Räumen. Rußland und die Sowjetunion 1905–1950 // Formen des Krieges. Von der Antike bis zur Gegenwart / Ed. D. Beyrau, M. Hochgeschwender, D. Langewiesche. Paderborn, 2007. P. 292-293.

² Василий Зеньковский в своей «Истории русской философии» назвал философскую систему Франка «самым значительным и глубоким, что мы находим в развитии русской философии» (Зеньковский В. История русской философии. Париж, 1950. Т. 2. С. 410). Известный славист Дмитрий Чижевский добавил: «Работы Франка принадлежат к наиболее значительному и, прежде всего, к наиболее "философскому", что дала русская мысль» (Чижевский Д. С.Л. Франк как историк философии и литературы // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка, под ред. В. Зеньковского. Мюнхен, 1954. С. 174. См. также Rörig A. Personalismus versus All-Einheit: Philosophie des Dialogs und der Begegnung bei Semen Frank. Berlin, 2010. P. 12; Ehlen P. Simon L. Frank. Werke in acht Bänden. Freiburg/München, 2000-2013. Т. 3. P. 11; Федор Степун. Письма/ Сост. В. Кантор. М., 2013. С.120, 334.

О жизни и творчестве С. Франка см. также Boobbyer Ph. The Life and Work of a Russian Philosopher, 1877-1950. Athens, Ohio, 1995; Einführung der Herausgeber // Frank. S.L. Werke in acht Bänden, hrsg. von Schulz P., Ehlen P., Lobkowicz N., Luks L. Freiburg-München 2000. Vol. 1. P. 11-53; Solywoda S. The life and work of Semen L. Frank. A Study of Russian religious philosophy.

шихся в 1917 г. процессов, которые не только в корне изменили политико-социальные и экономические отношения, но и затронули глубинную суть человеческого бытия. В сборниках «Вехи» и «Из глубины», посвященным проблемам русской революции, статьи Франка занимают центральное место: они, можно сказать, имеют программное значение.

В статье *De profundis* опубликованной в 1918 году в сборнике «Из глубины» Франк пишет, что развал России первоначально произошел в умах людей - в сознании интеллектуальной элиты, которая вместо того, чтобы открывать народу новые перспективы, ввергла страну в руины. Причитания многих представителей русского образованного общества, твердивших о «иррациональности» и разрушительной ярости необразованных масс, не вызывали сочувствия Франка.

Ответственность за судьбы страны несла в первую очередь ее политическая элита, а не низшие классы, утверждал философ, так как «ни при каком общественном порядке, ни при каких общественных условиях, народ... не является инициатором и творцом политической жизни. Народ есть всегда, даже в самом демократическом государстве, исполнитель, орудие в руках какого-либо направляющего и вдохновляющего меньшинства... Действенной может быть не аморфная масса, а лишь организация; всякая же организация основана на подчинении большинства руководящему меньшинству»³. С этой точки зрения Франк проанализировал духовное состояние русской элиты, которая, по его мнению, несла основную ответственность за «самоубийство русской нации»⁴. Особенно остро критиковал он социалистические группировки. Они превратили Россию в экспериментальную площадку для своих программ, при этом особенно ярко проявилась их разрушительная сила. Почему, спрашивал Франк, социализм в России принял совсем иной характер, чем на Западе? Если на Западе социализм превратился в мирное экономическое и политическое движение за улучшение положения рабочего класса, то в России он привел к развалу государства⁵.

Франк связывает это различие с тем, что на Западе консервативные и либеральные группировки были достаточно сильны, чтобы остудить революционный пыл социалистического движения и направить его в мирное, реформистское русло. В России же противостоящие социализму силы оказались чрезвычайно сла-

---

Stuttgart, 2008; Luks L. Semen L. Franks Totalitarismustheorie // Idem. Zwei Gesichter des Totalitarismus. Bolschewismus und Nationalsozialismus im Vergleich. Köln, 2007. P. 103-109; Семен Людвигович Франк / Ред. В. Порус, М., 2012.

³ Франк С.Л. *De profundis* // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967. С. 314. См. также Бердяев Н. Духовные основы русской революции // его же. Сочинения. Т. 4. Париж, 1989. С. 187.

⁴ См. на эту тему также Струве П. В чем революция и контрреволюция // его же. Избранные сочинения. М., 1999. С. 253-257; его же. Исторический смысл русской революции // Из глубины. Париж, 1967. С. 285-306; Бердяев Н. Духи русской революции // там же. С. 95-106; Булгаков С. На пиру богов. Pro et contra. Современные диалоги // там же. С. 117-169; его же. Автобиографические заметки. Париж, 1946; Федотов Г. Лицо России // его же. Лицо России. Сборник статей (1918-1931). Париж, 1967. С. 1-7.

⁵ Франк. *De profundis*. С. 317-318.

бы. «Основная и конечная причина слабости нашей либеральной партии заключается в чисто духовном моменте: в отсутствии у нее самостоятельного и положительного *общественного мирозерцания* и в ее неспособности, в силу этого, возжечь тот политический *нафос*, который образует притягательную силу каждой крупной политической партии», - подчеркивал Франк⁶.

Среди русских либералов были в основном лишь умеренные, «тепличные» социалисты; им нечего было действительно противопоставить ревностным социалистам-фанатикам. Что касается русского консерватизма, то это течение переживало процесс внутреннего распада и утратило связь со своими изначальными религиозными истокам.

Консервативная элита царской империи, по Франку, представляла собой бездушный бюрократический слой, который пытался бороться с опасностью революции при помощи репрессий, а не идей – бесполезное занятие, как показал 1917 год⁷.

Точный анализ Франка, казалось, выявил специфику русской катастрофы и подтвердил распространенное как на Востоке, так и на Западе суждение о наличии глубокой пропасти между Россией и Западом. Так специалист по социологии культуры Альфред Вебер в 1925 г. писал, что большевистское господство привело к *реазиатизации* России. Россия лишь эпизодически и случайно входила в европейское сообщество государств. Ее новое исключение из Европы является возвращением к себе самой⁸.

Однако якобы «азиатская» Россия лишь на несколько лет предвосхитила многие черты развития Запада. Именно поэтому проведенный Франком в 1918 г. анализ русской катастрофы выходил далеко за пределы специфически русских проблем. Глубокий кризис либерализма и консерватизма, который создавал одну из наиболее важных предпосылок победы тоталитаризма в России, разразился и на Западе спустя несколько лет. Так что русская катастрофа приняла общеевропейский размах⁹. Первые признаки этого Франк распознал вскоре после своей высылки из России. В изданной в 1924 г. работе «Крушение кумиров» Франк писал: «Нельзя отрицать, что и Европа чахнет и тлеет и не может затушить это подземное горение... И среди этого всеобщего смятения и маразма, как мало призна-

---

⁶ Там же. С. 320-321.

⁷ Там же. С. 322-323.

⁸ Weber A. Die Krise des modernen Staatsgedankens in Europa. Stuttgart, 1925. P. 119.

⁹ Нелли Мотрошилова пишет об «особом умении русских мыслителей уловить катастрофичность социального развития и точно описать ее, в немалой степени опираясь на трагический опыт своей страны» (Мотрошилова Н. Третья часть трилогии С. Л. Франка. «Духовные основы общества», ее исторические предпосылки и главные идеи / Семен Людвигович Франк. С. 266). См. также Бердяев Н. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. Берлин, 1924. С. 78, 90, 94, 96; Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 276-278; Reichelt S.G. Nikolaj Berdjaev in Deutschland. Eine rezeptionshistorische Studie. Leipzig, 1999. P. 28, 66-67, 170-171, 178-179, 182, 215; Goerdts W. Russische Philosophie. Zugänge und Durchblicke. Freiburg-München, 1984. P. 649-650.

ков духовного осмысления жизни и стремления к подлинному духовному возрождению!»¹⁰.

Русские эмигранты, подобно потерпевшим кораблекрушение, после катастрофы, которую они перенесли на родине, искали совета западных европейцев, бывших учителями России. Но эта встреча с Западом принесла беспримерное разочарование. Франк писал: «Мы чувствуем себя среди европейцев, как Сократ среди своих соотечественников, у которых он хотел чему-нибудь научиться, пока не признал, что он - мудрее всех, потому что он, ничего не зная, по крайней мере отдает себе отчет в своем неведении, тогда как все остальные, ничего не зная, не знают даже своей собственной духовной нищеты»¹¹.

Разочарование в Западе русских, переживших катастрофу, распространялось и на многие другие идеалы, которым они безоговорочно служили в прежние годы. Эти руины, оставшиеся от прежних убеждений русской интеллигенции, подробно описаны Франком в «Крушении кумиров».

Вновь, как и в сборниках «Вехи» и «De Profundis», Франк в первую очередь полемизировал с теми, кто верил в искупительную силу революции. За несколько лет до того, как Антонио Грамши разработал свое учение о гегемонии, Франк описал последствия доминирования одного идеологического лагеря в публичном дискурсе. В царской империи, в которой казавшееся всемогущим государство пыталось контролировать все политические процессы, общественность была обуздана противниками царизма, действовавшими столь же автократическим образом. Согласно Франку, в дихотомическом мире поборников революции «источник бедствий народа усматривался всецело в дурном общественном строе, в злой и порочной власти»¹². Те, кто не разделял этих взглядов, были подвергнуты ост-

---

¹⁰ Франк С.Л. Крушение кумиров // его же. Сочинения. М., 1990. С. 136. В 1922 г. Франк вместе с многими представителями духовной элиты России (Бердяев, Вышеславцев, И. Ильин и др.) вынужден был на так называемом «Философском пароходе» покинуть большевистскую Россию. См. на эту тему: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ 1921-1923. М., 2005; Остракизм по большевистски. Преследования политических оппонентов в 1921-1924 гг. М., 2010; В.И. Ленин. Неизвестные документы 1891-1922. М., 1999, С. 550-557; Степун. Сочинения. С. 788; Зеньковский. История русской философии. Т. 2. С. 391-392. Газета «Правда» комментировала высылку ученых следующим образом: «Среди высланных нет крупных научных имен. В большинстве это – политиканствующие элементы профессуры, которые гораздо более известны своей принадлежностью к кадетской партии чем своими научными заслугами» (См. Кантор В. Хранитель высших смыслов // Федор Августович Степун / Сост. В. Кантор. М., 2012. С. 13-14). См. также Федор Степун. Письма / Сост. В. Кантор. С. 267.

¹¹ Франк. Крушение кумиров. С. 136. См. на эту тему также Степун. Сочинения. С. 434; Reichelt. Berdjaev; Hufen Ch. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa. Die Jahre 1884-1945. Berlin, 2001. P. 397. Кантор В. Русская революция или Вера в кумиры (Размышления над книгой С.Л. Франка «Крушение кумиров» // С.Л. Франк. С. 325-335; его же. Принцип «христианского реализма», или Против утопического своеволия («Свет во тьме» – духовное завещание С.Л. Франка) // С.Л. Франк. С. 289; Степун, Письма. С. 240, 267-268, 332. Порус В. Философское творчество С.Л. Франка как тема современных исследований // Семен Людвигович Франк. С. 6.

¹² Франк. Крушение кумиров. С. 120.

ракизму и объявлены «врагами народа»: «Все хотели служить не Богу, и даже не родине, а „благу народа“, его материальному благосостоянию и культурному развитию. И главное – все верили, что „народ“, низший, трудящийся класс, по природе своей есть образец совершенства, невинная жертва эксплуатации и угнетения»¹³.

Но не любовь к народу была всеохватывающей страстью адептов революции, а неутолимая ненависть к его врагам: «Мягкий по природе и любвеобильный интеллигент-народник становился тупым, узким, злобствующим фанатиком-революционером, или во всяком случае, нравственный тип угрюмого и злого человеконенавистника начинал доминировать и воспитывать всех остальных по своему образцу»¹⁴.

Сила этого типа людей состояла, прежде всего, в том, что они, хотя и в более строгой форме, олицетворяли собой ценности, которые разделяла и большая часть интеллигенции. Их готовность отдать все «для блага народа» и всеми доступными средствами бороться против его «врагов», представляла собой моральное обязательство, от которого нельзя было бежать. Франк пишет: «“Умеренный“ – это был обыватель, робкий, лишенный героизма, из трусости или нерешительности желавший примирить непримиримое ... Сами „умеренные“ не имели в этом отношении чистой совести, чувствовали себя не вполне свободными от этих пороков; а в огромном большинстве случаев смотрели на революционеров, как церковно настроенные миряне смотрят на святых и подвижников – именно, как на недостижимые образцы совершенства, Ибо чем левее, тем лучше, выше, святее»¹⁵.

Когда авторы «Вех» призвали русскую интеллигенцию к «переоценке ценностей», этот призыв был с негодованием отвергнут не только левыми радикалами, но и представителями либерального спектра русской общественности. Франк в этой связи цитирует тогдашнее высказывание Павла Милюкова, одного из ведущих представителей русского либерализма: «У нас нет врагов слева»¹⁶.

Восьмью годами позже, Милюков, ставший министром иностранных дел пришедшего к власти после свержения царя Временного правительства, придерживался иной точки зрения: он отчаянно пытался спасти остатки разрушаемой большевиками русской государственности¹⁷. Но его политическая программа оказалась неосуществимой.

Большевики извлекали выгоду от распространявшейся в России в течение нескольких поколений веры в целительную силу революции. Сила большевиков была в том, что их экстремизм разжигал революционное нетерпение масс¹⁸. В

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 121.

¹⁵ Там же. С. 119-120.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См. Милюков П. Воспоминания (1859-1917). Т. 1-2. Нью-Йорк, 1955, цит. по: Т. 2. С. 290-394.

¹⁸ См. к примеру: Церетели И. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963; Суханов Н. Записки о русской революции. Т. 1-3. М., 1991-1992; Kerenski A. Erinnerungen. Vom Sturz des

этом Франк видит одну из главных причин триумфа Ленина: «Когда в душах интеллигенции, начиная с 1905 года, этот (революционный) пыл начал уже потухать, и в особенности, когда интеллигенция в октябре 1917 года в ужасе и смятении отшатнулась от зажженного ею же пожара, огонь этой веры перешел в души простых русских мужиков, солдат и рабочих, Ибо сколько бы порочных и своекорыстных вожелений ни соучаствовало в русской революции – как и во всякой революции, – ее сила, ее упорство, ее демоническое всемогущество и непобедимость объяснимы только из той пламенной веры, во имя которой тысячи русских людей, красноармейцев и рабочих, шли насмерть, защищая свою святыню – революцию»¹⁹.

Русская интеллигенция, разочарованная в революции, после 1917 года отшатнулась от большевистского террора. Интеллигенция предстала в роли своего рода «ученика волшебника», который не смог совладать с «духами, которые он же и вызвал».

Описанная Франком модель снятия колдовских чар с «революционных кумиров» имеет парадигматический характер и может быть применима к аналогичным процессам в других странах и эпохах. В этой связи поражает сходство судеб русской интеллигенции и немецких консерваторов времен Веймарской республики и Третьего рейха. Подобно тому, как русская интеллигенция своим прославлением революционных идеалов проложила дорогу большевистскому террору, немецкие консерваторы, особенно сторонники «консервативной революции», своим бескомпромиссным отказом от ассоциируемых с Западом плюралистических ценностей, способствовали приходу Гитлера к власти.

Один из идеологических «отцов» консервативной революции, Меллер ван ден Брук, в книге «Третий рейх» (1923 г.) определял либерализм как «моральное заблуждение», как свободу от всяких убеждений, которая называется убеждениями²⁰.

Для Карла Шмитта, одного из главных разрушителей основ созданной в 1918 году «первой» германской демократии, Веймарская республика не являлась государством как таковым. В ней, по словам Шмитта, отдельные сегменты общества присвоили себе право осуществлять государственное насилие и злоупотребляли им, используя его исключительно в своих корыстных интересах. Государство как

Zaren bis zu Lenins Staatsstreich. Dresden, 1928; Die Kerenski-Memoiren. Russland und der Wendepunkt der Geschichte. Wien, 1966; Мельгунов С. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот. Лондон, 1984; Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955; Bonwetsch B. Die russische Revolution 1917. Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz. Darmstadt, 1991; Pipes R. Die Russische Revolution. Vol. 2. Berlin, 1992; Ziva Galili y Garcia. The Menshevik Leaders in the Russian Revolution. Social Realities and Political Strategies. Princeton, 1989; Keep J.L.H. The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization. L., 1976; Altrichter H. Russland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 1997; Кулешов С. Наше отечество. М., 1991. Т. 1. С. 342-390; Геллер, Некрич. Утопия у власти. Т. 1. С. 20-41; Hasegava T. The February Revolution. Petrograd 1917. Seattle, 1981.

¹⁹ Франк. Крушение кумиров. С. 122.

²⁰ Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. Hamburg, 1931. P. 69-70.

олицетворение всеобщих интересов было практически ликвидировано. Как неизлечимую слабость либерального государства, государства, основанного на праве, его немецкие критики рассматривали якобы неспособность этой политической системы принимать решения и выходить из «чрезвычайных ситуаций». В правовом государстве правят не люди или власти, а законы, - сетовал Карл Шмитт. Изначальное понятие господства здесь ликвидируется и заменяется абстрактными нормами²¹.

Ученик Шмитта Эрнст Форстхофф к этому добавил: «честь, достоинство, верность [...] не нуждаются в нормативном обеспечении и институционализации [...]. Одно лишь верховенство закона [...], является прототипом сообщества без чести и достоинства»²².

Так в рядах идеологов «консервативной революции» распространялось желание власти «настоящего» правителя, Цезаря, тяга к «Третьему и последнему рейху». Эта мечта почти неизбежно должна была привести к событиям 30 января 1933 г. - фактическому установлению в Германии «Третьего рейха». Но постепенно многие адепты «консервативной революции», как и русская интеллигенция после 1917 г., стали понимать, каких духов они разбудили.

Многих охватило разочарование. «Пока дух развивал свои мысли, не считаясь с действительностью, действительность досталась адским силам», - комментировал позже такое развитие событий философ Хельмут Кун²³.

Что эта утрата иллюзий была неизбежна, уже в 1932 г. предсказал современник Семена Франка русский социал-демократ Александр Шифрин. В статье «Фашизм дворянский и фашизм благородный», опубликованной в июне 1932 г. в теоретическом органе СДПГ «Die Gesellschaft», Шифрин анализирует взгляды в то время влиятельных «новых консерваторов», группировавшихся вокруг журнала «Die Tat». По Шифрину, группа авторов «Die Tat» стремилась использовать национал-социалистическое движение, чтобы создать «немецкий социализм». Но и нацисты, в свою очередь, выигрывали от союза с «консервативными революционерами», получая дополнительную духовную поддержку и возможность отравлять общественное мнение своей идеологией²⁴. Шифрину было ясно, что аудитория журнала «Die Tat» никоим образом не принадлежала к безоговорочным сторонникам нацизма. По интеллектуальным и эстетическим причинам она более симпатизировала итальянскому фашизму, а не примитивному немецкому нацизму. Но при этом журнал «Die Tat» видел в нацизме большие возможности развития национальной энергии. Авторы и поклонники «Die Tat» не верили в долговременную историческую миссию нацизма; они считали, что нацизм проложит путь для идущего ему на смену настоящего, революционного, националь-

²¹ Schmitt C. *Legalität und Legitimität*. München-Leipzig, 1932; Idem. *Der Hüter der Verfassung*. Tübingen, 1931; Idem. *Der Begriff des Politischen*. Berlin, 1963.

²² Forsthoff E. *Der totale Staat*. Hamburg, 1933. P. 13.

²³ Kuhn H. *Das geistige Gesicht der Weimarer Zeit* // *Zeitschrift für Politik*. 1961. № 8. P. 4.

²⁴ Schifrin A. *Adelfaschismus und Edelfaschismus* // *Die Gesellschaft*. 1932. № 7. P. 97.

ного социализма. Поэтому авторы «Die Tat» идеализировали национал-социализм. Идеализация гитлеровской партии как средства и цели была, по Шифрину, еще более опасна, чем хладнокровное ее использование в классово-политических интересах²⁵.

***

Хотя Франк неоднократно подчеркивал специфику русской трагедии 1917 г., он, как уже было сказано, не игнорировал ее всеобщий наднациональный характер. Русская революция представлялась ему последним актом начавшегося на заре современной эпохи восстания европейцев против теократической системы средневековья.

Причины и последствия этого процесса Франк описывает, в своей написанной в 1924 г. статье «Религиозно-исторический смысл русской революции». Современную эпоху символизировали для него стремление человека к самореализации и самоопределению, к освобождению от всяческого патернализма. Это восстание против средневековья было для Франка абсолютно оправданным, потому что оно вскрыло главную слабость средневекового мировоззрения, которое, по Франку, состояло в следующем: «Религиозно-общественной идеей средневековья была идея теократии: идеал утверждения царства Божия, установления правды на земле через подчинение человека власти, авторитет которой имеет неземное, божественное происхождение... Но эта система была (однако) основана... на забвении одной кардинальной истины христианского сознания – истины о личной свободе, как основном условии религиозно-осмысленной жизни»²⁶.

Франк указывает на то, что направленное против теократической системы восстание высвободило беспрецедентную творческую энергию. В то же время европейская культура стала все более удаляться от своих изначальных религиозных корней, хотя зависимость от них сохранялась и в просвещенные времена. Отход от своих духовных основ привел к кризисам идентичности. Они проявились, не в последнюю очередь, в английской и французской революциях: «Человечество думало достигнуть неба, оторвавшись от своих корней и свободно паря в воздухе; оно хотело как будто овладеть небом и подчинить его себе. А на самом деле, дорости до неба можно только, будучи с самого начала, через глубины духовно-исторической почвы укорененным в нем самом»²⁷.

Как же все эти события связаны с Россией, задается вопросом Франк: «Россия никогда не видала ни ренессанса, ни реформации – ни даже рационализма и просветительства в том глубоком и спонтанном смысле, какой носили эти движения на Западе; в России не было и господства либерально-буржуазной демократии,

²⁵ Ibid. P. 106-107.

²⁶ Франк С.Л. По ту сторону правого и левого. Париж, 1972. С. 23.

²⁷ Там же. С. 37.

завершением которой и вместе с тем протестом против которой является социализм»²⁸.

Почему же тогда начатый на заре Нового времени отход от средневековья с его ярко выраженной религиозностью именно в России достиг своего пика и ранее неслыханной разрушительной силы? Почему именно здесь заимствованные от Запада материалистические и социалистические идеи были выражены с радикализмом, поразившим западных наблюдателей?

Франк объясняет это положение дел особой формой православной духовности, которая по своему социальному воздействию принципиально отличается от западного христианства: «В то время как на Западе религиозное творчество с самого начала вложилось в дело внешнего жизненного строительства, и восприятие христианства означало для западно-германских народов вступление в суровую теократическую школу морального, государственного и гражданско-правового воспитания, – в России великая духовная энергия, почерпаемая из безмерной сокровищницы православной веры, шла едва ли не целиком в глубь религиозного развития духа, почти не определяя эмпирическую периферию жизни; во всяком случае она не определила собой общественно-правового уклада русской жизни, не воспитала веры в какие либо, освященные ею принципы гражданских и государственных отношений... Русский человек либо имеет в своей душе истинный „страх Божий“, подлинную религиозную просветленность, и тогда он являет черты благодати и величия изумляющие мир, либо же он есть чистый нигилист, который уже не только теоретически, но и практически ни во что не верит, и которому все позволено»²⁹.

Эти колебания «русского человека», особенно народных масс, между глубоким страхом Божиим и все уничтожающей анархией («русский бунт, бессмысленный и беспощадный» - Александр Пушкин), изучались и другими современниками Франка, например, Сергеем Аскольдовым - соавтором сборника «De Profundis».

Согласно Аскольдову, гуманистическое мировоззрение, свободные от религии этика, наука и искусство едва ли могли укорениться в России. Интеллигенции не удалось донести до русского народа гуманистические идеалы, однако она смогла разрушить его религиозность. Императивы, сдерживавшие разрушительные страсти людей, потеряли свою эффективность³⁰.

Еще в 1908 г. Сергей Булгаков в этой связи отмечал, что интеллигенция «просветив» народ, разрушила его традиционные представления. Но эта «победа»

---

²⁸ Там же. С. 28.

²⁹ Там же. С. 28-32; см. также: Бердяев. Новое средневековье. С. 20-21; его же. Русская идея. Париж, 1971. С. 249.

³⁰ Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967. С. 31-66.

интеллигенции будет иметь катастрофические последствия для России, продолжал Булгаков.³¹

Действительно, в начале XX в. русские социальные низы пребывали в промежуточном состоянии между патриархальностью и современностью. До тех пор, их мировоззрение, так же как и на Западе во времена средневековья, было связано, прежде всего, с религиозными представлениями. Православный царь служил для них воплощением государства. Солдаты сражались за «веру, царя и отечество». Русский историк и публицист Георгий Федотов считал неслучайным, что в этой триаде понятие «отечество» стоит на последнем месте³². Но отказ вследствие «просвещения» русских низов от их веры в царя привел к ослаблению их связей с государством. Современная национальная идея, рассматривающая собственное государство, независимо от его религиозной коннотации, в качестве своего рода венца творения, присутствовала в России в зачаточном состоянии и лишь у части образованного класса. Факт, что русские «крестьяне в солдатских шинелях» не были готовы защищать учрежденную в феврале 1917 г. «первую» русскую демократию от внешних врагов (Франк назвал это «самоубийством русской нации»), был не в последнюю очередь связан с тем, что низы русского общества больше не понимали своего государства, его политических целей и идей³³.

В отличие от Запада, секуляризация в России не являлась постепенным многовековым процессом - она произошла внезапно, в течение короткого периода времени. Старое и новое образовали здесь в высшей степени взрывоопасную смесь. Вера в царя как наместника Бога на земле сменилась не светской моделью мышления, а верой в революцию, которая, как прежняя вера, была связана с хилиастическими ожиданиями спасения. При этом русские рабочие и крестьяне повторили, как было сказано, путь русской интеллигенции, пройденный двумя поколениями ранее.

Однако мышление интеллигенции сохраняло, несмотря на утрату ею всякой связи с православной церковью, определенную религиозную основу. Фанатичная преданность, с которой интеллигенция служила революционным идеалам, например, социализму, напоминала беспрекословную веру их предков в чистоту Православия; за эту веру многие, в частности, старообрядцы, были готовы взойти на костер. Типичная для буржуазной эпохи «десакрализация» мира (Макс Вебер), в царской России не была связана с рациональным скептицизмом в отношении абсолютных истин.

Федор Достоевский писал о социализме, что это учение лишь внешне напоминает социальную доктрину. Намного важнее политических амбиций социа-

---

³¹ Булгаков С. Два града. М., 1911. Т. 2. С. 159-163.

³² Федотов Г. Революция идет // его же. Судьба и грехи России. Санкт-Петербург, 1991. Т. 1. С. 129.

³³ См. Его же. Будет ли существовать Россия // Судьба и грехи России. Т. 1. С. 175.

лизма его стремление стать альтернативой христианству³⁴. Это его определение хотя и претендует на универсальность, описывает в первую очередь русские, а не западные нравы. В России служили светским идеалам с особой религиозной серьезностью и безоговорочностью. 1917 год подтвердил это с предельной ясностью. Характерные для многих русских атеистов поиски путей как бы религиозного спасения и стремление к абсолюту являются для Франка одной из центральных характеристик «русского мировоззрения».

Этой теме Франк посвятил лекцию в берлинском обществе Канта в 1925 году, опубликованную на следующий год в качестве статьи. Франк пишет: «Русский дух, так сказать, насквозь религиозен. Он, собственно, не знает ценностей помимо религиозных, стремится только к святости, к религиозному преображению... Все относительное, что бы оно собой ни представляло - будь то мораль, наука, искусство, право, национальности и т. д., как таковое, не является для русского никакой ценностью. Оно обретает свою ценность лишь благодаря своему отношению к абсолютному, лишь как выражение и форма проявления абсолютного, абсолютной истины и абсолютного спасения. В этом состоит принципиальный радикализм русского духа, искажением и деформацией которого являются политический радикализм или максимализм, обусловленные тем, что дух уже оторван от своих истинных, т. е. религиозных, корней»³⁵.

Дав такую характеристику «русскому духу», Франк обращается к русскому нигилизму, не имеющему ничего общего с распространенными на Западе скептицизмом и агностицизмом: «Русский нигилизм... является не только отдельной, исторически обусловленной формой русского мировоззрения, но и составляет длительное болезненное состояние русской духовной жизни, не что иное, как обратная сторона, негативный полюс этого духовного радикализма... Русский нигилизм вовсе не простое неверие - в смысле религиозного сомнения или индифферентности, он, если можно так выразиться, есть вера в неверие, религия отрицания. Если рассмотреть его с другой стороны, он вообще является не столько теоретическим отрицанием духовных ценностей, сколько страстным стремлением их практически уничтожить, "штурмом небес" - как однажды сами коммунисты назвали то, что разжигается только через самую горячую веру, пусть даже с негативным содержанием»³⁶.

В том же году, что и «Русское мировоззрение» была опубликована статья Франка «Большевизм и коммунизм как духовные явления». В этой работе автор также исследует особенности столь свойственного для России идеократического мышления, то есть стремления к немедленному и полному осуществлению абстрактных, с почти религиозным рвением отстаиваемых идеалов, в частности таких, которые Запад рассматривал лишь как умозрительные конструкции. «По

---

³⁴ См. Бердяев. Духи русской революции.

³⁵ Франк С.Л. Русское мировоззрение. Берлин, 1926. Цит. по: Франк С.Л. Русское мировоззрение. Санкт-Петербург, 1996. С. 184; см. Бердяев. Русская идея.

³⁶ Франк. Русское мировоззрение. С. 184-185.

счастью, европеец знает коммунизм только как идею, идеал будущего, в то время как Россия приучается узнавать его осуществленное общественное устройство»³⁷.

Отметим однако, что и Запад, несмотря на многовековой процесс секуляризации, не был застрахован от эпидемии иррационального, от взрыва псевдорелигиозного идолопоклонства. В том же году, когда Франк выступил с докладом о «русском мировоззрении», появилась книга Гитлера «Mein Kampf»; в ней нацистский вождь призывал создать новое, ранее невиданное общество, в котором «расово неполноценные» люди, как он их называл, не имели бы права на существование. Эту идеологию, которая даже в большей степени, чем большевистская, разрушала традиционный европейский образ человека, ее приверженцы несли со столь же фанатичным псевдорелигиозным рвением, что и большевики свое учение.

***

В работах по интеллектуальной истории Франк уделяет большое внимание творчеству русских мыслителей, предсказавших события 1917 года и другие катастрофы XX в. В связи с этим особенно тщательно Франк изучал труды самобытного писателя и публициста Константина Леонтьева (1831-1891). Пессимизмом в отношении развития современной культуры и тезисом о европейском декадансе Леонтьев во многом предвосхитил идеи Фридриха Ницше и Освальда Шпенглера. В отличие от Ницше, Леонтьев был однако убежденным христианином и считал, что лишь возвращение к вере могло бы предотвратить европейскую катастрофу. Однако леонтьевское толкование веры вызывало у Франка определенные опасения: Леонтьев особенно ценил в христианстве аскетизм и дисциплинирующие моменты богословия. Поэтому Леонтьев восхищался византийской традицией как важнейшей основой русской государственности. В изданной в 1928 г. статье «Константин Леонтьев, русский Ницше», Франк пишет: «Византизм был для него лучшим выражением органически растущего пышно разнообразного развития культуры на основе эстетически организованной и поэтому также сурово воспитывающей религии и возвращенной такой религией крайне деспотической государственной власти. Хаотическое в славянстве – не исключая и русского народа – было удержано в повиновении мрачно-аскетическим византийским православием и сформировано в мощное государство»³⁸.

---

³⁷ Франк С.Л. Большевизм и коммунизм как духовные явления // его же. Русское мировоззрение. С. 138.

³⁸ Frank S. Konstantin Leont'ev – ein russischer Nietzsche // Hochland. 1928-1929. № 6. P. 613-632, цит. по: Франк С. Константин Леонтьев, русский Ницше // его же. Русское мировоззрение. С. 417; см. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. С. 438-457.

Леонтьев подвергает остротой критике тех, кто считает доброту, прощение и милосердие центральными догматами христианской веры: «Они взяли лишь одну сторону евангельского учения и зовут ее существенной стороной! [...] Нельзя... все мягкое, сладкое, приятное, облегчающее жизнь принять, а все грозное, суровое и мучительное отвергать как несущественное»³⁹.

Даже у Достоевского Леонтьев обнаруживает однобокое «розовое» христианство. Франк, в свою очередь, осуждает односторонность Леонтьева, утверждая, что «аскетизм подобного рода религиозно отрицает мир как царство сатаны, тогда же он отрицает возможность нравственного улучшения мира (стремление, в котором он видит только человеческое высокомерие и слепоту) и, следовательно, по меньшей мере теоретически санкционирует, хотя и с печальным смирением, весь мир таким, каким он однажды дан»⁴⁰.

Несмотря на эту критику, Франк отмечает прогностические способности Леонтьева. Почти все его современники живя во внешне стабильном XIX в. верили в силу прогресса. Они и представить себе не могли, что тезисы Леонтьева о приближении европейской катастрофы окажутся верными.

Франк увидел в Леонтьеве человека, сумевшего «с почти пророческим ясно-видением»⁴¹, предсказать, «что социализм неотвратим», и провидеть его истинную природу. Леонтьев «ясно видит, что у социализма нет ничего общего с гуманитарным либерализмом и демократией, хотя он и является их вырождением; что при нем будет господствовать не свобода, а высшее рабство, что при нем люди придут не к желаемому всеобщему счастью, а к нездоровому, жестокому, полному боли существованию»⁴².

Не менее яростно, чем социализм, Леонтьев отклонял либеральную демократию, причем не только по политическим, но и по эстетическим причинам. Демократическая идея равенства представлялась ему отказом от многоцветного разнообразия и сложности обществ, отличающихся устойчивой иерархией. Вместо героев и мучеников демократическое общество воспроизводит лишь средних граждан, самодовольных и скучных.

Аналогичные тезисы защищали многие западные сторонники старого режима. Однако они, в отличие от Леонтьева, были непосредственными свидетелями триумфального шествия либерализма и парламентаризма. В противоположность им, в России Леонтьев имел дело с весьма скромными успехами либеральной системы периода реформ Александра II (судебная реформа, ослабление цензуры, ре-

---

³⁹ Франк. Константин Леонтьев, русский Ницше. С. 419; см. также: Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Париж, 1926.

⁴⁰ Франк. Константин Леонтьев, русский Ницше. С. 419-420.

⁴¹ Там же. С. 422.

⁴² Там же. С. 418. Отметим, что в 1928 г., когда Франк писал эти слова, часть социалистического движения – европейская социал-демократия – определенно руководствовалась принципом свободы. Лишь для коммунистического крыла первоначально единого социалистического движения был характерен полный отказ от демократии.

форма местного самоуправления и т.д.). Но даже это частичное ослабление царского режима зашло для Леонтьева слишком далеко.

Однако Леонтьев был не только крайне несправедливым критиком либерализма, но и, как уже отмечалось, проницательным диагностом. Он пророчески предвидел грядущий кризис либеральной системы. Франк пишет: «В любом случае Леонтьев ясно осознавал упадок либеральной демократии и приход примитивного деспотизма, каким являются и фашизм и большевизм. В то время, когда все добрые, целомудренно-образованные европейцы были убеждены, что либерально-демократическо-гуманитарный общественный порядок неистребимо укоренился, обещая долгое мирное культурное развитие, он предчувствовал близкую “мировую катастрофу”, мировую войну и мировую революцию, которые приведут к “всемирной ассимиляции” и, глумясь, растопчут любой гуманистический либерализм»⁴³.

Кто же был ответственен за катастрофы, которые предвидели как Леонтьев, так и другие русские мыслители, такие, как Достоевский? Были ли лишь одни нетерпеливые и нетерпимые революционные фанатики виновниками этих катастроф? Франк отвергает это одностороннее объяснение, столь широко распространенное в России в лагере противников большевиков. Виновниками русской катастрофы, с его точки зрения, были не только левые, но и правые. В то время как левый радикализм стремился к ликвидации существующего строя любой ценой, правые радикалы хотели сохранить существующий порядок также любой ценой, включая принуждение и насилие. В работе под названием «По ту сторону „правого“ и „левого“», изданной в 1931 г., Франк писал: «Сохранение, наперекор жизни, во что бы то ни стало старого и стремление во что бы то ни стало переделать все заново сходны в том, что оба не считаются с органической непрерывностью развития, присущей всякой жизни, и потому вынуждены и хотят действовать принуждением, насильственно – все равно насильственной ли ломкой, или насильственным „замораживанием“»⁴⁴.

Это подчеркивание сущностных особенностей левого и правого радикализма может быть воспринято как предопределение теории тоталитаризма, которая появилась позже. Но не только применение принуждения и насилия, с точки зрения Франка, свидетельствует о сущностном родстве между этими двумя полярными группами, но и их способность к мобилизации масс: «„Правые“... становятся выразителями вождельний и интересов той части низших классов, которая еще живет в идее традиционализма... „Правые“ (или, по крайней мере, известная их группа)... мечтают о народном восстании и в этом смысле занимают позицию „крайних левых“. Несмотря на свою острую ненависть к „левым“ в других отношениях, они иногда солидаризируются с теми „крайними левыми“, которые сами находятся в оппозиции и не удовлетворены господствующей в государстве

⁴³ Франк. Константин Леонтьев, русский Ницше. С. 419.

⁴⁴ Франк. По ту сторону „правого“ и „левого“. С. 44; см. также: Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. С. 289-306.

левой властью, и эту связь выражают даже в своем имени („национал-социалисты“ в Германии)»⁴⁵.

Как в правом, традиционалистском и консервативном, так и в левом, социальном и революционном, лагерях Франк обнаруживает силы, которые дистанцируются от радикальных лозунгов и задумываются о таких ценностях, как свобода личности и компромисс. К таким силам, как в России так и на Западе, принадлежат, с точки зрения Франка, демократически настроенные социалисты и либерально мыслящие консерваторы. Несмотря на пропасть, разделяющую их взгляды, они открывают для себя то общее, что их соединяет: неприятие радикализма любого рода.

Однако этот вывод Франка, по крайней мере, в том, что касалось немецких консерваторов, был несколько преждевременным. Именно в том году, когда Франк опубликовал эту свою статью, в консервативных элитах Германии все сильнее стало проявляться течение, представители которого считали союз с социал-демократами (Веймарскую коалицию) изжившим себя и выступали за союз с нацистами, чтобы вместе с праворадикальными силами устранить непопулярную „Веймарскую систему“⁴⁶.

б. Семен Франк о нацистской идеологии и об «ереси утопизма»

Начавшаяся в 1933 г. немецкая трагедия, которую Франк наблюдал в непосредственной близости, в Берлине, в большой степени напоминала события в России в 1917-1921 гг. Как и в большевистской России, жизнь Франка вновь была в опасности не только из-за его свободолюбивых и антиавторитарных убеждений, но и вследствие его происхождения. В России его жизнь находилась под угрозой, так как он был «буржуазным» мыслителем, в «Третьем рейхе» - из-за его еврейского происхождения. Тот факт, что в 1912 г. в возрасте 35 лет Франк крестился, не играл для нацистских властей никакой роли. С точки зрения нацистской идеологии он был евреем и подлежал такой же дискриминации, что и его нехристианские соплеменники.

Принятием в апреле 1933 г. «арийского параграфа» нацистское государство начало процесс лишения еврейского меньшинства всех прав, завершившийся Холокостом. Провозглашая расовое происхождение в качестве главного принципа, различающего людей внутри государства, нацистское руководство открыто издевалось над христианской религией, которую в 1933 г. официально исповедо-

---

⁴⁵ Франк. По ту сторону. С. 51.

⁴⁶ См. Heiden K. Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Zürich, 1936; Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen. Vol. 1. Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. München, 2002; Kershaw I. Adolf Hitler 1889-1936. Stuttgart, 1998.

вали 95% населения Германии⁴⁷. Над последствиями этого беспрецедентного в истории Германии и Европы разрыва с христианской верой Франк в 1934 г. размышлял в статье «Религиозная трагедия иудаизма. От еврея-христианина», которая была опубликована в журнале «Eine Heilige Kirche»⁴⁸.

Франк в начале пишет о трагедии иудейско-христианских отношений, которая для него, прежде всего, состоит в том, что евреи не приняли Мессию, посланного Богом Израиля. Так народ Израиля проявил неверность своему Богу, и, таким образом, самому себе. Франк подчеркивает, что Христос есть наиболее полное выражение «еврейского религиозного духа». Тем самым он выступает против псевдохристианских идеологов, которые хотели бы отделить Ветхий Завет от Нового объявить Христа неевреем⁴⁹. Согласно Франку, не только евреи отрицали Спасителя, – это делали также очень многие христиане, несущие свою долю ответственности за то, что евреи сохранили свою прежнюю веру⁵⁰. Кроме того, по мнению Франка, многие евреи не желали креститься, чтобы не попасть под подозрение, что они хотят воспользоваться преимуществами принадлежности к господствующей религии. Но этого можно было больше не опасаться в России после 1917 г., когда православная церковь перестала быть правящей и превратилась в «церковь мучеников».

И в Германии после введения «арийского параграфа» крещение перестало давать евреям какие-либо земные преимущества: «Еврей-христианин с этого момента продолжит разделять судьбу своего народа. Он может остаться верным своему народу, несмотря на свою христианскую веру. [В] более широкой перспективе [...] теперь основной разделительной линией в земных судьбах человеческих станут не различия между евреями и христианами, а отличие истинно верующих [...], от людей, для которых государство и этническая принадлежность являются абсолютными, все определяющими ценностями»⁵¹.

Своим неприятием расовой теории Франк поставил под вопрос основу нацистского самосознания, что сделало его существование в "Третьем рейхе" еще более опасным.

Не менее смелой, чем статья «Религиозная трагедия иудаизма» была лекция Франка о «Легенде о Великом Инквизиторе» Достоевского, с которой он выступил вскоре после прихода нацистов к власти. Текст лекции был опубликован в виде статьи в журнале «Hochland» за 1933-1934 гг. Франк выступает здесь против попытки так называемых «сверхчеловеков», превратить людей в стадо по-

⁴⁷ Von Hehl U. Die Kirchen in der NS-Diktatur // K.D. Bracher u.a. Deutschland 1933–1945. 2. Aufl. Bonn, 1993. P. 155.

⁴⁸ Frank S. Die religiöse Tragödie des Judentums. Von einem Judenchristen // Eine Heilige Kirche, April-Juni 1934. P. 128-133.

⁴⁹ Этот тезис не в последнюю очередь отстаивал британо-германский расист Х.С. Чемберлен, в особенности в работе 1899 г. «Основы XIX в.», которую позже взяли на вооружение Гитлер, Гиммлер, Геббельс и другие нацисты.

⁵⁰ Frank. Die religiöse Tragödie. P. 132.

⁵¹ Ibid. P. 133.

слушных рабов, лишенных всякой самостоятельности, свободы и, тем самым, человеческого достоинства: «Содержащаяся в легенде критика направлена вообще против целей той утопии, которая неоднократно формулировалась в истории человечества [...] против намерения передать ответственность за судьбу общества в руки избранного мудрого слоя и достигнуть счастья человечества посредством деспотической власти над безответственной, воспитанной в рабском повиновении массой»⁵².

Как своей уничтожающей критикой «принципа фюрерства», так и неприятием расовой идеологии, Франк разбивал основные мировоззренческие постулаты нацистского государства. Это не осталось незамеченным. Среди слушателей Франк был агент гестапо, который понял, что критика идущих от Сатаны советов презирающего людей Великого Инквизитора косвенно направлена против нацистского режима. Гестаповец сказал Виктору, сыну философа: «Скажите Вашему отцу, чтобы он был осторожнее. Мы понимаем, что он действительно хотел сказать своим докладом»⁵³.

Протест Франка против принуждения и обмана народа деспотом-«вождем», был, конечно, направлен не только против правых, но и против левых диктатур. Франк в своей критике тоталитаризма всегда боролся на два фронта, часто опираясь на Достоевского, который в своих романах предугадал оба варианта тоталитарного искушения.

Так, один из персонажей «Бесов», Шигалев, создает социальную утопию, в которой безграничная свобода приводит к неограниченному деспотизму.

В романе «Преступление и наказание» Раскольников, верящий в «сверхчеловека», развивает как в XX-том столетии фашисты теорию «высших» и «низших» категорий людей.

Ясность, с которой Достоевский, живший во внешне стабильном XIX веке, предвидел катастрофические события XX века, в самом деле поразительна. Франк также очарован провидческим даром Достоевского.

Это нашло свое отражение, в частности, в вышеупомянутом трактате о Великом Инквизиторе, а также в статье 1931 г. под названием «Достоевский и кризис гуманизма». Франк пишет: «Достоевский не знал ни марксизма, ни Ницше, но предвосхитил в своих произведениях оба эти течения»⁵⁴.

---

⁵² Frank S. Die Legende vom Großinquisitor // Hochland. 1933-1934. P. 57, цит. по: Франк С.Л. Легенда о Великом Инквизиторе // его же. Русское мировоззрение. С. 368.

⁵³ Франк С.Л. Легенда о Великом Инквизиторе // Вестник РСХД. 1976. № 117. P. 102. В конце 1937 года Франк был вынужден эмигрировать из нацистской Германии во Францию. Но после поражения Франции и ее оккупации немецкими войсками жизнь Франк вновь была в чрезвычайной опасности. Он спасся, в первую очередь, благодаря самоотверженности жены. В своих воспоминаниях Татьяна Сергеевна Франк пишет: «И вот опять неравная страшная борьба, в которую я должна вступить, страх за самое дорогое в жизни...Все отдать, но только не потерять его, спасти, и спасла» (см. Кантор. Русская революция. С. 336).

⁵⁴ Frank S. Die Krise des Humanismus. Eine Betrachtung aus der Sicht Dostoevskijs // Hochland. Juli 1931. Цит. по: Франк С. Достоевский и кризис гуманизма // его же. Русское мировоззрение. С. 364.

Франк пишет о «”чуде свободы” ..., о которой как о высшем абсолютном благе говорит ”человек из подполья“». Через это начало ведет единственный путь человека к Богу... Это есть поистине “узкий путь”, со всех сторон окруженный безднами греха, безумия и зла». Революционный социализм, «по пророческому проречию Достоевского, несовместим со свободной личностью и неминуемо ведет к тоталитарной деспотии и даже всеобщему порабощению»⁵⁵.

В роковом 1939 году Франк в работе «Проблема христианского социализма» вновь, вслед за Достоевским, провозглашает постулат свободы. В статье содержится ясный отказ от любых попыток сочетать любовь к ближнему и принуждение: «Социализм есть... замысел *принудительного* осуществления правды и братства между людьми; в качестве такового, он *прямо противоречит* христианскому сознанию *свободного братства во Христе*»⁵⁶.

Когда в 1939 г. Франк писал эту свою работу, западные демократии находились в небывалой до сих пор опасности. В 1918 г. они, несмотря на ненадежность русских союзников, смогли завершить Первую мировую войну убедительной победой. Однако в послевоенное время глобальное соотношение сил однозначно изменилось в пользу диктатур. Демократические страны в одиночку были уже не в состоянии выиграть новое глобальное военное противоборство, начавшееся в 1939 году. Лишь распад заключенного в августе 1939 г. союза тоталитарных держав (пакта Гитлера-Сталина) мог бы изменить крайне уязвимую для Запада ситуацию. Как в Лондоне, так и в Вашингтоне, теперь страстно желали разрыва между Москвой и Берлином. Русский фактор начал играть в стратегических планах Запада центральную роль. В самом деле, поражение Гитлера было невозможно без участия Сталина. Однако победа, аналогичная триумфу западных демократий после Первой мировой войны, была с таким союзником, как Сталин, немыслима. Тем не менее, Запад из-за своей военной слабости в то время не имел другого выбора, чем предоставить сталинской деспотии право голоса при формировании нового мирового порядка⁵⁷.

За эту уступку Западу советскому диктатору народы, прежде всего Восточной Европы, должны были заплатить высокую цену. Сложившуюся ситуацию польский журналист Ежи Помяновский характеризовал так: «Красная Армия действительно спасла [народы Восточной Европы от гитлеровской тирании. – Л.Л.], но не освободила их»⁵⁸.

---

⁵⁵ Там же. С. 366, 368.

⁵⁶ Франк С.Л. Проблема „христианского социализма“ // его же. По ту сторону правого и левого. Париж, 1972. С. 80.

⁵⁷ Дж. Кеннан так охарактеризовал эту дилемму демократий: Запад был слаб настолько, что он уже не был в состоянии победить одного из двух тоталитарных противников без помощи другого. Безупречная в моральном отношении победа была для Запада более не возможна. Kennan G.F. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston-Toronto, 1961. P. 314-315; Kennan G.F. Amerikas Außenpolitik 1900 bis 1950 und ihre Stellung zur Sowjetmacht. Zürich, 1952. P. 88.

⁵⁸ Цит. по: Piławski K. Polska znika z Rosji // Pogląd. 22.5.2007.

В этой ситуации была написана статья Франка «Ересь утопизма» (1946 г.), в которой автор подвел своего рода итоги своего многолетнего изучения тоталитаризма как явления. Так как при тоталитарных режимах речь идет об «Утопии у власти» (М. Геллер, А. Некрич), Франк изучает суть утопического мышления, лежащего в основе двух тоталитарных режимов XX в. – большевизма и нацизма. Еще в статье «Этика нигилизма», опубликованной в сборнике «Вехи», Франк осудил утопизм русской революционной интеллигенции, ее стремление разрушить существующий несправедливый мир и на его развалинах построить рай на земле. Но тогда сторонниками утопического мышления были небольшие группы фанатиков, которые, казалось, не имели никаких шансов свергнуть колосс самодержавия. Но в 1917 г. случилось ранее немыслимое - утопия пришла к власти, сначала в России, а затем, в 1933 г., в Германии. Таким образом, Франк в эссе «Ересь утопизма» изучает не только утопическую теорию, но и, прежде всего, практику утопизма. Цель утопии, по Франку, это «улучшение» творения. Несовершенство мира не давало утопистам покоя. Их целью было «новое творение». Франк пишет: «Человек берет на себя самого дело устройства мира на новых, праведных основаниях; этот новый, праведный и разумный мир – творение ... воли человека – отчетливо противопоставляется миру старому, исконному, исполненному зла и неразумия – миру, созданному некоей злой, слепой, хаотической силой»⁵⁹.

Предпосылкой нового творения является полное разрушение старого: «Подобно Богу, человек замышляет сотворить мир из ничего; но не находясь в положении Бога, который впервые сотворил мир, он встречает препятствие для своего творческого замысла в лице уже существующего мира»⁶⁰.

Этот относительно устойчивый существующий мир чрезвычайно раздражает утопистов, пишет Франк. «Но старый, исконный мир – мир грешный, неразумный и несовершенный – упорствует в своем бытии, сопротивляется своему разрушению. Это упорство представляется утопизму всегда чем-то непонятным, неожиданным, противоестественным, ибо противоречит его представлению об относительно легкой возможности построить новый мир». С точки зрения утопистов, представляется естественным, «что нормальные люди должны согласиться на план построения нового мира, обеспечивающий им „спасение“, разумную и блаженную жизнь. Эта извращенная, порочная воля немногих должна быть подавлена и уничтожена; отсюда – требование „тысячи“ голов. Но этот старый мир, несмотря на свою порочность и дряхлость, на все свое несовершенство, все же имеет некое сверхчеловеческое происхождение – и потому некую для утопизма неожиданную прочность, о которую разбивается всякая чисто человеческая воля. Поэтому никакое устранение „тысячи голов“ здесь помочь не может ... Дело разрушения безнадежно затягивается, и на этом пути утопизм роковым образом увлекается на путь беспощадного и все более универсального террора.

⁵⁹ Франк С.Л. Ересь утопизма // его же. По ту сторону правого и левого. С. 100.

⁶⁰ Там же.

Именно поэтому благодетели человечества неизбежно становятся его угнетателями, мучителями и разрушителями»⁶¹.

Где же корни утопического мышления?

Франк отвечает на этот вопрос так: «Ересь утопизма можно, ... ближайшим образом определить, как искажение христианской идеи спасения мира через замысел осуществить это спасение принудительной силой закона. Поскольку идея закона есть руководящая идея ветхозаветной религии, ересь утопизма оказывается искажением христианского сознания в направлении ветхозаветных представлений»⁶².

Аналогичные тезисы отстаивали и другие русские религиозные философы. Так, Николай Бердяев в 1918 г. в своей книге «Философия неравенства», вызвавшей оживленные споры (от этой книги автор потом дистанцировался)⁶³, писал о социалистическом утопизме следующее: «Это смешение небесного с земным – типично еврейский феномен. Поэтому не удивительно, что Карл Маркс был евреем. Социализм – это форма укоренившегося в еврейской традиции апокалиптически-хилиастического движения безбожных антицерковных времен»⁶⁴.

Это объяснение происхождения ереси утопизма никак нельзя признать удовлетворительным. Как Бердяев, так и Франк, много раз указывали на то, что стремление к достижению рая на земле – это универсальный феномен. Это общечеловеческое заблуждение, выходящее далеко за рамки лишь еврейского или ветхозаветного мира.

Франк искал, однако, и другие истоки утопического мышления. Независимо от Эрика Фёгелина, он указывает на другой источник утопизма, а именно – раннехристианский гностицизм⁶⁵.

---

⁶¹ Там же. С. 101; См. также: Франк С. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. Париж, 1949; Кантор. Принцип «христианского реализма». С. 296, 301, 305-306.

Красной нитью через творчество Франка проходит проблема человеческой гордыни. Петр Элен пишет об этом так: «Оглядываясь в конце Второй мировой войны на ужасы революции, изгнания, войны и геноцида, Франк вновь пришел к пониманию того, что основной причиной заблуждений и трагедий XX века является высокомерие человека, его извращенная завышенная самооценка. „Вера в человека освободилась от веры в Бога. Человек поднял себя до равного Богу“». Ehlen P. Russische Religionsphilosophie im 20. Jahrhundert. Simon L. Frank. Das Gottähnliche im Menschen. Freiburg-München, 2009. P. 341-342.

⁶² Франк С.Л. По ту сторону. С. 95; см. Ehlen. Russische Religionsphilosophie. P. 178-182; Митрофанов Г. Россия XX века – „Восток Ксеркса“ или „Восток Христа“. Духовно-исторический феномен коммунизма как предмет критического исследования в русской религиозно-философской мысли первой половины XX века. Санкт-Петербург, 2004. С. 37-40.

⁶³ Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). Париж, 1949. С. 248.

⁶⁴ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Париж, 1970. С. 154-156. См. на эту тему также Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. Париж, 1968. С. 141; его же. Смысл истории. Париж, 1970. С. 109. В книге «Смысл истории» Бердяев называет однако и другой источник социалистического утопизма – это материалистическое искажение средневековой теократической идеи (С. 174-175).

⁶⁵ См. об этом: Voegelin E. Wissenschaft, Glaube, Gnosis. München, 1959; см. также: Митрофанов. Россия XX века. С. 42-43.

Как утописты, так и гностики внутренне едины в своем моральном ригоризме: и те, и другие, выступают против зла в этом мире. Они связывают зло не с грехопадением, а исключительно с внешними обстоятельствами, с демиургом-человеконенавистником, создавшим этот несовершенный мир, или же с бесчеловечными социальными условиями. Напрасно полагать, что зло будет побеждено либо уходом от мира в аскезу, либо восстанием против существующего общественного строя, пишет Франк. Так как человек не может искупить первородный грех, уйдя от самого себя; опять же, внешним механическим принуждением нельзя устранить ни одного атома зла.

Так как утопист нарушает замысел Создателя и выступает против человеческой природы, его намерения изначально обречены на провал, подчеркивает философ. И тому, и другому он объявляет войну, превращаясь из предполагаемого спасителя человечества в злейшего врага рода человеческого. Так что в конце утопического действия почти неизбежно разрушение и уничтожение личности.

Однако надо спросить себя, почему же сторонники утопического мышления в первой половине XX в. добились таких потрясающих успехов⁶⁶. Почему сопротивление многих европейцев этим непримиримым врагам европейской цивилизации было столь робким и неэффективным?

Тут нельзя забывать о том, что гитлеровский «новый порядок» удалось победить лишь подавляющей военной силой Антигитлеровской коалиции, а демонтаж сталинской системы начался лишь после смерти ее основателя.

С чем же был связан беспрецедентный триумф тоталитарных диктатур в XX веке? Соотечественник Франка писатель Василий Гроссман объясняет этот факт распространенной в современном обществе склонностью к конформизму и покорности. В самом деле, торжество тоталитарных режимов в первой половине XX в. было бы немыслимо без готовности многих европейцев примириться с ними. Если учесть, что многие из этих людей, ставших сотворцами и пособниками тоталитарных систем, ранее ценили превыше всего свободу и отвергали патерналистские системы разных видов, мы вслед за Гроссманом должны признать наличие удивительного человеческого свойства: «Большинство людей, внутренне ужасаясь массовым убийствам, скрывает свое душевное состояние не только от своих близких, но и от самих себя. Эти люди заполняют залы, где происходят собрания, посвященные истребительным кампаниям, и как бы ни были

---

⁶⁶ Николай Бердяев в 1924 г. писал в этой связи: «Социалистические утопии, которые слишком многим представлялись золотыми снами человечества, никогда не обещали никаких свобод. Они всегда рисовали картины совершенно деспотических обществ, в которых свобода была истреблена без остатка [...] Утопии плохо знали или забыли и слишком воздыхали о невозможности их осуществления. Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления». Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. Берлин, 1924. С. 121-122: см. также: его же. О рабстве и свободе человека. Париж 1939. С. 171; Степун, Сочинения. С. 527.

часты эти собрания, вместительны эти залы, – почти не бывало случая, чтобы кто-либо нарушил молчаливое единогласие голосования»⁶⁷.

Как же Гроссман объясняет эту антропологическую революцию, факт, что «Сверхнасилие тоталитарных социальных систем оказалось способным парализовать на целых континентах человеческий дух... Душа-предательница объявляет преступления совершенные фашизмом, высшей формой гуманности, соглашается делить людей на чистых, достойных и на нечистых, не достойных жизни. Страсть к самосохранению выразилась в соглашательстве инстинкта и совести. В помощь инстинкту приходит гипнотическая сила мировых идей... Насилие тоталитарного государства так велико, что оно перестает быть средством, превращается в предмет мистического, религиозного преклонения, восторга»⁶⁸.

И в самом деле, бесчисленные преступники на службе тоталитарных режимов считали уничтожение миллионов людей своего рода искуплением. Если иметь в виду, что это происходило через 150 лет после победы Просвещения и процессов эмансипации разного рода, этот отказ от всех моральных заветов и запретов последних тысячелетий кажется чем-то загадочным.

Разрушительный опыт первой половины XX в. привел к смене парадигм европейской политической мысли в направлении, заданном Семеном Франком и другими русскими мыслителями, такими как Владимир Соловьев. Они подчеркивали, что человек, из-за своей несовершенной природы, не способен создать земной рай. Но он обязан бороться против того, чтобы был создан «ад на земле».

Обновленная версия статьи опубликованной в «Историко-философском ежегоднике» (2014)

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина

---

⁶⁷ Гроссман В.С. Жизнь и судьба. Кн.1. М., 2005. С. 211-212.

⁶⁸ Там же. С. 213.

Николай Бердяев о причинах и последствиях русской революции, о «русской идее» и о «Новом средневековье»

а. «Духи» русской революции

Николай Бердяев принадлежит к немногим русским мыслителям в изгнании, получившим значительную известность на Западе¹. Это произошло не в последнюю очередь потому, что для большинства западных европейцев Бердяев был воплощением якобы типичных русских черт: он мыслил бессистемно, импульсивно и радикально. Несмотря на это, анализ русской катастрофы 1917 г. и ее коренных причин, данный Бердяевым, имеет много общего с точкой зрения Семена Франка, хотя образ мысли Бердяева и Франка принципиально отличаются друг от друга. Именно Франк считается самым системным русским философом. Также как и Франк, Бердяев говорит о самоубийстве русской нации, ответственность за которое он, прежде всего, возлагает на русские элиты.

В статье «Философская истина и интеллигентская правда», опубликованной в сборнике «Вехи», Бердяев видит пролог самоубийства русской интеллигенции в ее мировоззрении, в ее кредо, сформировавшимся в 1860-е годы. Любовь к простому народу интеллигенция соединяет с ненавистью ко всем духовным явлениям, которые прямо не служат борьбе за освобождение народа от ига самодержавия. «Долгое время у нас считалось почти безнравственным отдаваться философскому творчеству, в этом роде занятий видели измену народу и народному делу... С русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине. А философия есть школа любви к истине, прежде всего к истине», - писал Бердяев².

---

¹ См. об этом: Федотов Г.П. Бердяев-мыслитель // его же, Новый Град. Сборник статей. Нью-Йорк, 1952. С. 301-318; Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Лондон, 1991. С. 174; Шестов Л. Николай Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия//Н.А. Бердяев: Pro et contra. Антология. Книга 1. Санкт-Петербург, 1994. С.411; Лосский Н.О. Мысли Н.А. Бердяева о назначении человека // там же. С.460; Пасхальный свет на улице Дарю. Дневники Петра Еврафовича Ковалевского 1937-1948 годов. Нижний Новгород, 2014. С.603; Гапоненков А.А. Эпистолярный диалог С.Л.Франка и Н.А.Бердяева (1923-1947) //Вопросы философии 2/2014. С.119-130.

² Бердяев Н.А. Интеллигентская правда и философская истина // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. См. также Бердяев Н. Об отношении русских к идеям// его же. Типы религиозной мысли в России, Париж, 1989. С. 50-59; его же. Духовные основы русской революции// его же. Сочинения. Т. 4. Париж, 1989. С. 138-139, 224-225, 249.

Почти через 40 лет в последних трудах Бердяев существенно смягчил свои суровые суждения в отношении кредо русской интеллигенции. Он писал: «Все русское народничество вышло из жалости и сострадания. Кающиеся дворяне в 70 годы отказывались от своих привилегий и шли в народ, чтобы ему служить и с ним слиться... В стране самодержавной монархии, утверждался

«Буржуазный» объективизм считался предосудительным; принимались лишь такие философские системы, которые придавали дополнительную легитимацию классовой борьбе угнетенных против угнетателей. Интеллигенция игнорировала одного из великих русских философов Владимира Соловьева, так как его мировоззрение не укладывалось в схему классовой борьбы. В трудах одного из величайших русских писателей Федора Достоевского интеллигенция видит лишь «реакционное» политическое послание. Лишь Лев Толстой вследствие своих обличавших буржуазную культуру тирад пользовался определенной популярностью «ордена» интеллигенции³.

Этот диагноз, поставленный Бердяевым в 1909 г., был почти пророческим. Бердяев с чрезвычайной проницательностью предвидел грядущую кампанию официальной советской философии, выступавшей с позиций классовой борьбы и классовой морали против так называемой «буржуазной» объективности. Во враждебном настрое интеллигенции в отношении культуры Бердяев опять же видит колоссальную опасность для хрупкого фундамента цивилизации сотворенной Петром Великим петербургской империи.

Все эти опасения подтвердились в 1917 г. Объявленное без пяти минут 12 предупреждение сбылось. С этого момента Бердяев, как и другие авторы «Вех», стал искать глубинные причины начавшегося в 1917 г. «русского Апокалипсиса». Своего рода квинтэссенцией его революционного анализа стало эссе «Духи русской революции», написанное в 1918 г. для сборника «Из глубины» („De profundis“).

Волнения 1917 г. хотя и имели ярко выраженный антинациональный характер, однако, согласно Бердяеву, по своему стилю они были типично русскими, со всеми давними русскими болезнями и грехами. «Духи русской революции — русские духи, хотя и использованы врагом нашим на погибель нашу»⁴. Великие русские писатели за десятки лет до того предсказали характер этой русской революции, они почти написали ее пролог.

Первым из таких провидцев для Бердяева был Николай Гоголь, которого он считал самым загадочным русским писателем. Гоголь острейшим образом чувствовал зло в человеке. В отличие от Достоевского с его старцами, Гоголь в своих произведениях не создавал утешительных образов. Поверхностные критики рассматривают произведения Гоголя лишь как сатиру, обличающую крепостной строй николаевской России (Гоголь умер в 1852 г. за - 9 лет до освобождения крестьян). На самом же деле, Гоголь не только обличал темные стороны режима Николая I (1825-1855), но и запечатлел метафизический образ России, черты ко-

---

анархический идеал... Раненые страданиями человеческими... [представители интеллигенции] не принимали империи, не хотели власти, могущества, силы». – Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Paris, 1971. С. 89-90.

³ Бердяев Н.А. Интеллигентская правда и философская истина // Вехи. С. 17-18.

⁴ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967. С. 72.

торого с полной ясностью проявились в русской революции. Гоголь верил в красоту, отчаянно искал ее, но в этом поиске наткнулся лишь на «демонические рожи». Но это была не его вина. Художественное видение писателя выявляло темную, бесчеловечную и чуждую Богу сторону русского национального характера⁵. Революционно настроенные русские интеллигенты были убеждены, писал Бердяев, что революция очистит страну от всех этих гоголевских гротескных фигур и придаст России человеческий облик. Однако «в революции раскрылась все та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полужверина Россия харь и морд». На самом же деле революция помогла гоголевским «ключьям людей», «гримасам» прорваться наверх. Теперь они определяли революционную повседневность. «В нестерпимой революционной пошлости есть вечно-гоголевское», - отмечал Бердяев. Так что Гоголь описал те человеческие болезни, которые имели не социальную, а духовную природу: «Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались... самовластье по прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам»⁶.

Второй провидец, которому Бердяев уделяет много внимания, - Федор Достоевский, в своих великих романах с почти математической точностью предсказал начавшийся в 1917 г. русский апокалипсис. Так, Достоевский описывает сентиментально-строгую мораль русских революционеров, которые не считают достойным сохранить этот мир, где зло неискоренимо: «никакие богатства мира не стоят слезы ребенка».

В борьбе против несовершенного общества, которое допускает зло, хороши любые средства, утверждает Иван Карамазов - один из героев романа Достоевского. Этот моральный аморализм, по Бердяеву, на поколение вперед сформировал кредо русской интеллигенции⁷. Но одного она не предвидела, а именно: какие последствия будет иметь усвоенный простым русским народом принцип «все позволено». Первые признаки такого развития наблюдались уже во время революции 1905 г. Поэтому часть русских интеллектуалов в испуге отшатнулась от традиционных взглядов революционной интеллигенции. Инициатор сборника «Вехи» Михаил Гершензон писал, что после 1905 г. возникла парадоксальная ситуация: нижние социальные слои, за которые боролась интеллигенция, презирали ее; государство же, против которого она боролась, ее защищало: «*Каковы мы есть*, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, - бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»⁸.

В 1917 г. народное возмущение прорвало тонкий слой цивилизации петербургской России и приняло апокалипсический масштаб. Это восстание было ин-

---

⁵ Там же. С. 76.

⁶ Там же. С. 77.

⁷ Там же. С. 82-85; см. также: Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского. Париж, 1968.

⁸ Гершензон М. Творческое самосознание // Вехи. С. 89.

спирировано кредо Ивана Карамазова и русской интеллигенции, гласившее, что в борьбе против несовершенного общества «хороши любые средства».

Началась регулярная охота на всех тех, кто, по мнению народа, представлял несовершенную Россию – помещиков, фабрикантов, офицеров, полицейских и служащих. Под ленинским лозунгом «Грабь награбленное» шло разграбление помещичьих земель и церквей.

И у Бердяева, и у Семена Франка, не вызывало сомнений, что основную ответственность за эту цивилизационную катастрофу несут революционно настроенные элиты России. «Морализирующий аморализм» интеллигенции превратился в народную веру. Бердяев показывает, что Достоевский в своих романах, не в последнюю очередь в «Братьях Карамазовых», в духовном плане предвосхитил этот апокалипсис примерно за сорок лет до его начала. Смердяков, сводный брат Ивана Карамазова, воплощает в романе роль тех социальных слоев, которые в октябре 1917 г. существенно способствовали разрушению возникшего сразу после свержения царя в феврале 1917 г., пожалуй, самого свободного государства в русской истории. Смердяков, руководствуясь девизом Ивана «все позволено» из корыстолюбия убивает своего и Ивана отца. Ужас Ивана вызывает лишь презрение Смердякова. Так как его учитель не был в состоянии справиться с воплощением своей доктрины в реальность, он утратил в глазах ученика всякую привлекательность. То же самое произошло с интеллектуалами, которые были авторами русской катастрофы 1917 г. В конце концов, они, как «малодушные слабаки» также были выброшены народными массами «в мусорную корзину истории» (Лев Троцкий). В одном из своих более поздних произведений Бердяев писал: в течение ста лет интеллигенция готовила революцию на благо народа, однако народ все это время молчал. Когда же в 1917 г. народ прервал свое молчание, народный гнев, прежде всего, обратился против его друзей и благотворителей из рядов интеллигенции, которые и стали первыми жертвами победоносной революции.

В образе отцеубийцы Смердякова отразилась не только предвиденная Достоевским гибель Отечества, случившаяся в 1917 г., но и идеология национального предательства, которую 37 годами позже практиковал Ленин.

Ленин считал для себя абсолютно не зазорным сотрудничать с внешнеполитическими врагами демократической России, чтобы разрушать ее. Причем он же называл Россию после Февральской революции «самой свободой страной в мире из всех воюющих стран»⁹. Смердяков же, со своей стороны, считал, что для России было бы выгодно, если бы Наполеон в 1812 г. победил и захватил ее: «Умная нация покорила бы весьма глупую-с, и присоединила к себе». Это было бы, по Смердякову, проявлением прогресса¹⁰.

---

⁹ Ленин В.И. ПСС, Т. 31. С. 114.

¹⁰ Бердяев Н.А. Духи русской революции. С. 93.

Бердяев полон восхищения Достоевским – провидцем и диагностом. Однако он менее убежден в терапевтических способностях великого писателя. Все средства, которые тот дал интеллигенции, чтобы исцелить ее ненормальное психическое состояние, оказались неэффективными: «(Достоевский) исповедовал религиозное народничество. Я думаю, что вся эта... идеология Достоевского была его слабой, а не сильной стороной и находилась в противоречии с его гениальными прозрениями, как художника и метафизика. Сейчас можно даже прямо сказать, что Достоевский ошибся, что в русском народе не оказалось противоядия против антихристовых соблазнов той религии социализма, которую понесла ему интеллигенция»¹¹. Бердяев крайне скептичен в отношении сентиментального «розового христианства» (Константин Леонтьев) Достоевского. Провозвестники этого послания, старец Зосима или Алексей Карамазов принадлежали, с точки зрения Бердяева, к менее удачным характерам, созданным гениальным художником. И в самом деле, пропагандируемое Достоевским представление о простом русском народе как о «народе-богоносце» не смогло остановить могучую волну нигилизма, которая разрушила российское государство в 1917 г.

С точки зрения Бердяева, нигилистские идеи были непреодолимо привлекательны для многих не в последнюю очередь потому, что их пропагандировали мыслители, являющиеся одними из самых высоких моральных авторитетов в стране.

Почти роковую роль в этом Бердяев приписывает Льву Толстому. Этот влиятельнейший русский писатель играл для Бердяева в русском апокалипсисе совсем иную роль, чем Гоголь или Достоевский: Толстой не предвидел апокалипсис, но способствовал ему: «в Толстом нет ничего пророческого, он ничего не предчувствовал и не предсказывал»¹². Как радикальный моралист, Толстой не признавал ни русского государства, ни культуры как таковой, так как они, по его мнению, основывались на несправедливости и насилии. Его неприятие учреждений и иерархии всякого рода, общественной дифференциации и разделения труда, якобы дало морально-религиозную санкцию все уничтожающей разрушительной ярости русских народных масс¹³. Хотя Толстой ненавидел насилие, его нигилистический морализм парадоксальным образом существенно способствовал оргии насилия, разразившейся в 1917 г.

---

¹¹ Там же. С. 87-88; см. также Бердяев Н. Народ и Церковь// его же. Духовные основы. С. 232-241.

¹² Бердяев. Духи русской революции. С. 95.

¹³ Там же, С. 100.

б. «Консервативный революционер» *avant la lettre*¹⁴: Бердяев и «Философия неравенства»

Параллельно со статьей «Духи русской революции» Бердяев в начале 1918 г. написал книгу, которая коренным образом отличалась от этой статьи. Она называлась «Философия неравенства»; ее создание было не в последнюю очередь обусловлено не стремлением к познанию, а обидой. Эта книга, от которой Бердяев позже дистанцировался¹⁵, представляла собой не только страстный расчет с большевизмом, но и с современностью как таковой. В некотором смысле «Философию неравенства» можно назвать предвестником немецкой «консервативной революции», которая пережила свой расцвет в Веймарские времена. Как и консервативные революционеры, Бердяев осуждал важнейшие идеи современности, которые, по его мнению, привели к катастрофам XX в. К этим идеям не в последнюю очередь принадлежал и либерализм: Бердяев считал его поверхностным и бездуховным. Либерализм с его принципом относительности любой веры не мог эмоционально влиять на людей. Либерализм выступал за свободу, но у его последователей отсутствовала какая-либо сила убеждения; они были не в состоянии увлечь своими идеями массы. В любой революционной ситуации либералы были среди проигравших. Широкие слои населения интересовала не свобода, а, прежде всего, равенство¹⁶. Бердяев с порога отвергает демократические идеи. В безбожном демократическом обществе воля народа обожествляется - она становится конечной инстанцией во всех вопросах, независимо от того, прав народ или неправ. Главной целью человека, даже *homo politicus*¹⁷, должен быть поиск истины. Истина не определяется большинством голосов. Массы не заинтересованы в истине; ее ищут лишь немногие избранные¹⁸. Девятью годами позже Гуго фон Гофмансталь похожими словами характеризовал сторонников консервативной революции. Они ищущие, живущие не в массе, а каждый сам по себе. Они – нация одиночек-индивидуальностей¹⁹.

Еще один аргумент Бердяева переняли, сознательно или нет, критики Веймарской демократии. Бердяев, например, считает, что принцип количества, который в демократическом сообществе вытесняет принцип качества, ведет к «господству неполноценных». Этот тезис чрезвычайно напоминает идеи видного Веймарского публициста Эдгара Юнга, который 11 лет спустя опубликовал книгу под названием «Господство неполноценных»²⁰. В «Философии неравенства» Бердяев

¹⁴ До появления термина (*франц.*) – прим. перев.

¹⁵ Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). Париж, 1949. С. 248.

¹⁶ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж, 1970. С. 119.

¹⁷ Человека-политика (*лат.*) - прим. перев.

¹⁸ Бердяев Н.А. Философия неравенства. С. 134-135.

¹⁹ Hoffmannstahl H. v. Das Schrifttum als geistiger Raum der Nation // его же. Gesammelte Werke, Bd. 4, Frankfurt a. M., 1955. P. 390-414, здесь P. 400.

²⁰ Jung E. Die Herrschaft der Minderwertigen. Berlin, 1930.

также ведет критику демократического государства в духе консервативных революционеров. Бердяев считает, что демократическое государство полностью растворяется в обществе и прекращает представлять человеческое сообщество как таковое. Оно в итоге превращается в игрушку в руках людей, отстаивающих в обществе свои эгоистические интересы. Правовед Карл Шмитт, один из самых жестких критиков Веймарских порядков, и его ученики несколькими годами позже характеризовали Веймарскую республику аналогичным образом. Шмитт не считал Веймарскую республику государством как таковым. Он говорил, что здесь некоторые сегменты общества завладели государственной властью и злоупотребляют ею исключительно в своих собственных интересах. Государство как воплощение широкой общности, утверждает автор, практически упразднено²¹.

Отказ Бердяева от демократии был тесно связан с прославлением им принципов аристократического правления. По Бердяеву, демократическая идея предполагает господство всех, аристократическая же – власть лучших. Идея господства лучших людей представляет собой высший принцип, выдвинутый человеческим социумом. До тех пор, пока человеческий дух не полностью угнетается властью масс, он будет неуклонно стремиться к господству лучших, к подлинной аристократии²².

Для большинства русской интеллигенции эти слова звучали просто кощунственно. Интеллигенция превозносила «простой русский народ» и стремилась к слиянию с ним; она решительно отклоняла иерархический принцип как таковой и привилегии любого рода. Таким образом, дифирамбы Бердяева в адрес аристократии бросали беспрецедентный вызов традиционному демократизму русской интеллигенции, хотя никто из ее представителей и не мог поставить под сомнение тезис о господствующей роли дворянства в русской культуре. Однако в рядах интеллигенции этот факт считали существенным недостатком российской культуры. Для Бердяева же это было ее преимуществом. Дворянство, его культура и стиль жизни во все времена подавали пример всем остальным сословиям, - продолжает Бердяев свои рассуждения. Все парвеню стремились выглядеть дворянами. Сначала буржуазия подражала дворянству, затем и пролетариат будет делать также²³. Уничтожение русского дворянства вследствие революции 1917 г. привело также к уничтожению и русской культуры, - говорит Бердяев²⁴. Чтобы повернуть этот процесс вспять, нужно стремиться не к демократизации, а к аристократизации общества.

В этом случае Бердяев аргументирует так же, как «консервативный революционер» *avant la lettre*. «Консервативных революционеров» также отличала эли-

---

²¹ Schmitt C. Der Begriff des Politischen, 4. erw. Auflage. Berlin, 1963; его же. Legalität und Legitimität. München-Leipzig, 1932; его же. Der Hüter der Verfassung. Tübingen, 1931.

²² Бердяев Н.А. Философия неравенства. С. 102-103; См. также Бердяев, Духовные основы. С.179.

²³ Там же. С. 104.

²⁴ Там же. С. 113; см. также Бердяев. Духовные основы. С. 66-68, 70-74, 137.

тарность: они хотели заменить основанное на равноправии гражданское общество социальной иерархией во главе с маленькой группой «лучших людей».

Еще одна параллель между автором «Философии неравенства» и сторонниками «консервативной революции» прослеживается в их отношении к войне.

Бердяев, в отличие, например, от Эрнста Юнгера²⁵, не был склонен к эстетизации и прославлению войны. Однако Бердяев считал войну самой благородной формой борьбы за существование: «на войну люди идут умирать, а не только убивать. И потому война, при духовно должном отношении к ней, облагораживает и возвышает человеческую душу»²⁶.

Что дополнительно объединяло Бердяева с Веймарскими «новыми правыми» - это идеализация имперской идеи. «Империализм есть рок всякого большого государства, его мечта о величии и мировой шири... Империя всегда стремится быть всемирной империей... Империализм есть завершение и цветение всякого большого государства, его предел... По идее только и может быть одна, единая мировая империя... В империалистической мечте есть что-то демоническое и пожирающее. Большие государства великих исторических народов подчинены неотвратимой империалистической диалектике, через которую они достигают могущества и погибают, возносятся на вершину и ниспадают... Империалистическая идея противоположна всякому мещанству в государственном существовании, всякой ограниченности, сдавленности и прикованности к небольшому куску земли», - пишет Бердяев²⁷. Державу Александра Великого и Римскую Империю, которые создали великое объединение Востока и Запада, Бердяев считал самым большим политическим достижением человечества и образцом для всех позднейших имперских образований²⁸.

«Консервативные революционеры» также стремились к возрождению имперской идеи. При этом они, прежде всего, ориентировались не на Древний Рим, а на средневековый Германский рейх. О «невидимой притягательной силе „*sacrum imperium*“²⁹, о нерушимой идее Священной Германской империи», в 1932 г. говорил под влиянием упомянутого нами Эдгара Юнга рейхсканцлер фон Папен. Католический публицист Вальдемар Гуриан в том же году писал: «Рейх можно определить как немецкую картину мира, которая противостоит Западному гуманизму и отличается от Восточной апокалиптики своей связью с европейской историей»³⁰.

---

²⁵ См. Jünger E. Der Kampf als inneres Erlebnis. Berlin, 1926.

²⁶ Бердяев Н.А. Философия неравенства. С. 192; Отношение Бердяева к войне в последующие годы сильно изменилось. См. Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939. С. 129-137.

²⁷ Там же. С. 61.

²⁸ Там же. С. 61-62.

²⁹ Священная империя (лат.) - прим. перев.

³⁰ Цит. по: Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen. Erster Band. Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. München, 2002. P. 524.

По словам берлинского историка Хайнриха Августа Винклера, имперская идея «служила обоснованием притязаний немцев на то, чтобы претендовать на что-либо иное, чем национальное государство в западном, определенном под влиянием идей 1789 г. смысле. [...] В процессе кризиса германской государственности притягательная сила имперского мифа росла, а поддержка республики таяла»³¹.

Бердяев воспевал, однако, имперскую идею в других обстоятельствах, чем консервативные революционеры. Он пропагандировал эту идею в то время, когда Российская империя, не в последнюю очередь вследствие большевистской революции и давления Центральных держав (Брестский мир), практически перестала существовать. Перед лицом этого «русского апокалипсиса» (Розанов)³² Бердяев хотел сохранить в памяти мысль об империи, по меньшей мере, в качестве абстрактного идеала.

Особенно щекотливым является параллелизм мышления автора «Философии неравенства» и ряда «консервативных революционеров» в оценке еврейского вопроса. В целом, Бердяеву было совершенно чуждо расовое высокомерие. Бердяев, несмотря на всю его критику идеологических заблуждений русской интеллигенции, был верен присущему ей эмансипаторскому пафосу³³. Одним из немногих исключений из этого является «Философия неравенства». Так Бердяев активно выступает против тех авторов, которые пытались приравнять христианство и социализм. Эта мысль якобы кощунственна, так как христиане верят в потусторонний мир, социализм же, напротив, боготворит земные блага. Это смешение небесного с земным – типично еврейский феномен, утверждает Бердяев. Поэтому не удивительно, что Карл Маркс был евреем. Социализм – «(это) есть явление еврейской апокалиптики, еврейского хилиазма ... в атмосфере атеистического и материалистического века»³⁴.

Если учесть, что Бердяев часто рассматривает стремление установить рай земной как общечеловеческое явление, его попытка объявить это стремление результатом мирового еврейского заговора выглядит весьма странно.

Но и некоторые сторонники консервативной революции были, как правило, склонны связывать кризис модерна с деятельностью евреев. Так, например, один из влиятельнейших идеологов консервативной революции Артур Мёллер ван ден Брук, подобно Бердяеву, придавал исключительное значение еврейскому происхождению Карла Маркса. Он утверждал, что Маркс как еврей был чужаком в Европе и вмешивался в дела европейских народов, с которыми у него не было ни общей истории, ни кровных уз. Поэтому он не мог понять их сущности. Маркс обратился к пролетариату, так как понятие нации было ему недоступно. Первая

---

³¹ Там же.

³² Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М., 1990.

³³ Бердяев Н.А. Христианство и антисемитизм (Религиозная судьба еврейства). Париж, (без даты).

³⁴ Бердяев Н.А. Философия неравенства. С. 155-156; см. также Бердяев, Смысл истории. С.108-110; Берлин И. Русские мыслители и евреи // Бердяев. Pro et contra. С.468-474.

мировая война, будучи войной народов, лишила его антинациональные, беспочвенные теории всякого основания³⁵.

Но и другие авторы консервативной революции придавали еврейскому фактору в тогдашней Европе чрезмерное значение. И это несмотря на тот факт, что многие из них отклоняли расовый антисемитизм нацистов. Идентифицируя процесс модернизации с евреями, которых на самом деле было много среди пионеров модернизации и эмансипации, критики этого развития, как им казалось, выходили из порочного круга. Бездарная борьба против всемогущих и анонимных сил современности превращалась в борьбу против конкретных и в высшей степени уязвимых евреев. «Покорение» евреев должно было автоматически привести к восстановлению патриархальной идиллии.

Несмотря на некоторые удивительные параллели между ходом мыслей Бердяева и консервативных революционеров, между ними существовали и существенные различия: они критиковали демократию при разных обстоятельствах. Бердяев формулировал свои взгляды в то время, когда «первая русская демократия» уже была разгромлена и сменилась первым тоталитарным режимом в истории. Консервативные революционеры, напротив, направляли свою язвительную критику против еще существовавшего демократического государства, которое они хотели лишиться легитимности и свергнуть, что им, в конце концов, удалось. В этой связи политолог Ханс Бухгейм писал: «Национальная спесь, не желающая ... смириться с военным поражением, пока что еще не могла двинуться на своего врага и потому ополчилась против собственного государства, как если бы ликвидация этого государства была первым условием национального возрождения»³⁶.

Что Бердяева особенно раздражало в русской демократии 1917 г., это тот факт, что она не смогла остановить процесса распада русской государственности, который начался после свержения царя, и предотвратить превращение России в опытный полигон марксистских утопий. Была ли эта критика оправдана? Была ли «первая русская демократия» на самом деле так беспомощна, как полагали ее критики?

Отвечая на этот вопрос, нужно, прежде всего, отметить, что молодая русская демократия боролась против совершенно нового в истории противника: против тоталитарной партии, которая использовала все свободы, предоставленные демократическим государством, для уничтожения этого государства. Через 5 лет аналогичным образом пала итальянская, а через 15 лет – германская демократия, причем произошло это в мирное время, а не на четвертый год войны, как это было в России³⁷.

---

³⁵ Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Hamburg, 1931.

³⁶ Buchheim H. Das Dritte Reich. Grundlagen und politische Entwicklung. München, 1958. P.54.

³⁷ Несмотря на это родившаяся в 1917 г. русская демократия не раз демонстрировала способность к самозащите, прежде всего, во время неудачной попытки большевиков совершить государственный переворот 3-5 июля 1917 г. Тогда решительность русской демократии оказала

Однако в отношении русской революции Бердяев не признавал смягчающих обстоятельств. И через тридцать лет после русской революции он оставался по отношению к ней непреклонным. В автобиографии, написанной в середине 1940-х годов, Бердяев подчеркивал, что он был убежден в неминуемом закате созданной в феврале 1917 г. системы и неизбежности победы большевиков³⁸.

Эту детерминистскую точку зрения нельзя принимать безоговорочно. Русская катастрофа октября 1917 г., также как и немецкая катастрофа января 1933 г., не была предопределена судьбой, а являлась делом человеческих рук. Были возможны и другие выходы из этих кризисов. Те, кто в этой связи говорит о «точке невозврата» и утверждает, что с определенного момента победа большевиков в России и нацистов в Германии была неизбежна³⁹, недооценивают свободу выбора участников этих событий и степень их безответственности. Социал-демократический историк Конрад Хайден в связи с приходом Гитлера к власти писал «о времени безответственности», о своего рода дезертирстве значительной части политического класса Германии, которая почти без борьбы покинула политическую сцену, оставив ее нацистам⁴⁰.

Нечто подобное можно сказать и о событиях в России в канун большевистского государственного переворота октября 1917 г. Лев Троцкий, один из его руководителей, заявлял, что сил одного верного правительству полка было бы достаточно, чтобы сорвать этот переворот⁴¹.

Тот факт, что Керенский, последний демократический премьер-министр России, не имел в своем распоряжении такого полка, не был исторически предопределен. В этих событиях в России, как и затем в Германии в январе 1933 г., проявился масштаб безответственности значительной части политического класса⁴². В России была возможна и совсем иная реакция на стремление большевиков захватить государственную власть.

в. Бердяев о «Новом средневековье»

Первая книга, опубликованная Бердяевым после своей высылки из большевистской России и принесшая ему значительную славу, называлась «Новое средневековье». Этой книгой, прежде всего ее названием, Бердяев затронул нерв эпохи. В своих размышлениях он вышел далеко за рамки специфически русского. Однако

прямо-таки парализующее воздействие на ее крайне левых противников, которые позволили обезоружить себя без всякого сопротивления.

³⁸ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 244-247.

³⁹ См. об этом: Poulantzas N. Faschismus und Diktatur. Die Kommunistische Internationale und der Faschismus. München, 1973.

⁴⁰ Heiden K. Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Zürich, 1936.

⁴¹ Троцкий Л. Geschichte der russischen Revolution. Berlin, 1960. P.718.

⁴² См. также об этом: Суханов Н. Записки о русской революции. В 3-х т. Москва, 1991. Т. 3. С. 371-375.

без осмысления опыта русской катастрофы 1917-1921 гг. такая работа была бы немислима. Именно на Востоке началось многое из того, что еще ожидало Запад. Обездоленные и лишенные корней русские эмигранты, как правило, чувствовали, что они по своему жизненному опыту некоторым образом превосходят западных европейцев. Они несли в себе тайное знание, которое непременно хотели передать людям из своего нового окружения. Но их послание редко доходило до адресатов. В этом отношении одним из немногих исключений были тексты Бердяева. Его книга, написанная в 1924 г., была сразу же переведена на западноевропейские языки и повлияла не только на русский, но и на общеевропейский дискурс. Послание Бердяева было однозначно: Первая мировая война и русская революция положили конец новой истории, которая ассоциировалась с такими понятиями, как гуманизм, просвещение, вера в прогресс, демократия, индивидуализм и т.д. «Старый мир, который рушится и к которому не должно быть возврата, и есть мир новой истории с его рационалистическим просвещением, с его индивидуализмом и гуманизмом, с его либерализмом и демократизмом, с его блестящими национальными монархиями и империалистической политикой, с его чудовищной индустриально-капиталистической системой хозяйства, с его могущественной техникой и внешними завоеваниями и успехами, с безудержной и безграничной похотью жизни, с его безбожием и бездушием, с разъяренной борьбой классов и социализмом как увенчанием всего пути новой истории»⁴³. Европа находилась на переломе, напомиравшем крах Древнего Рима. Проявились контуры новой эпохи, шедшей на смену новой истории, которую Бердяев назвал «Новым средневековьем». Как же Бердяев характеризует эту эпоху?

В отличие от новой истории, когда при ярком свете разума вытесняются мистические и священные элементы из человеческого сознания, новое средневековье отходит от моделей рационального объяснения мира. В «Новом средневековье» речь идет о темной, ночной эпохе, о скрытой Новым временем глубине человеческого бытия. Новое время было фиксировано на этом мире, на земном существовании человека; небеса и ад оставались недоступными для него. Новое средневековье устремило свой взгляд на оба эти измерения: оно воспринимало как божественное откровение, так и дьявольскую одержимость⁴⁴. Критикуя сменное новым средневековьем «серединное царство» или же власть «секулярной срединности», Бердяев повторяет некоторые из обвинений, выраженных в 1918 г. в «Философии неравенства». С той же силой, что и в 1918 году, он отвергает политические и экономические явления, тесно связанные с буржуазной эпохой – такие, как демократия, либерализм и капитализм⁴⁵. Все эти идеологии и социаль-

---

⁴³ Бердяев Н. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. Берлин, 1924. С.16.

⁴⁴ Там же. С. 18-19, 41. Уже в 1917 Бердяев сформулировал похожие тезисы. См. Бердяев Н. Об отношении русских к идеям. С. 56.

⁴⁵ Бердяев, Новое Средневековье. С.24. Федор Степун пишет, что критика «буржуазной срединности» являлась своего рода красной нитью философии Бердяева, См. Степун Ф. Бывшее и

ные системы безнадежно устарели и постепенно уходят с политической сцены, считает Бердяев. Они были воплощением конфликта, личного эгоизма, «отпадения от духовного центра жизни, от Бога». Парламенты - «узаконение раздора», где преобладают «мнения» над «знанием», а истина вытесняется случайностью – «окончательно отомрут»⁴⁶. Сакральное как основа любой культуры вымирает. «Не церковь, а биржа стала господствующей и регулирующей силой жизни»⁴⁷. Спор о догматах веры более не интересен для большинства людей: они чувствуют себя свободными от «священного безумия». Больше нет священных целей, за которые они хотели бы сражаться и умирать⁴⁸. Полнота бытия сменяется стремлением к смерти, волей к небытию.

В этом распадающемся мире зарождаются черты будущего. Рождение нового мира идет очень болезненно: смена эпох никогда не происходит мирно. Об этом свидетельствуют как большевистская, так и фашистская революция, которые, по мнению Бердяева, являются видимыми проявлениями нового средневековья⁴⁹.

В этой связи удивляет тот факт, что Бердяев положительно оценивал итальянский фашизм, предпочитая его не только большевизму, но и парламентской демократии, которую он считал реликтом уже приговоренного к смерти нового времени⁵⁰. Таким же образом, между прочим, описывали «демолиберальное» государство фашистские идеологи. Как же могло случиться такое, пусть даже и ненамеренное, совпадение мнений?

Прежде всего, отметим фиксацию русских эмигрантов на катастрофических событиях, которые они только что пережили в своей стране. Ужасы «красного террора», гражданской войны и голода 1921-1922 гг. с его 5 миллионами жертв определяли их отношение к кризису Запада. Этот кризис был несопоставим с русским апокалипсисом. Грядущая катастрофа Освенцима тогда еще не снилась даже в самом страшном сне. Что фашистский, точнее нацистский, террор примет в дальнейшем такой же апокалипсический размах, что и коммунистический, и в некоторых сферах даже превзойдет ужасы коммунистического господства, могли тогда представить себе лишь немногие. Среди этих немногих были и итальянские социал-демократы, ставшие первыми жертвами фашистского террористического режима. Один из них, Филиппо Турати, в 1928 г. сказал, что фашизм, вы-

---

несбывшееся. Лондон, 1990. Т. 1. С. 285-286. См. также Бердяев Н. О духовной буржуазности // Путь 4/1926. С.3-13; его же. Дневник философа // Путь 4/1926, С. 179; См. также Sorokin P. Kulturkrise und Gesellschaftsutopie. Moderne Theorien über das Werden und Vergehen von Kulturen und Wesen ihrer Krisen. Stuttgart-Wien, 1953. P.162-167.

⁴⁶ Бердяев, Новое Средневековье. С. 25-26, 50; сравни: Бердяев. Философия неравенства.

⁴⁷ Бердяев. Новое средневековье. С. 31-32.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 20, 26-27.

⁵⁰ Там же. С. 26-27, 78-79; аналогичные тезисы отстаивали и другие авторы из среды русской эмиграции, прежде всего некоторые представители возникшего в 1921 г. движения евразийцев. См.: Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 52, 56; Алексеев Н. Теория государства. Издание евразийцев, С.10; Карсавин Л. О книге G.Gentile „Che cosa è il fascismo“. – Евразийская хроника, 1927, №8. С. 53.

шедший из войны, сам непременно приведет к новой войне. Если фашизм укрепится и расширится, он сможет вызвать в Европе, и даже во всем мире, состояние постоянной войны и расколота государства не на классы, а на расы. На неопределенное время фашизм разделит мир на малочисленную расу господ и огромную массу рабов⁵¹.

Но предупреждения такого рода тогда почти не вызывали отклика в Европе. Напротив, во второй половине 1920-х годов престиж Муссолини заметно вырос. Его считали государственным деятелем, выведшим Италию из анархии и создавшим одно из самых стабильных правительств в истории страны. Большинство наблюдателей не замечали того, что эта стабильность содержит в себе черты, неминуемо ведущие к дестабилизации Италии и Европы. Например, известный немецкий социолог Роберт Михельс в 1925 г. писал: «история фашизма учит, что было бы неправильно ожидать от правящих ныне членов партии осуществления политики государственных переворотов. Правительство великого государства оказывает ассимилирующее влияние на умонастроения и еще более – на действия пришедших к власти»⁵².

Так что Бердяев в своей недооценке фашистской опасности, и даже в своем довольно положительном отношении к фашизму в Европе в то время не был одинок. Так называемое корпоративное фашистское государство представлялось ему адекватным ответом на кризис европейской демократии. В строительстве фашистского государства он даже увидел черты грядущей эпохи «Нового средневековья». Фашизм, писал Бердяев, пренебрегает внешними правовыми нормами и институциональными барьерами, он воплощает спонтанную жизненную волю к власти. Парламентское государство с его искусственным сдерживанием политических эмоций и защитой эгоистичных партийных интересов переживает свой конец. Будущее принадлежит кооперативам, профсоюзам, цехам и синдикатам, которые структурируют общество по профессиональным, а не по партийно-политическим принципам. Все эти организации борются не за политическую власть, а стремятся решать конкретные жизненные вопросы. «Новое средневековье» будет народным, но не демократическим. Народные массы не в состоянии управлять сами собой, им нужен правитель. Так что государство «Нового средневековья» будет выстроено иерархически; по возможности, с личностью, подобной Цезарю, во главе⁵³.

Аналогичным образом определяли фашистское государство такие идеологи итальянского фашизма как Дж. Джентиле или Дж. Боттаи. Для них также новый режим представлял собой адекватную попытку заменить декадентскую, неспособную принимать решения демократию жизненной и дееспособной системой.

---

⁵¹ Turati F. *Faschismus, Sozialismus und Demokratie* // Nolte E. (Hrsg.). *Theorien über den Faschismus*. Köln, 1967. P.143-144, 150-151.

⁵² Michels R. *Sozialismus und Faschismus in Italien*. München, 1925. Bd. 1, P. 316.

⁵³ Бердяев Н.А. *Новое средневековье*. С. 51-52. См. также Федотов Г. *Carmen saeculare* // его же. *Лицо России*. С. 209.

Бердяев и некоторые другие тогдашние интерпретаторы фашизма становились жертвой известной иллюзии: фашизм на самом деле был последствием глубочайшего в европейской истории кризиса демократии; но вместо того, чтобы разрешить этот кризис, фашизм многократно углублял его. Как писал об этом в 1931 г. немецкий правовед Клаус Геллер, «европейское государство нельзя обновить лишь силой и активностью. Фашизм может противопоставлять безвольным нормам лишь волю без норм»⁵⁴.

Эта, как ее назвал Геллер, фашистская «воля без норм», то есть созданное фашистами «государство произвола», должно было, в конечном счете, низвергнуть европейскую цивилизацию в еще более глубокую пропасть, чем это сделал большевизм.

Наряду с фашистским государственным переворотом в Италии, Бердяев, как уже было сказано, считал русскую революцию феноменом, обозначившим конец буржуазного нового времени. Согласно Бердяеву, русское общество чувствовало себя неуютно в современном «серединном царстве». Россия никогда не покидала священного средневековья⁵⁵. И вот здесь почти мгновенно произошел переход от средневековой теократии к сатанинской власти «Нового средневековья». Русское мышление всегда было в значительной мере эсхатологическим; оно, прежде всего, интересовалось концом света. Если на Западе люди чувствовали себя в этом мире как дома, то русские не были с ним тесно связаны, они редко стремились к земным благам. Они были устремлены или к Царству Божьему, или же, если их вера в Бога исчезала, к безбожному царству антихриста⁵⁶. Все эти существенные черты русского национального характера повлияли на характер русской революции. Она разворачивалась по сценарию Достоевского⁵⁷, который распознал, что социализм в России – это не политическое учение, а попытка избавить человечество без Бога. Так как, по Бердяеву, русская революция является следствием глубокого психического заболевания нации, связанного с ее отходом от веры в Бога, нация может признать лишь ту власть, которая соответствует ее душевному состоянию. Такой властью и стали большевики. Они воспользовались процессом морального разложения, который охватил нацию, и приплыли с этим потоком. Поэтому большевизм – это и есть народная власть в истинном смысле этого слова⁵⁸.

Аналогичное наблюдение принадлежит и другому участнику тогдашних событий – Федору Степуну, который пишет: «Как прирожденный вождь (Ленин) инстинктивно понимал, что вождь в революции может быть только ведомым, и, бу-

---

⁵⁴ Heller H. Europa und der Faschismus. Berlin, 1931. P.65.

⁵⁵ Бердяев. Новое средневековье. С.20; см. также Бердяев. Типы. С. 30.

⁵⁶ Бердяев. Новое средневековье; см. также Бердяев, Миросозерцание Достоевского. С. 13-14; Степун. Бывшее. Т. 2. С. 271; см. также Волкогорова В. Бердяев о русской истории и русской идее // Н.А.Бердяев. М. 2013. С.458, 461.

⁵⁷ Бердяев. Новое средневековье. С. 84.

⁵⁸ Там же. С. 60-64, 70-71.

дучи человеком огромной воли, он послушно шел на поводу у массы, на поводу у ее самых темных инстинктов»⁵⁹.

Бердяев, не в последнюю очередь по упомянутой Степуном причине, считал большевиков единственными реалистами в русской революции. Умеренные же течения, например, конституционные демократы, которые хотели учредить в России демократическую систему западного образца, были, с точки зрения Бердяева, напротив, утопистами. Они не могли понять логику революции - эту логику безумия. Большевики же чувствовали себя в революции как в своей стихии: «Рационалистическим безумием нужно признать всякую надежду, что в стихии революции могут господствовать и могут ее направлять какие-либо умеренные, разумные партии... Это и есть самая неосуществимая из утопий. В русской революции утопистами были кадеты, большевики же были реалистами»⁶⁰.

Как уже было обозначено, тезис Бердяева о неизбежной большевизации русской революции страдает детерминизмом. Победа большевиков, которая была не принята, за редким исключением, всем политическим классом России и большинством ее населения, никоим образом не была predetermined. Решающую роль в победе большевиков сыграли отнюдь не неизбежные ошибки их противников.

Тезис Бердяева о якобы врожденной склонности россиян к экстремальному мышлению и поведению также ставится под вопрос многими авторами⁶¹.

Однако, несмотря на некоторую свою односторонность, текст Бердяева содержит впечатляющий анализ глубинных причин русской революции. Бердяев, прежде всего, подчеркивает, что простые русские люди не хотели мириться с существованием европеизированного высшего слоя русского общества. Пропасть между «верхами» и «низами» была в России глубже, чем в любой другой европейской стране⁶². Русская интеллигенция не представляла себе масштабов этой пропасти. Она также недооценивала тот факт, что царский режим, который она не принимала, представлял собой единственную силу, ограждавшую образованную часть общества от народного гнева (об этом уже писал Михаил Гершензон). Господствующая бюрократия действительно преследовала представителей культуры и творческой элиты, но в то же время она создавала саму возможность их существования, защищая иерархические структуры и «принцип качества»⁶³, на которых держится культура. После свержения монархии эти принципы потеряли своих важнейших защитников. Дифференцированная культура петербургской России сменилась солдатско-крестьянской советской культурой. Не большевики стали причиной огрубления культуры и стиля жизни в стране. Они лишь приспо-

⁵⁹ Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 342.

⁶⁰ Бердяев. Новое средневековье. С. 62.

⁶¹ См. об этом: Федотов Г.П. Бердяев – мыслитель; Осипов Н. Клевета друзей. Мюнхен, 1958; Кизеветтер А. О «Русской душе» // Н.А. Бердяев: Pro et contra. С.331-333.

⁶² Бердяев. Новое средневековье, С. 76; см. также: его же. Истоки и смысл русского коммунизма, Paris, 1955. С. 111.

⁶³ См. Бердяев. Философия неравенства; его же. Новое средневековье.

собились к этому процессу, к тому, что русские социальные «низы» воспринимали культурную элиту как инородное тело, которое они любой ценой стремились удалить из социального организма⁶⁴. Режим, который решился бы взять культурную элиту под свою защиту, учитывая психическое состояние, в котором пребывал русский народ, не имел шансов на выживание.

После такого глубокого анализа коренных причин русской революции, следовало не менее впечатляющее описание важнейших ее последствий. К ним, с точки зрения Бердяева, в первую очередь относилось антропологическая метаморфоза, которая тогда происходила в России. Тектонические потрясения, которые Россия испытывала после начала войны и революции, выдвинули на поверхность новый тип человека. Такой тип людей был ранее не известен в России. Он чувствовал себя вольготно на этой земле и стремился к тому, чтобы сделать свое земное существование как можно более приятным. Глубоко укорененное в России стремление к Богу и Правде было ему полностью чуждо. Эти молодые люди, фиксированные на земную жизнь, воплощали собой не только разрыв со старой Россией, но и с поколением старых большевиков, которые были революционными романтиками. Этому новому поколению была чужда любая романтика. Эта чуждая идейности позиция была страшна для старой большевистской гвардии, которая должна была идти на соглашение с этими «новыми людьми», так как старая гвардия была обязана им сохранением своей власти. Но старая гвардия предчувствовала, что окончательный триумф нового поколения большевиков приведет коммунистическую идею к закату. Самая большая опасность для России исходит теперь не от уходящей старой коммунистической элиты, а от приходящего ей на смену «человека нового типа», писал Бердяев⁶⁵.

Эти слова, написанные в 1924 г., были пророческими. Несколькими годами позже началось инспирированное Сталиным восстание нового сословия большевистских функционеров против поколения соратников Ленина. Старые большевики в основном продолжали традиции русской интеллигенции и тем самым представляли собой последний реликт петербургской России в Советской империи. Они были настроены нонконформистски и «космополитически». Все эти качества считались в глазах социальных «низов», а также молодого поколения большевиков, как правило, людей пролетарского или крестьянского происхождения, исключительно элитарными. Сталкивались две эпохи в развитии культуры, имевшие мало точек взаимного соприкосновения и все более отчуждавшиеся друг от друга. В этом наверняка состоит одно из важнейших объяснений относительно легкой победы Сталина над подавляющим большинством ленинской гвардии. Когда новый диктатор в декабре 1927 г. заявил: «Мы не хотим иметь в

---

⁶⁴ Бердяев. Новое средневековье. С. 73-74.

⁶⁵ Там же. С. 75, 93-94; см. также Федотов Г. Русский человек // его же. Новый Град. Нью-Йорк, 1952. С. 59-88; Степун, Сочинения. С. 470; Gurian W. Bolschewismus. Einführung in Geschichte und Lehre. Freiburg i.Br., 1932. P.137.

партии дворян»⁶⁶, этот его призыв вызвал широкий отклик в партийных массах. Лишение старых большевиков власти последовало через несколько лет, а во время Большого террора 1936-1938 гг. они были почти полностью уничтожены. Так что прогноз Бердяева по поводу обреченного на смерть поколения «революционных романтиков» подтвердился в течение 12 лет. Бердяев считал описанную им антропологическую трансформацию явлением универсальным. По Бердяеву, не только в России, но и во всей Европе шло всеобщее огрубление и варваризация культуры⁶⁷. Этот диагноз не отражал тогдашнего состояния европейской культуры, которая переживала в «золотые двадцатые годы» свой новый расцвет. Несмотря на это Бердяеву, как и другим русским мыслителям-эмигрантам, было ясно, как хрупок фундамент, на котором базируется европейская культура. Через 9 лет после высказываний Бердяева о варваризации европейской культуры к власти в Германии пришел Гитлер, а через 16 лет – был построен концлагерь Освенцим.

г. Амбивалентность русского национального характера и русского мессианства – от «Третьего Рима» до Третьего Интернационала (?)

Бердяев представлял русскую революцию в первую очередь как духовный процесс, происходящий, прежде всего, в умах. В то же время революция опиралась, с его точки зрения, на определенные, уже сложившиеся, черты русского национального характера. Вопреки своему универсальному характеру, русская революция была подлинно национальной, также как Английская революция XVII в. и Великая французская революция 1789 г. Все эти революции сочетали в себе национальные и универсальные черты. Тезис Бердяева о национальном характере русской революции противоречил распространенной среди русской эмиграции «теории заговора», объяснявшей революцию 1917 г. вероломством русофобских кругов разного рода, действовавших внутри России и за ее границей.

Какими же духовными предпосылками русского национального характера был обусловлен переворот 1917 г.? Ответу на этот вопрос посвящены, прежде всего, такие работы Бердяева как «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937 г.) и «Русская идея» (1945 г.). Бердяев, анализируя эту проблематику, отмечает следующие парадоксы: с одной стороны, русский национальный характер отличается ярко выраженными анархическими чертами, глубоко укорененной неприязнью к государственной власти как таковой. С другой стороны, этот далекий от государства народ сумел создать самую большую империю в мире. Так, например, вольные казаки, все время бунтовавшие против царского правительства, колони-

---

⁶⁶ Пятнадцатый съезд ВКП (б), 1927 г. Стенографический отчет, М., 1961. С. 89-90.

⁶⁷ Бердяев. Новое средневековье. С. 78, 90, 94, 96.

зировали бескрайние земли на окраинах России: «Ермак подарил русскому государству Сибирь»⁶⁸.

Аналогичное амбивалентное отношение к русскому самодержавию Бердяев отмечал также и у возникшего в 1830-е годы движения славянофилов. Славянофилы смотрели на бюрократическое централизованное государство со скептицизмом, похожим на отношение к нему вольных казаков; можно их даже считать анархистами. В то же время славянофилы признавали самодержавие, хотя и в идеализированном смысле, наиболее подходящей формой правления в России. Царь взвалил на свои плечи бремя власти, непосильное русскому народу. Таким образом, по Бердяеву, славянофилы, подобно вольным казакам, не любили государство, но рассматривали его в качестве необходимого зла⁶⁹.

Такого рода терпеливое отношение к государству было полностью чуждо русской интеллигенции, возникшей в то же время, что и славянофилы. Согласно Бердяеву, интеллигенция на первый взгляд олицетворяла радикальный отказ от государства, неприятие его как такового. И все же, отказ от государства не был свойственен всем течениям интеллигенции, продолжает свои размышления Бердяев. Некоторые категорически отрицали жажду полного разрушения государства, характерную, прежде всего, для русских анархистов (Бакунин) и высказывались за использование государственного аппарата принуждения для эффективного осуществления социалистических идеалов. В 1870-е годы, например, эту точку зрения разделял Петр Ткачев; он, по мнению Бердяева, во многом предопределил государственный деспотизм большевиков, которые также вышли из ордена интеллигенции⁷⁰. Политический успех Ленина Бердяев объясняет, прежде всего, тем, что он не был типичным интеллигентом. Ленин, в сущности, объединял глубоко укоренившуюся в России традицию революционного максимализма, направленного на разрушение государства, с традиционным его деспотизмом⁷¹. И в самом деле: революционный порыв Ленина помог ему разрушить существовавшее российское государство. В то же время как деспотические качества Ленина облегчили ему утверждение своей власти и создание нового государства, на этот раз - на тоталитарных основах.

Революционная русская интеллигенция со времени своего возникновения отождествляла себя с ролью жертвы. Ее, как правило, не интересовали вопросы возможного прихода к власти или механизмы осуществления своего господства. Лишь большевики, как справедливо отмечал Бердяев, вели себя иначе. Свой доктринерский утопизм большевики сознательно связывали с вопросом о власти, что существенно облегчало им борьбу за единоличное господство.

---

⁶⁸ Бердяев. Русская идея. С. 14; См. также Моторошилова Н. Мыслители России и философия Запада. В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов, М., 2006. С. 302-303.

⁶⁹ Бердяев. Русская идея. С. 52, 148-149.

⁷⁰ Там же. С. 121-122.

⁷¹ Бердяев. Истоки. С. 99.

Бердяев, как уже говорилось, считал победу большевиков в русской революции неизбежной: «По русскому духовному складу, революция могла быть только тоталитарной. Все русские идеологии были всегда тоталитарными, теократическими или социалистическими. Русские – максималисты, и именно то, что представляется утопией, в России наиболее реалистично... В России революция либеральная, буржуазная, требующая правового строя, ... была утопией, не соответствующей русским духовным традициям и господствовавшим в России революционным идеям. В России революция могла быть только социалистической. Либеральное движение ... не имело опоры в народных массах и лишено было вдохновляющих идей»⁷².

Можно согласиться с Бердяевым в том, что русское общество в 1917 г. сделало свой однозначный «социалистический выбор». На всех выборах, состоявшихся в этом году, социалистические партии, как правило, получали подавляющее большинство; либеральные группы, напротив, все в большей мере вытеснялись на обочину политической жизни. С другой стороны, «социалистический выбор» никоим образом не был равнозначен «выбору тоталитарному». Для подавляющего большинства русских социалистическая идея тогда непосредственно связывалась с идеей демократической. Выборы в Учредительное Собрание в ноябре 1917 г. впечатляющим образом подтвердили это. Умеренные социалистические партии, прежде всего партия социалистов-революционеров (эсеров), решительно отклонявшие тоталитарную модель большевиков, получили в сумме больше 2/3 голосов. Население выдало им, а не большевикам, мандат на управление страной. То, что большевики насильственным образом нарушили волю избирателей и разогнали Учредительное Собрание, с самого начала лишило их режим всякой легитимности и заставило ввести фактически чрезвычайное положение, осуществлять которое они начали с государственного переворота 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 г. Большевики испытывали панический страх перед волей избирателей; это был не только страх перед русским обществом как таковым, но и перед «трудящимися массами», от имени которых они якобы правили. Когда выборы в местные Советы, проведенные через несколько месяцев после разгона Учредительного Собрания, все чаще завершались поражением большевиков, которых побеждали их умеренные оппоненты эсеры и меньшевики, большевистское руководство 14 июня 1918 г. незамедлительно изгнало своих неудобных соперников из Советов. Обоснованием этого акта произвола было якобы участие обеих партий в «организации вооруженных восстаний против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами»⁷³.

Все эти факты противоречат тезису Бердяева об экстремистских наклонностях, якобы глубоко укорененных в русском характере. Когда у народа был реальный выбор, он никогда не выбирал большевистский радикализм. По этому

⁷² Бердяев. Русская идея. С. 249.

⁷³ Altrichter H. Die Sowjetunion. Von der Oktoberrevolution bis zu Stalins Tod. Bd. 1: Staat und Partei. München, 1986. P. 69.

поводу Карл Каутский, один из ведущих теоретиков социал-демократии, в 1919 г. писал: «То, что большевики чувствуют себя в народе меньшинством, объясняет, почему они так настойчиво отказываются от демократии. ... Большевики, чтобы удержаться [у власти], готовы делать все возможные уступки бюрократии, милитаризму, капитализму. Но уступку демократии большевики считают самоубийством»⁷⁴.

Когда русское общество вследствие горбачевской перестройки получило, как и в 1917 г., возможность свободного выбора, оно сказало единовластию КПСС, полностью контролировавшей тогда всю государственные структуры в стране, решительное «нет». Президентские выборы в России 12 июня 1991 г. завершились внушительной победой Бориса Ельцина, олицетворявшего тогда демократический и антикоммунистический «выбор» России. Когда 19 августа 1991 г. коммунисты попытались силой повернуть колесо истории вспять, аналогично разгону ими Учредительного Собрания 18 января 1918 г., они потерпели крах. В столкновении между непопулярной властью и безвластной популярностью последняя одержала решительную победу. То обстоятельство, что победившие демократы быстро утратили доверие народа, полученное во время августовской революции 1991 г., - это уже другая тема.

Подводя итог, можно сказать, что большая часть русского общества, как в 1917 г., так и в 1991 г., вела себя не по сценарию написанному Бердяевым. Большинство населения России отвернулось от большевистского тоталитаризма и оказывало решительное сопротивление попыткам большевиков достичь своих целей; это было как во время трехлетней гражданской войны (1918-1921 гг.) с ее миллионными жертвами, так и во время трехдневного коммунистического путча в августе 1991 г.

То обстоятельство, что большевики в 1921 г. в итоге выиграли гражданскую войну, а вскоре после лишения их власти в августе 1991 смогли перейти к новому наступлению, в конечном итоге связано не с предполагаемыми Бердяевым тоталитарными наклонностями русских, а с действием иных факторов, рассмотрение которых выходит за рамки нашей статьи.

Победу большевиков Бердяев выводит не только из якобы глубоко укорененной в русском национальном характере склонности к тоталитарному мышлению, но и из стремления к мессианству, влиявшего на развитие России с начала нового времени. В этой связи Бердяев вновь углубляется в теорию «Москва – Третий Рим», сформулированную в начале XVI в. псковским монахом Филофеем в ряде писем Великому князю Московскому Василию III⁷⁵.

Но и «мессианский тезис» Бердяева, как и его тезис о распространенном в России тоталитарном мышлении, содержит ряд внутренних противоречий. Хотя

---

⁷⁴ Kautsky K. Terrorismus und Kommunismus. Ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution. Berlin, 1919. P.146.

⁷⁵ Бердяев. Истоки, С. 9-10; его же. О характере русской религиозной мысли // его же. Типы религиозной мысли. С. 12.

Филофей в своих письмах Василию III и возносил Москву - кладезь истиной чистой веры, вечному Третьему Риму подобный, означало ли это, что псковский монах был вдохновлен универсальными мессианскими мотивами, стремлением избавить все человечество от ложной веры, как это внушает Бердяев? Едва ли. Многие историки отмечают, что идея «Москва – Третий Рим» представляла собой не активно экспансионистскую, а боязливо изоляционистскую концепцию. Филофей, прежде всего, стремился не обратить в истинную веру другие народы, а уберечь свои собственные убеждения не только от разрушительных внешних воздействий, но и от внутренней коррозии. Сам же Бердяев указывает на то, что в Москве в начале нового времени состоялась национализация изначально всеобщей православной веры: «Вселенское сознание было ослаблено в русской церкви настолько, что на греческую церковь, от которой русский народ получил свое православие, перестали смотреть как на истинную православную церковь, в ней начали видеть повреждение истинной веры. Греческое влияние воспринималось народным религиозным сознанием как порча, проникающая в единственное в мире православное царство. Православная вера есть русская вера, не русская вера – не православная вера»⁷⁶.

Богослов Георгий Флоровский в то же время, что и Бердяев отмечал чрезвычайное сужение «православного горизонта», которое наблюдалось в Москве в начале нового времени, на растущее недоверие по отношению к греческим традициям и «греческой вере». Это недоверие было связано с непризнанной Москвой Флорентийской унией между Римом и Константинополем 1439 г. Но корни отчуждения между Москвой и Византией были еще глубже. Растущее национальное сознание Москвы уже в XIV в. стремилось освободиться от византийских учителей⁷⁷.

В своем фундаментальном труде «Москва – Третий Рим» немецкий историк Хильдегард Шедер отмечала, что уже в XIV в. стиль написанных в Москве трактатов становился все более высокопарным. Убежденность в особом характере Московского государства и «русской веры» принимала все более отчетливые черты⁷⁸. Такой «менталитет осажденной крепости» имел мало общего с мессианством в истинном его смысле. Доктрина «Москва - Третий Рим» провозглашала избранность русского народа, но мессианский пыл, которым тогда отличалась западная культура, был ей чужд. Стремление к радикальному изменению мира в начале Нового времени был характерной чертой «фаустовского» Запада, но оно тогда не затронуло Россию. Русская культура, как и культура Запада в Средние века, оставалась в основном созерцательной.

Лишь когда Петр Великий «прорубил» для России окно в Европу, русское общество, по меньшей мере, его европейскую часть, охватило «фаустовское»

---

⁷⁶ Бердяев, Истоки. С. 10.

⁷⁷ Флоровский Г. Пути русского богословия. Paris, 1937. С. 10-11.

⁷⁸ Schaefer H. Moskau – das dritte Rom. Darmstadt, 1957; см. также: Люкс Л. Государство правды // Люкс Л. Третий Рим? Третий рейх? Третий путь? М., 2002.

стремление к глубокому обновлению и переустройству мира. На это указывает Бердяев⁷⁹ и тем самым ставит под вопрос свой тезис о преемственности «от Третьего Рима - к Третьему Интернационалу». Сторонники идеи всемирной пролетарской революции, на которой был основан «Третий Интернационал», на самом деле, были вдохновлены мессианско-универсалистским представлением об освобождении всего человечества от эксплуатации одного класса другим. Но это их как раз и отличало от приверженцев идеи «Москва – Третий Рим».

Хотя основной тезис Бердяева и имеет некоторые недостатки, так как недооценивает качественно новые элементы в большевизме и представляет его лишь в качестве древнерусского явления в современной европейской одежде, но с другой стороны, мы, безусловно, зашли бы слишком далеко, если бы полностью отрицали наличие определенных традиционных древнерусских черт, отраженных в большевизме, и рассматривали бы большевизм лишь в качестве продукта, ввезенного с запада, как это делают некоторые его русские критики. В действительности большевизм двулик, подобно Янусу: один его лик - русский, другой - западный. Если универсалистское стремление большевизма однозначно имело западное происхождение, то русскими были, как это первоначально было обозначено, его государственно-деспотические и патерналистские черты, его тенденция рассматривать общество как незрелого подростка нуждающегося в опеке, требующего продолжительного нравственного воспитания.

Бердяев в этой связи писал: «Большевизм вошел в русскую жизнь, как в высшей степени милитаризованная сила. Но старое русское государство всегда было милитаризованным ... (Большевики) создали полицейское государство, по способам управления очень похожее на старое русское государство. Но организовать власть, подчинить себе рабоче-крестьянские массы нельзя одной силой оружия, чистым насилием. Нужна целостная доктрина, целостное миросозерцание, нужны скрепляющие символы. В Московском царстве и в империи народ держался единством религиозных верований. Новая единая вера для народных масс должна быть выражена в элементарных символах. По-русски трансформированный марксизм оказался вполне пригодным»⁸⁰.

д. Последние годы

Хотя Бердяев рассматривается на Западе как типично русский православный мыслитель, он решительно отклонял такие интерпретации. Он не причислял себя к определенной группе или течению; принадлежность к любому из них ему претила. Бердяев не признавал никаких высших авторитетов - ни светских, ни церковных; он был всегда верен только самому себе. Федор Степун называл его по-

---

⁷⁹ Бердяев. Истоки. С.70.

⁸⁰ Там же. С. 99.

следователем монизма, который был вдохновлен в своем мышлении одной идеей - идеей свободы.⁸¹ На самом деле, едва ли какой-либо иной русский мыслитель столь беззаветно посвятил свою жизнь идеалу свободы и так страстно боролся с противниками свободы любого рода, как это делал Бердяев. Особенно острые разногласия существовали у него с противниками свободы из среды русской эмиграции. В своих автобиографических заметках он подчеркивал: «Я почувствовал, что эмиграция правого уклона терпеть не может свободы и ненавидит большевиков совсем не за то, что они истребили свободу. Свобода в эмигрантской среде признавалась не более, чем в большевистской России»⁸².

Бердяев жаловался на растущее одиночество в эмигрантской среде, в особенности после переезда из Берлина в Париж в 1924 г. Критики, по словам Бердяева, обвиняли его в «левом уклоне»; они предостерегали эмигрантскую молодежь от «пагубного» влияния «бердяевщины»⁸³.

Понятна эмоциональная реакция Бердяева на язвительную критику со стороны оппонентов, однако его чрезвычайно резкие суждения в адрес эмиграции как таковой вряд ли обоснованы. Где же после установления в России большевистского режима еще сохранялось культурное наследие страны во всем его разнообразии, как не в эмиграции? Лишь в эмиграции можно было совершенствовать насильственно прерванный в 1917 г. философский, богословский и литературный дискурс «Серебряного века». Бердяев своими книгами, статьями, докладами, издаваемым им с 1926 г. религиозно-философским журналом «Путь» и другими мероприятиями во многом способствовал продолжению этого дискурса. Едва ли какой-либо иной русский мыслитель был столь широко представлен в русской эмигрантской печати, как Бердяев. Так что его жалобы на растущую изоляцию не подтверждаются фактами.

Когда в июне 1940 г. нацистские войска оккупировали Париж, Бердяев, как и в 1917-1922 гг., когда он вынужден был жить в большевистской России, не был готов идти на какие-либо компромиссы с тоталитарной властью. Он демонстративно прервал всякие контакты с коллаборационистами из среды русской эмиграции, которые, в особенности после нападения Гитлера на СССР, поддерживали нацизм. В то же время он безоговорочно солидаризировался со своей Родиной. В автобиографии Бердяев писал: «Я все время верил в непобедимость России. Но опасность для России переживалась очень мучительно... Я делил людей на желающих победы России и желающих победы Германии. Со второй категорией людей я не соглашался встречаться, я считал их изменниками»⁸⁴. Впрочем, также

---

⁸¹ Степун. Бывшее, Т. 1, С. 257; Зернов, Русское религиозное возрождение. С. 173-174; Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952. С.7; Порус В. Н.А. Бердяев: эсхатология свободы // Н.А.Бердяев. С.86-128; Dietrich W. Nikolaj Berdjajev. Sein Denken im Prozess. Teilband I. Berlin, 2009. P.15.

⁸² Бердяев. Самопознание. С. 269, 277.

⁸³ Бердяев, Самопознание, С. 279. См. также Струве П. Дневник политика (1925-1935). М.-Париж, 2004. С.322-327, 351-354, 427-428, 612, 640, 646.

⁸⁴ Там же. С.357.

думали и другие представители квартета «Вехи» - Струве, Булгаков и Франк. Несмотря на радикальные расхождения с большевизмом, они во время германо-советской войны были солидарны со своей Родиной, которой угрожала смертельная опасность.⁸⁵

Решительная антинацистская позиция Бердяева была известна германским оккупационным властям. Несмотря на это, Бердяев после нескольких допросов в гестапо оставался на свободе. Это обстоятельство связано с тем, что в руководстве германских оккупационных властей были и почитатели знаменитого русского философа. Они и взяли его под защиту⁸⁶, несмотря на тот факт, что нацистская пропаганда дискредитировала бердяевские идеи как своего рода «религиозный большевизм». С конца 1938 г. труды Бердяева были в Германии запрещены⁸⁷.

После краха нацистского режима в духовном развитии Бердяева произошла поистине загадочная метаморфоза. Бердяев, бескомпромиссный сторонник свободы, из благодарности за уничтожение Третьего рейха Красной армией, умерил, по крайней мере временно, свою критику советского режима.

Когда кремлевские властители 14 июня 1946 г. «амнистировали» (именно так!) живших во Франции русских эмигрантов и предложили им возвратиться в Россию в качестве советских граждан, Бердяев приветствовал этот указ Верховного Совета СССР. Он высказался за то, чтобы принять предложение советского гражданства с учетом некоторых «почетных исключений»⁸⁸ и даже назвал получение советского паспорта «патриотическим долгом»⁸⁹. В русской эмиграции произошел глубокий раскол, охвативший даже иерархов Русской Православной Церкви во Франции.

Парижский митрополит Евлогий даже отпраздновал сталинский акт амнистии в качестве «великого исторического события» и призвал, несмотря на некоторые сомнения, к примирению Парижского Экзархата и Московского Патриархата. Однако епископский синод Парижского Экзархата 16 октября 1946 г. отказался от этой инициативы митрополита, к тому времени уже умершего⁹⁰.

Из живших во Франции русских эмигрантов около 5% решились принять рекомендуемый Бердяевым советский паспорт. Почти половина из новых граждан СССР вернулась в Россию⁹¹. Если подумать, какие трагические последствия

---

⁸⁵ См. Степун, Бывшее. Т. 2, С. 402.

⁸⁶ Reichelt St.G. Nikolaj A.Berdjaev in Deutschland 1920-1950. Leipzig, 1999. P.188-189; Бердяев. Самопознание. С. 358; Бердяев позже шутил, что своей свободой в оккупированной Франции он был обязан почтением, которое немцы испытывали к философии (Бердяев. Самопознание. С.358).

⁸⁷ Reichelt. Berdjaev. P. 157-158.

⁸⁸ Там же. P.191.

⁸⁹ Герра Р., Ваксберг А. Семь дней в марте. Беседы об эмиграции. М., 2010. С. 2; см. также Пасхальный свет на улице Дарю. С.467.

⁹⁰ Бобринский Б. (изд.). Преподобный Сергей в Париже, Париж, 2010. С. 63; Reichelt. Berdjaev. P.190; Герра Р., Ваксберг А. Семь дней. С. 280.

⁹¹ Герра Р., Ваксберг А. Семь дней. С.284.

имело это решение для многих репатриантов, судьба которых теперь была брошена на милость или немилость советских органов госбезопасности, пропаганда вступления в советское гражданство, в котором также участвовал Бердяев, выглядит как особенно безответственный акт.

Для себя же Бердяев категорически отклонял возможность возвращения в Россию. Свое решение он обосновал отсутствием в России свободы слова, прежде всего в сфере философии. «Но что я мог бы там делать, - спрашивал он в своих автобиографических записках. - Именно философу возвращаться в Россию не имеет смысла»⁹². В разговоре с сотрудником советского посольства в Париже Бердяев назвал условием своего возвращения в Россию свободную продажу своих книг, написанных в эмиграции, и свободный доступ к ним читателей⁹³.

Короткий флирт Бердяева с советским режимом вызвал разочарование и возмущение многих русских эмигрантских мыслителей. Георгий Федотов в 1948 г. в некрологе памяти Бердяева писал, что Бердяев, находясь под впечатлением победы Советского Союза над Третьим рейхом, все меньше обращал внимание на сходства между обоими тоталитарными режимами: «Жила вера, ни на чем не основанная в близость больших перемен во внутренней политике большевистской партии ... Не желая покоряться ни законам природы, ни авторитетам человеческим и даже божественным, Бердяев склонил свою гордую голову перед историей, в одной из ее самых страшных и отвратительных фаз, перед коммунистической революцией»⁹⁴.

Сергей Левицкий, другой русский мыслитель-эмигрант, дополнил эти слова: Бердяев «даже если и кратковременно и с определенными оговорками, стал, однако, союзником одной из самых страшных форм тоталитаризма, бесстрашным обличителем которой он когда-то был»⁹⁵.

Надежды на перемены в России после победы над Третьим рейхом питали не только Бердяев и другие русские эмигранты, но и значительная часть советского общества. Самые смелые картины будущего рисовали даже такие верные слуги Сталина, как писатель Алексей Толстой. 22 июля 1943 г. он писал в своей записной книжке: «Народ, вернувшись с войны, ничего не будет бояться. Он будет требователен и инициативен... Китайская стена довоенной России рухнет»⁹⁶.

«Вместе с демобилизацией вернутся к жизни люди, все выдавшие. Эти люди принесут с собой новую меру вещей», - писал в октябре 1944 г. поэт Николай Асеев⁹⁷.

В деревне распространялись слухи о скорой ликвидации колхозов⁹⁸.

⁹² Бердяев. Самопознание. С. 364.

⁹³ Reichelt. Berdjaev. P.191.

⁹⁴ Федотов Г. Новый град. Нью-Йорк, 1952, С. 314, 317.

⁹⁵ Цит. по: Reichelt. Berdajev. P.207.

⁹⁶ Цит. по: Ожлянский Ю. Роман с тираном. М., 1994. С. 69.

⁹⁷ Бабиченко Д. Писатели и цензоры. М., 1994. С. 98.

⁹⁸ См. Зубкова Е. Общество и реформы 1945-1964. М, 1993.

Эти надежды на смягчение сталинской системы террора сильно подрывали самоуверенность ее создателя. Эмигрировавший из СССР историк Абдурахман Авторханов писал: «Сталин понимал, что, принеся такие жертвы, народ захочет жить по-человечески, будет ждать перемен... Вернувшиеся были грозны в своем молчании... Собственных солдат Сталин боялся не меньше, чем солдат Гитлера в начале войны»⁹⁹.

Теперь сталинское руководство считало своей важнейшей целью новое дисциплинирование нации, гордой своей победой. Один из первых его ударов был направлен против интеллектуалов, которые больше других выиграли от ослабления механизмов контроля во время войны. В августе 1946 г. началась кампания усиления дисциплины в советской литературе, связанная с именем главного партийного идеолога Жданова, истинным вдохновителем которой был, разумеется, Сталин. Партия теперь объявила войну «чуждым» прозападным тенденциям в литературе. В доверительной беседе с некоторыми советскими писателями в середине 1947 г. Сталин выступил против, по его мнению, совершенно необоснованного преклонения перед иностранной культурой, распространенного среди советской интеллигенции: «Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не сто процентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Это традиция отсталая, она идет от Петра ... Почему мы хуже? В чем дело? Надо бороться с духом самоуничужения у многих наших интеллигентов»¹⁰⁰.

Эта начатая сверху борьба против духа «низкопоклонства перед Западом» была связана с возвеличиванием всего русского, что зачастую принимало черты гротеска. Все те, кто стал жертвой иллюзии, что создатель одной из самых жестоких в истории России правящих систем будет готов придать своему режиму «человеческий облик», получили жестокий урок.

То, что советский народ, изолированный от внешнего мира и подвергнутый сталинской индоктринации, стал жертвой этой иллюзии, было не удивительно. Однако совершенно непонятно, как Николай Бердяев, один из самых значительных мыслителей своего времени, которому было все известно о характере сталинской террористической системы, совершал ту же логическую ошибку.

Разумеется, «ослепление» Бердяева не могло продлиться долго. Начавшаяся в августе 1946 г. кампания против Анны Ахматовой, Михаила Зощенко и других «отклонившихся от линии партии» советских авторов, резко прервала его мечту о «человечном сталинизме». В написанном в 1947 г. послесловии к автобиографии Бердяев отмечает, что развитие Советского Союза протекает иначе, чем первоначально надеялись: «Свобода не возросла, скорее наоборот ... Диалектический материализм по-прежнему является господствующим государственным мирозерцанием ... Отталкивает также все возрастающий централизованный тоталитарный этатизм»¹⁰¹.

⁹⁹ Авторханов А. Загадка смерти Сталина (заговор Берия). Франкфурт-на-Майне, 1976. С.16-17.

¹⁰⁰ Симонов К. Глазами человека моего поколения // Знамя, 1988, №3.С. 59-60.

¹⁰¹ Бердяев. Самопознание. С. 370-371.

Вопреки усиливавшемуся осуждению отсутствия в СССР свободы интеллектуального творчества и свободы слова, Бердяев продолжал хвалить «преимущества советского общественного устройства», которое, по его мнению, было более справедливо, чем капиталистическое. В «Русской идее» он превозносил сталинскую конституцию: «Советская конституция 1936-го года создала самое лучшее в мире законодательство о собственности. Личная собственность признается, но в форме, не допускающей эксплуатации»¹⁰².

Если задуматься над тем, что беспримерная эксплуатация населения государством составляла основу сталинской системы, эти слова Бердяева кажутся не только оторванными от жизни, но и лишенными всякого сострадания. В этих словах философа не было ни капли «жалости к униженным и оскорбленным», которую он в той же «Русской идее» (С.89) назвал главным побудительным мотивом русской интеллигенции. Кроме того, как же могло общество, основанное на государственном рабстве и полностью отрицающее принцип свободы, быть более справедливым, чем «открытое» западное общество? Тот факт, что Бердяев, безусловный защитник свободы, не увидел этого противоречия, является почти неразрешимой загадкой.

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина

---

¹⁰² Бердяев. Русская идея. С. 251.

Русский государственник Петр Струве

а. Эволюционизм или революционизм?

В группе «Вехи» Петр Струве принадлежал к наиболее политически ангажированным авторам. Как и его единомышленники - Бердяев, Франк или Булгаков, Струве к началу XX в. избавился сначала от марксистских, а потом постепенно вообще от революционных искушений.

Еще во время русско-японской войны Струве в основном разделял пораженческие взгляды, хотя и не столь радикальные, как у большинства других русских критиков царского режима¹. Через несколько лет он превратился однако в защитника русской государственности и все острее полемизировал с государственным нигилизмом подавляющего большинства представителей русской интеллигенции. Отчуждение интеллигенции – наиболее активной части политического класса России – от собственного государства Струве считал самой большой трагедией страны.

После революции 1905 г., несмотря на «Манифест 17 октября», изменивший основы существующей системы и введший разделение властей, в царской империи произошел поворот к реакции. Струве объяснял этот факт не в последнюю очередь тем, что авторитетные силы общества уклонялись от сотрудничества с реформистски настроенной частью правящей бюрократии.

В начале XX в., вошедшего в историю как век крайностей, революционного насилия и безбрежного тоталитарного террора, Струве провозгласил решительное «нет» насилию как средству политики: «Петр I, Конвент научили нас шагать семимильными сапогами, шагать из первого месяца беременности в девятый и ломать без разбора все, что попадетя на дороге»².

Струве, который после своего разрыва с «легальным марксизмом» превратился в страстного сторонника либеральной мысли, боролся с любыми проявлениями «революционаризма» и решительно отстаивал путь политической и социальной эволюции. Революционных фанатиков он сравнивал в речах 1906 г. с их противоположностью – поборниками полицейского государства. И те и другие считали насилие и принуждение всеисцеляющим средством³. Сторонники эволюции, напротив, не стремились «заставить общество быть счастливым», но пытались воспитать его. Отсюда – возникновение непреодолимой пропасти между революционным и эволюционным мировоззрением. Последнее учитывало сложность общественного развития и предостерегало от простых и быстрых решений. «Революционаризм», напротив, отличала нетерпимость и стремление к не-

¹ Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 37, 41-42, 45-46.

² Струве П. Идеи и политика в современной России // Струве П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 57- 58.

³ Там же. С. 52.

медленному осуществлению социальной утопии. «Революционаризм» являлся для Струве символом социальной утопии; эволюционизм, напротив, олицетворял собой более высокую и зрелую ступень развития общественной мысли.

В русской революции 1905 г. доктринальный утопизм интеллигенции впервые объединился с созревающим на протяжении поколений гневом низших слоев – народным гневом. «В той революции, которую пережили мы, интеллигентская мысль соприкоснулась с народной — впервые в русской истории в таком смысле и в такой форме», – развивает Струве свои мысли в статье, опубликованной в 1909 г. в сборнике «Вехи»⁴.

В XVII–XVIII вв. казачество – самый беспокойный в социальном плане и в то же время опытный в военном деле элемент – было неоспоримым лидером всех народных выступлений, направленных против господ, пишет Струве. После разгрома последнего крупного народного восстания 1773–1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева монархия все же смогла осуществить «огосударствление» казаков, предоставив им широкие социальные привилегии. Тем самым крестьянство в своей борьбе против социального угнетения лишилось руководящей силы. Во время революции 1905 г. интеллигенция заняла это руководящее место, бывшее вакантным с конца XVIII в.: «Прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов совершалась с ошеломляющей быстротой. В том, как легко и стремительно стала интеллигенция на эту стезю политической и социальной революционизации пострадавших народных масс, заключалась не просто политическая ошибка ... Тут была ошибка моральная. В основе тут лежало представление, что „прогресс“ общества может быть не плодом совершенствования человека, а ставкой, которую следует сорвать в исторической игре, апеллируя к народному возбуждению»⁵.

Будучи «русским европейцем» Струве, как правило, анализировал внутривосточное политическое развитие в общеевропейском контексте.⁶ Так как русская революция и западный социализм судьбоносно переплелись между собой, Струве, разумеется, никогда не упускал из виду эту взаимозависимость. При описании новейших тенденций развития европейского социализма, как и при анализе внутривосточной ситуации, Струве интересуется соотношением и революционных и эволюционных тенденций, силовое напряжение, возникшее между ними. Факт, что в западном марксизме вследствие спора с ревизионизмом все более усиливались реформистские идеи, Струве рассматривал как знак предстоящего заката социалистического движения: «социализм выветрился или выветривается, как религия.

---

⁴ Петр Струве. Интеллигенция и революция // Струве П.Б. Избранные сочинения. С. 171.

⁵ Там же. С. 176.

⁶ См. Колеров. М. Петр Струве как мыслитель. Вводные замечания // Петр Бернгардович Струве, сост. Жукова О.А., Кантор В. К., 2012. С. 95.

Происходит обмирщение социализма и падает „хилиастическая“ вера в его осуществление», - писал Струве в 1907 г. в статье «Facies Hippocratica»⁷.

Исчезновение „хилиастических“ ожиданий социалистов вызвало у Струве ассоциации с развитием раннего христианства. Христианство переживало глубокий кризис, по мере ослабления веры в скорый конец этого греховного света и пришествие «царства Божия на земле». Струве считал, что социализм, в отличие от христианства, не в состоянии пережить выхолащивание связанных с ним „хилиастических“ ожиданий: созидательный потенциал социалистических идей нельзя соизмерять с духовным посланием христианства.

Струве рассматривает вопрос, возможно ли оживить социализм, вернувшись к его романтическим революционным истокам, к чему стремились радикальные силы, находившиеся на краях марксистского движения. Его ответ: однозначно нет. В этой связи он вступает в острый спор с Жоржем Сорелем, чьи «Размышления о насилии» были изданы в 1907 г. Сорель призвал социалистов, ставших миролюбивыми, к последней битве с ненавистным им буржуазным миром. Однако его прославление насилия и войны не смогло предотвратить закат социалистического движения. Напротив, апологетика насилия и войны стала, с точки зрения Струве, знаком декаданса, близкого конца социализма. «Размышления о насилии», как и другие тексты деятелей возглавляемого Сорелем синдикалистского движения, лишь символизировали агонию социалистической идеи. Поэтому Струве назвал синдикализм «Facies Hippocratica» социализма: «Так называли в древности по имени великого врача Гиппократата, нарисовавшего живую картину приближающейся смерти, лицо, на котором лежит уже отпечаток кончины. В произведениях философов синдикализма перед нами „facies hippocratica“ социализма, основанного на возведении классового начала в абсолют»⁸.

То обстоятельство, что Франция стала центром синдикалистского движения, Струве объяснял экономической и демографической стагнацией этой страны по сравнению с другими, динамично развивающимися странами, такими, как Германия или Великобритания: «Синдикализм возник и „могуществен“ там, где рабочие союзы или синдикаты слабосильны»⁹; «реакционному капитализму [Франции] и малоподвижной буржуазии соответствует [типичный для этой страны] революционный социализм и бунтарский пролетариат»¹⁰. По Струве, в таких высокоразвитых индустриальных странах как Германия или Великобритания, в рабочем движении, напротив, успешно развиваются эволюционные тенденции.

Прогноз Струве оказался дважды неверным. Основанное на насилии течение внутри марксистского движения, которому Струве еще в 1907 г. выдал свидетельство о смерти, на самом деле коренным образом повлияло на судьбу всего

---

⁷ Струве П. *Facies Hippocratica*. К характеристике кризиса в современном социализме // Струве П.Б. Избранные сочинения. С. 63.

⁸ Там же. С. 74.

⁹ Там же. С. 77.

¹⁰ Там же.

XX в. В центре этого течения, однако, была не «отсталая», по мнению Струве, Франция, а значительно «более отсталая» Россия, в которой промышленный пролетариат составлял лишь незначительную, второстепенную часть общества. В 1908 г. Струве отмечал, что в России кризис социализма проявляется глубже, чем это считалось на западе, так как он тесно связан с кризисом традиционного мировоззрения интеллигенции – уникального явления в Европе. Струве в 1908 г. не мог предвидеть, что радикальное крыло русского социализма, представленное партией большевиков, не поддастся процессам эрозии общеевропейского марксистского движения. Он недооценил способность основателя и «мотора» партии большевиков отбросить все сомнения, неопределенности и личные конфликты. Другая ложная предпосылка Струве была связана с его недооценкой способности умеренного крыла европейской социал-демократии к переменам. Тот факт, что в начале XX в. идея эволюции становилась все более популярной среди деятелей основанного в 1889 г. II Интернационала, никоим образом не свидетельствовал о закате социал-демократического движения, как это предсказывал Струве. Напротив, не в последнюю очередь потому, что эта часть рабочего движения пошла по пути реформ и примирилась с демократическими идеями, социал-демократические партии стали важной движущей силой европейского обновления и стойкими противниками основанных на насилии и терроре режимов, созданных их бывшими левыми единомышленниками. В заключение я хотел бы указать еще на некоторые парадоксы аргументации Струве. Он видит важную предпосылку предотвращения политической катастрофы в России в замене революционной идеологии эволюционными взглядами. Аналогичное развитие европейской социал-демократии Струве рассматривает как начало ее конца.

б. Призыв Струве к русскому великодержавию

Приверженность Струве русской государственности, но не царскому режиму, который он характеризовал как «реакционный», вызвала возмущение многих представителей интеллигенции, считавших существующий государственный строй, даже после преобразования неограниченного русского самодержавия в думскую монархию, воплощением зла. Негодование этой части интеллигенции еще более усилилось, когда Струве в статье «Великая Россия» (1908 г.) выступил в качестве сторонника русского великодержавия и имперского статуса России. Эта статья была инспирирована знаменитой речью премьер-министра России П.А. Столыпина 10 мая 1907 г., в которой он сказал: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны

великие потрясения, нам нужна великая Россия»¹¹. Как и в своих текстах о революции и эволюции, Струве и в этом труде боролся на два фронта – и против радикальных противников русской государственности, и против ее реакционных защитников. И для тех и для других внешняя политика представлялась лишь приложением к политике внутренней. Так, революционные партии считали повышение благосостояния граждан единственной достойной задачей государства. Стремление к внешней мощи лишь отвлекало от этого, по их мнению, важнейшего благородного дела. Но и защитники существующего режима, выступавшие против реформ, также руководствовались внутривнутриполитическими приоритетами и пытались использовать внешнюю политику для отвлечения внимания населения от внутривнутриполитических конфликтов. Характерной в этом плане была авантюрическая дальневосточная политика царского правительства, главным образом министра внутренних дел В.К. Плеве. Это «был один из тех людей, которые толкали Россию на войну с Японией, толкали во имя сохранения и упрочения самодержавно-бюрократической системы»¹².

Тезис Струве подтверждался высказыванием бывшего премьер-министра России С.Ю. Витте, который в своих воспоминаниях цитирует следующие слова Плеве: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война».¹³ За эту авантюру, говорил Струве, Россия должна была дорого заплатить. Однако после поражения в русско-японской войне сторонники русского авторитаризма проводили полностью противоположную политику. Они теперь вели себя «смирненно» и ненавязчиво и старались избегать любых внешнеполитических рисков. В основе такого поведения была та же мотивация, что и прежней авантюристической политики, – поддержание существующего внутривнутриполитического статус-кво, причем любой ценой. Такая малодушная внешняя политика, по Струве, не достойна Великой державы. Каждое великое государство должно стремиться к всеобъемлющей внешней политике, с далеко идущими целями. Только в этом случае государство могло бы побудить общество к самоидентификации с ним. По Струве, для царской империи такой целью могла быть идея современной и сильной России. Струве спрашивает себя, в каком географическом направлении должны развиваться властные устремления обновленной России. Это ни в коем случае не должен быть Дальний Восток, который не играет никакой роли в коллективном сознании русских. Это скорее, должен быть регион, веками эмоционально связанный с Россией, – такой, как бассейн Черного моря. При этом речь шла не о насильственном завоевании этих территорий, а об их мирном ос-

---

¹¹ Струве П. Великая Россия // Струве П.В. Избранные сочинения. С.182; его же. Дневник политика (1925-1935). М.-Париж, 2004, С.384; см. также Вандалковская М. Россия в творчестве П.Б. Струве // Петр Бернгардович Струве. С. 57-58; Гайденко П. Под знаком меры (либеральный консерватизм П.Б. Струве). там же. С. 242; Кантор В. Петр Струве: Великая Россия или Идея так и не ставшая реальностью. там же. С. 21, 23-25; Полторацкий Н. Струве как политический мыслитель. London/Ontario, 1981.

¹² Струве. Великая Россия. С. 183.

¹³ Граф Сергей Витте. Воспоминания. Царствование Николая II, Берлин, 1922. Т. 1, С. 262.

воени, прежде всего, экономическом и культурном. Струве писал: «Теперь пора признать, что для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область — *весь бассейн Черного моря*, т.е. все европейские и азиатские страны, „выходящие“ к Черному морю. Здесь для нашего неоспоримого хозяйственного и экономического господства есть настоящий базис... На этом реальном базисе — и только на нем — неустанно культурную работу, которая во всех направлениях должна быть поддержана государством, может быть создана экономически мощная Великая Россия. Она должна явиться не выдумкой реакционных политиков и честолюбивых адмиралов, а созданием народного труда, свободного и в то же время дисциплинированного»¹⁴. Струве считал ахиллесовой пятой русской государственности то, что государство долгое время было представлено лишь правящей элитой, считавшей государство своей собственностью, и, следовательно, категорически отрицавшей участие общества в принятии политических решений. При этом до революции 1905 г. правящая группировка ощущала поддержку "безмолвствующего" народа. События 1905 г., так же, как и отношение народных масс к выборам в Первую и Вторую Государственную Думу (1906 г., 1907 г.), разрушили этот миф. Наконец-то правительству стало ясно, что оно утратило поддержку не только образованных слоев, но и простого народа, и сидит на вулкане. Все это принуждало его к пассивной и трусливой внешней политике. Но таким путем нельзя было достичь всеобъемлющих национальных внешнеполитических целей. Чтобы покончить с такой ситуацией, Струве призывал к прекращению конфронтации между правительством и оппозиционным ему обществом: «Интеллигенция страны должна пропитаться тем духом государственности, без господства которого в образованном классе не может быть мощного и свободного государства. „Правящие круги“ должны понять, что, если из великих потрясений должна выйти Великая Россия, то для этого нужен свободный, творческий подвиг всего народа... Государство и нация должны органически срастись»¹⁵.

Как можно достичь этой цели, Струве показывает на примере Пруссии времен так называемого «конституционного конфликта» начала 1860-х годов. Тогда, как известно, дело дошло до острой конфронтации между либеральным большинством прусского ландтага и консервативным госаппаратом, который во многом лишил правительство его конституционной основы. Этот конфликт напоминал разногласия Первой и Второй Государственной Думы с царским правительством в 1906-1907 гг.

То, что прусский «конституционный конфликт», поставивший страну на грань пропасти, был успешно разрешен, возвращает Струве к мыслям о немецкой на-

---

¹⁴ Струве. Великая Россия. С. 186.

¹⁵ Там же. С. 198; см. также Колеров. Петр Струве. С. 88; Жукова О. Единство культуры и политики: либерально-консервативный проект П.Б. Струве в созидании России // П.Б. Струве. С. 113.

циональной идее, которая побуждала обе конфликтующие стороны к совместным действиям, а также к рассуждениям о способности Бисмарка, действуя «сверху», воспользоваться этой идеей: «Величие Бисмарка как государственного деятеля заключалось, между прочим, в том, что он никогда не смешивал государства ни с какими лицами. Власть и народ примирились на осуществлении национальной идеи, и объединенная Германия, утверждающая свою внешнюю мощь, сумела органически сочетать исторические традиции с новыми государственными учреждениями на демократической основе всеобщего избирательного права»¹⁶.

Струве представлял себе возможность подобного решения и для внутрисосийского конфликта. Для этого должна быть найдена общенациональная задача, которая объединила бы обе конфликтующие стороны. Струве ясно, что найти такую общую задачу в многонациональной России значительно сложнее, чем в национально однородной Германии. Поэтому он обращается к руководству государства с призывом изменить существующую национальную политику, чтобы превратить национальные меньшинства, составляющие более половины населения империи, в сторонников идеи сильной и прогрессивной России.

При этом прежде всего требовали решения еврейский и польский вопросы. Русских евреев Струве считал той частью населения, которая вследствие своего предпринимательского духа может быть наиболее ценна для модернизации и экономического усиления России. Но участие евреев в проекте, называемом «Обновление России», имело своей предпосылкой их полную эмансипацию. Аналогичные аргументы выдвигали некоторые просвещенные представители петербургской бюрократии, прежде всего уже упоминавшийся С.Ю. Витте. Однако в своем стремлении прекратить дискриминацию евреев они не могли одолеть антиреформаторских сил внутри правящего истеблишмента.

Струве, хотел примирить с русским государством и польское национальное меньшинство. Он считал, что до тех пор, пока продолжалась польско-русская конфронтация, не заслуживала доверия политика солидарности России с западными и южными славянами. Тот факт, что статья Струве подчеркивает важность славянского фактора, является свидетельством поворота в мышлении патриотической части русского общества. Тем самым эта часть русского общества примыкала к традиционному панславянскому течению, которое особенно в 1870-е годы достигло своего апогея. Тогда большинство русских было солидарно с восстанием болгар, жестоко подавленным османами («зверская расправа с болгарами» - Гладстон). Следствием солидарности России стала русско-турецкая война 1877-1878 гг., которую гёттингенский историк Райнхард Виттрам назвал первой и единственной панславянской войной России.¹⁷ Тот факт, что вскоре после своего освобождения русской армией болгары отвернулись от России, остудил в России панславистский пыл. Интерес к угнетенным южным и западным славя-

¹⁶ Струве. Великая Россия. С. 199.

¹⁷ Wittram R. Das russische Imperium und sein Gestaltwandel// Historische Zeitschrift, 187, 1959. P. 588.

нам сильно уменьшился. Лишь поражение царской империи в русско-японской войне вновь оживило в России идею всеславянской солидарности, причем не только в национально ориентированных правых кругах, но и среди либералов. Доказательства тому – высказывания Струве. В аналогичном смысле высказывались тогда и другие представители либерального спектра русской общественности, в частности, князь Евгений Трубецкой, который призвал своих соотечественников к усилению солидарности со славянскими народами: «Россия надолго ослаблена неудачной внешней войной (с Японией – Л.Л.) и внутренним хаосом; с болью в сердце мы вынуждены признать, что вооруженный конфликт с Австрией и Германией теперь не будет борьбой на равных... Но мы не должны забывать, что кроме военной мощи есть еще и сила культуры, сила идеи, на которые мы можем опереться. Это сила симпатии народов; если мы завоюем долговременные симпатии австрийских славян, война Австрии против нас станет невозможна... Поэтому осуществление культурного единения с западными и южными славянами – одна из наших важнейших национальных задач».¹⁸

Однако вернемся к Струве и его высказываниям по польскому вопросу. Струве предостерегает петербургское правительство от повторения ошибки Пруссии, пытавшийся германизировать Польшу, и аналогичного желания – русификации Польши: «Между русскими и поляками на территории Царства Польского никакой культурной или национальной борьбы быть не может: русский элемент в Царстве представлен только чиновниками и войсками»¹⁹. Так что в своей польской политике у России нет иного выбора, как ее либерализация. Это чрезвычайно подняло бы престиж России во всем славянском мире.

Призыв Струве к просвещенному патриотизму на первый взгляд представлял собой убедительную альтернативу шовинистической антисемитской программе русских правых; он в течение следующих лет во многом повлиял на умонастроения широких кругов русской интеллигенции, сначала настроенных радикально антинационалистически. Не в последнюю очередь поэтому пораженческие настроения в начале Первой мировой войны проявились лишь у маргинальной части политического класса. Подавляющее большинство образованных слоев России в августе 1914 г. было охвачено националистической эйфорией. Также как это было и в Германии, во Франции или Великобритании - оно приветствовало разразившуюся тогда европейскую "пракатастрофу" (Джордж Кеннан). Вопреки своему скепсису по отношению к царскому режиму, большинство образованных в духе Струве русских людей солидаризировалось со своей нацией и восприняло войну против Центральных держав как «отечественную войну». В России, в отличие от других воюющих стран, этот национальный единый фронт, от которого

---

¹⁸ См. Golczewski F., Pickhan G. Russischer Nationalismus. Die russische Idee im 19. und 20. Jahrhundert. Darstellung und Texte, Göttingen, 1998. P. 195; См. также Булгаков С. Три идеи // С.Н. Булгаков: Pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1. Санкт-Петербург, 2003. С.272-279.

¹⁹ Струве. Великая Россия. С. 193.

откололись лишь большевики и некоторые другие леворадикальные группы, имел, однако, двойную трещину. Во-первых, здесь нужно упомянуть традиционную глубокую пропасть между «верхами» и «низами» общества. Не европеизированные «низы» переживали эту войну иначе, чем образованный слой – не как «отечественную войну». Пока социальные «низы» России придерживались традиционных мировоззренческих установок, для них олицетворением государства был православный царь. Утрата «низами» веры в царя, наблюдавшаяся в России в начале XX в., неизбежно вела к ослаблению их связей с государством. Современная национальная идея, рассматривающая собственное государство независимо от его религиозной коннотации в качестве венца творения, находилась в России в зачаточном состоянии и была распространена только среди образованных людей. Таким образом, в России народные массы расстались с традиционными представлениями о российском государстве, не найдя связи с новейшей национальной идеей. Они пребывали в неопределенности между двумя эпохами. И именно в этой ситуации после начала Первой мировой войны от них потребовалась максимальная жертвенность. Без широкой идентификации народных масс с целями войны, которые преследовало государственное руководство, без солидарности народа с господствующей государственной идеей, такое его использование было невозможно в долгосрочной перспективе. Не удивительно, что царская империя проявила себя как самое слабое звено в цепи ведущих войну режимов и первая пала под натиском мировой войны. Несмотря на некоторые серьезные неудачи, положение на фронтах сначала было отнюдь не катастрофическим. Разложение армии началось лишь после свержения царя. Быстрый распад одной из старейших монархий Европы, произошедший после всего лишь трех дней революционной борьбы в ее столице, был, прежде всего, связан с тем, что монархия утратила всякую связь со своим народом – как с «низами», так и с политическими элитами²⁰.

Вторая трещина в рядах национального народного фронта, к которому стремился Струве, проходила не вертикально, как пропасть между «верхами» и «низами», а горизонтально. Она расколола Российскую империю по этническим границам некоторых ее национальных территорий (в этом Россию можно сравнить прежде всего с монархией Габсбургов).

Струве, как уже отмечалось, был либерально настроенным патриотом и выступал за далеко идущие уступки национальным меньшинствам в стране. Однако он никоим образом не собирался ставить под вопрос территориальную целостность российского государства. Так, он считал само собой разумеющейся принадлежность Польского королевства к Российской империи и неоднократно пре-

---

²⁰ Если «низы» выступили против тогдашнего режима, прежде всего, потому, что они «больше не понимали свое собственное государство, его политических целей и идей» (Г. Федотов), то национально ориентированная часть политического класса России выступила против царя по совсем иным причинам. Она подозревала именно царскую семью в том, что та в недостаточной степени идентифицирует себя с войной.

возносил имперский характер России: «Всякое живое государство всегда было и будет проникнуто империализмом»²¹.

Однако после начала Первой мировой войны эта точка зрения стала анахронизмом. Право наций на самоопределение представляло собой своего рода фетиш мировой войны. Так, попытка Габсбургской империи унизить маленький самостоятельный народ – сербов – стала непосредственным поводом к развязыванию мировой войны. Вступление Великобритании в войну, которое превратило европейскую войну по-настоящему в мировую, было также официально мотивировано нарушением независимости другого небольшого народа – бельгийцев. Но и Германская империя пыталась создать впечатление, что она борется за освобождение народов, страдавших под гнетом царизма. Историк Людвиг Дехио указывал на то, что Германия пыталась оправдать «собственные требования безопасности и продвижения на Восток, тем, что она... играет роль оплота Запада против варварства Востока».²² Конечно, Центральным державам, чьи войска оккупировали Бельгию, Сербию, Польшу, Румынию и часть Прибалтики, не так легко было убедить мировую общественность, что они борются за самоопределение народов. Положение стран Антанты было гораздо проще. На европейском континенте они повсюду были в обороне. Казалось, что их лозунг: «Война за свободу малых народов» вызывал больше доверия. Впрочем, не только Германия, но и либерально настроенная часть русского общества имела значительные проблемы с интерпретацией права наций на самоопределение. Буквальное осуществление этого права означало отказ от большей части территорий, присоединенных к России с начала Нового времени, отказ от империи.

в. Русская революция как «самоубийство государствообразующей нации»

Сразу после большевистского государственного переворота, разрушившего учрежденную в феврале 1917 г. «первую» русскую демократию, Струве в статье «В чем революция и контрреволюция?» предпринял попытку охарактеризовать события 1917 г. Согласно Струве, так славно начавшаяся революция превратилась в «солдатский бунт... в грандиозный и позорный *всероссийский погром*»²³. Тревогу Струве по поводу поведения солдат, освобожденных после свержения династии Романовых от оков военной дисциплины, разделяли представители почти всех тогдашних политических групп России, в частности многие социалисты.

---

²¹ Петр Струве. Отрывки о государстве // Струве П.Б. Избранные сочинения. С. 205; см. также Кантор. Петр Струве. С. 21-22.

²² Dehio L. Deutschland und die Weltpolitik im 20. Jahrhundert. München, 1955. P. 100.

²³ Струве П. В чем революция и контрреволюция? // Струве П.Б. Избранные сочинения. С. 253; см. также Бердяев Н. Духовные основы русской революции // его же Сочинения. Париж, 1990. Т. 4. С. 54, 92, 163-164; Вандалковская. Россия. С. 60-61.

Меньшевик Ираклий Церетели, одна из центральных фигур влиятельнейшего учреждения Февральской революции – Петроградского Совета, писал: «Особый характер революции придавала повсеместность солдатских масс, которые своим поведением в феврале 1917 г. обеспечили победу революции. Революционная приверженность этих масс была вызвана не социалистическими идеалами, а их элементарной ненавистью к старому режиму. Хотя недовольство солдат смело старый режим, они не понимали настоящего смысла происходивших процессов. Задачей вождей революции было просвещение этих людей, не имевших элементарного политического образования, объяснение им основ свободного демократического общества. Только таким путем можно было преодолеть огромную опасность, которую представляли для революции эти анархические массы»²⁴.

Наряду с мародерствующими солдатами, Струве называет и других участников всероссийского погрома 1917 г., а именно: крестьянские и пролетарские массы, которые под прикрытием социалистической фразеологии грабили чужое имущество и удовлетворяли свое стремление к наживе. Так что в России, по мнению Струве, после отмены существовавшего экономического строя произошла не победа социализма, а скорее «буржуизация» «низов» общества: «Сейчас „социалистическая“ волна погромного характера кажется революцией, но на самом деле революцией является не она, а идущее под ней мощное течение буржуазного стяжания, которое неминуемо вступит с ней в борьбу»²⁵.

Этот тезис Струве свидетельствует о недооценке им динамики социалистической идеи, которая представляла собой важнейшую идеологическую основу тогдашнего революционного процесса. Социалистическую идею народные массы России интерпретировали по-своему, связывая ее с древним русским идеалом о справедливости, основанной, прежде всего, на равенстве. В этой связи Георгий Федотов говорил, что из всех форм справедливости для русских на первом месте находилось равенство²⁶.

По мнению Струве, в развязывании разрушительных страстей масс в первую очередь были виновны русские элиты (аналогично аргументировали также Семен Франк и Николай Бердяев). Безудержная пропаганда социалистической интеллигенции лишь разжигала погромные настроения среди русских крестьян и рабочих.

Но и господствующие слои были также виновны в катастрофе 1917 г., а именно в том, что они «ради сохранения своих отживших прерогатив» преступно задерживали «культурное и политическое развитие нации... Главным преступлени-

---

²⁴ Церетели И. Воспоминания о февральской революции. Париж, 1963; Suchanov N. 1917. Tagebuch der russischen Revolution. München, 1967. P. 204-205.

²⁵ Струве П. В чем революция и контрреволюция. С. 256.

²⁶ Федотов Г. Народ и власть // Вестник РСХД, № 94, 1969. С.89; см. также Бердяев, Духовные основы. С. 172-174. .

ем старой власти является именно то, что она подготовила эту революцию и сделала ее неизбежной»²⁷.

Особенно подробно Струве изучает ответственность русских элит за катастрофу 1917 г. в написанной им в августе 1918 г. статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи», опубликованной в инициированном им сборнике «Из глубины» („De profundis“). При этом он далеко уходит в историю. С точки зрения Струве, одной из главных причин русской революции стали события 1730 г., которые в коллективной памяти нации не играли, в сущности, никакой роли. Тогда именитые представители русской аристократии пытались использовать период междуцарствия, наступившего после смерти молодого царя Петра II, чтобы превратить Россию в конституционную монархию. Однако новая императрица Анна с помощью лейб-гвардии и среднего дворянства, не поддержавших инициативу высокопоставленных представителей правящего сословия, подавила стремление русской знати к свободе. Таким образом, большинство дворян решили не участвовать в процессе принятия политических решений в стране. Этот отказ был компенсирован социальными привилегиями дворянства. Зависимость крестьян от помещиков после 1730 г. стала еще сильнее: «Крепостным правом русская монархия откупалась от политической реформы». Для сохранения социальных привилегий дворянство согласилось со своим политическим бесправием, - продолжает рассуждения Струве. «Русская монархия рушилась в 1917 г. оттого, что она слишком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства»²⁸. Это внушило самодержавию опасное чувство полной независимости от общества. Тем самым был приведен в действие опасный порочный круг. У дворян, державшихся в стороне от государственных дел, формировались антиправительственные настроения, в особенно разрушительной форме свойственные интеллигенции, которая первоначально была дворянской по происхождению. Эти настроения постепенно передавались крестьянам, подстрекая их к радикальным выступлениям против собственного государства. Порочный круг замкнулся. Взаимозависимые пороки русского самодержавия и русского общества вызвали «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (Пушкин), который уничтожил русское государство.

Как «*homo politicus par excellence*»²⁹ Струве не согласился с так называемым «приговором истории» - т.е. с победой большевиков и принял участие в борьбе белого движения против красной диктатуры. О внутренней эмиграции, которую выбрали для себя такие созерцательные натуры, как Николай Бердяев и Семен Франк, для Струве не могло быть и речи. Франк, в написанной им позже биографии Струве, писал, что он не разделял оптимизма Струве по поводу перспектив

²⁷ Струве П. В чем революция и контрреволюция. С. 257; см. также Бердяев. Духовные основы. С. 80, 88, 99, 216; Вандалковская. Россия. С. 295.

²⁸ Струве П. Исторический смысл русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967. С. 295.

²⁹ «Человек преимущественно политический» - лат.

победы белых. Так как белое движение в значительной части состояло из представителей прежних господствующих слоев общества, оно было неприемлемо для русских «низов» с их глубоко укоренившейся «вековой обидой на 'бар'». По этой причине белое движение, по мнению Франка, с самого начала было обречено на поражение³⁰. Струве решительно отвергал эту фаталистическую точку зрения. Таким образом, между двумя мыслителями и друзьями возникли разногласия, которые привели к временному отчуждению между ними. В ноябре 1919 г., когда белая армия генерала Деникина после сокрушительного поражения под Орлом начала отступление, Струве выступил в Ростове, одном из последних бастионов белого движения, с речью, в которой пытался дать историческую классификацию эпопеи русской революции и гражданской войны.

Струве отклонял сравнение русской революции с французской: «Французская революция не только провозглашала идеи, но... и осуществила свои идеи... Не то в русской революции. Все, что от нее останется, противоречит идеям, ею провозглашенным... Она провозгласила социализм, но в действительности она есть опытное опровержение социализма... Начав с провозглашения мира,... [она] с неслыханным упорством начала войну, всем ей жертвуя и ради самосохранения все подчиняя социалистическому милитаризму. Обещание немедленного мира превратилось в реальность непрерывной войны. Уничтожение армии привело к превращению всего государства в красную армию»³¹.

Так как русская революция, по мнению Струве, не похожа на французскую, он ищет другие исторические параллели и находит их во временах смуты начала XVII в., когда русское государство переживало разложение, аналогичное событиям 1917-1918 гг. В обоих случаях к распаду русской государственности вели как внешне-, так и внутривосточные факторы. К началу XVII в. Польша, а через триста лет – Германия, были заинтересованы в ослаблении российского государства. Обе державы были связаны с антигосударственными элементами в России и оказывали им широкую поддержку. Тот факт, что Россия в начале XVII в., вопреки предательству элит и разрушительной ярости анархистских масс, смогла удержать себя от разложения, страна была обязана своему национальному пробуждению: «Россию спасло... национальное движение средних классов, руководимое идеальными мотивами охраны веры и церкви и спасения государства»³².

Это национально-освободительное движение, центром которого был Нижний Новгород, Струве сравнивает с Добровольческой армией белых, которая была создана на еще не занятых большевиками казачьих землях Кубани и Дона. Добровольческая армия, по мнению Струве, представляет собой ядро национального возрождения России, аналогичное освободительному патриотическому движению 1612 г., которое покончило со смутой: «Единственное спасение для нас — в

³⁰ Франк С.Л. Биография П.Б.Струве. С. 126; см. также Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 748.

³¹ Струве П. Размышления о русской революции // Струве П.Б. Избранные сочинения. С. 286-287.

³² Там же. С. 278.

восстановлении государства через возрождение национального сознания... Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации»³³.

Однако пропагандируемая Струве программа национального возрождения в то время была неосуществима. Она уделяла слишком мало внимания духовному состоянию, в котором пребывало подавляющее большинство русского народа. У нее были такие же недостатки, что и призыв Струве 1908 г. к русскому великодержавию. Струве недооценивал масштаб национального нигилизма, охватившего русские «низы», не учитывал отсутствие готовности большей части национальных меньшинств идентифицировать себя с русской национальной идеей. О росте национального нигилизма народных масс России во время революции и гражданской войны можно судить по тому факту, что сотрудничество Ленина с немцами – противниками России в войне, которое было документально доказано Временным правительством, никоим образом не помешало победе большевиков. Другой признак антинационального поведения низших классов – их равнодушная реакция на унижительный для России мирный договор в Брест-Литовске, аналогичный Версальскому миру, позже навязанному западными державами-победительницами Германии.

Струве снова и снова подчеркивает, что русская революция с самого начала приняла антипатриотический, антинациональный и антигосударственный характер, что она «была сочетанием отвлеченных радикальных идей, на которых воспиталась интеллигенция, с анархическими, разрушительными и своекорыстными инстинктами народных масс. Она была пугачевщиной во имя социализма»³⁴. На кого же, учитывая сложившееся положение дел, были рассчитаны обращения Струве к русскому народу; на кого он хотел повлиять? Лишь на уже убежденных представителей национально ориентированной элиты, которая, как уже было сказано, после 1905 г. переживала национальный ренессанс. На широкие народные массы, то есть более чем на 80% населения, они тогда не оказывали никакого воздействия. Хотя русские крестьяне и рабочие во время Гражданской войны оказывали постоянное сопротивление большевистскому террору, делали они это не ради национальной идеи, а во имя советской или социалистической демократии (как они ее понимали), или же руководствуясь идеей анархизма - «зеленые» партизаны.

---

³³ Там же. С. 272.

³⁴ Там же. С. 286; см. также письма Петра Струве Елене Кусковой – П.Б. Струве о смысле русской революции – письма Е.Д. Кусковой. Публикация и комментарии Г.П. Струве // Мосты. Сборник статей к 50летию русской революции. Мюнхен, 1967. С. 207-208, 212-214.

г. Миссия русской эмиграции

После поражения белых армий Струве в эмиграции продолжил свою борьбу против большевистского режима, теперь политическими и публицистическими средствами. Он остро критиковал представителей тех групп эмиграции, которые были готовы смириться с победой большевиков как с свершившимся фактом. Такую фаталистическую позицию он пренебрежительно называл «фактопоклонством».³⁵ Можно войти в соблазн принять «революцию... за кару Божию, - сказал Струве в одной из речей 1922 г. - Так относились к гонениям первохристиане. Но такое приятие революции не может быть даже обсуждаемо с точки зрения политической или вообще земной»³⁶. Струве с возмущением отметал аргумент: нужно примириться с революцией, так как русский народ в основном принял ее. Это уважение воли народа он считал совершенно неприемлемым «поклонением фактам». Никким образом нельзя путать метафизический дух нации, который кристаллизовался в течение многовекового развития, с сиюминутным эмпирическим состоянием нации или большинства населения. «В отношении революции и ее приятия должен быть с полной отчетливостью поставлен вопрос: в чем выразился лучше и полнее дух русского народа, в согласии ли его на похабный Брест-Литовский мир и последующее разложение и расчленение Державы Российской под диктовку своих русских и инородческих коммунистов-интернационалистов или в том, что тот же русский народ своим стихийным напором под водительством исторической власти, в течение веков строил великое государство и на основе государственной мощи созидал великую культуру»³⁷. Большевистская революция является для Струве своего рода отцеубийством, полным разрывом с великим прошлым России, которое лишь одно может быть источником вдохновения и возрождения России.

Это изгнание большевизма из русской истории России, однако, малоубедительно. Струве сам много раз осуждал глубоко укорененное в русском менталитете искушение революцией, многовековые традиции пугачевщины – жестокого русского крестьянского бунта³⁸. В большевизме символически соединились все эти темные стороны политической культуры России, что придало ему дополнительную разрушительную силу. Поэтому попытки поставить под сомнение глубоко русский характер русской революции не имеют никаких оснований³⁹.

---

³⁵ См. Струве. Дневник политика, с. 638-639; П.Б. Струве о смысле русской революции; см. также Кантор, Петр Струве. С. 36-37; Гапоненков А. Концепция и дело культуры в жизни и творческом наследии П.Б. Струве // П.Б. Струве. С. 226; Полторацкий. Струве. С.55.

³⁶ Струве П. Прошлое, настоящее, будущее // Струве П.Б. Избранные сочинения. С. 320.

³⁷ Там же. С. 322.

³⁸ Струве П. Интеллигенция и революция; его же. Идея и политика в современной России // Струве П.Б. Избранные сочинения. С. 45-62; его же. Исторический смысл русской революции.

³⁹ Струве признает «известную народность большевизма», но ограничивается такими второстепенными аспектами, как широко распространенная в России привычка к матерщине: «Большевизм так же непререкаемо народен, как народно похабное сквернословие» (Струве П.Б. Из-

Позже многие аналитики имели аналогичные проблемы с классификацией национал-социализма в немецкой истории. И здесь была тенденция рассматривать 12 лет господства нацистского террора как своего рода «случайность» или «несчастный случай». Такой взгляд так же не историчен, как и попытка отрицать русский характер большевизма. Оба этих режима были связаны с определенными, пусть даже и искаженными, традициями развития политической культуры своих стран. Они не возникли на пустом месте. Однако вернемся к аргументации Струве. Спорен не только его тезис о нерусском характере большевизма, но и его общий вывод о событиях 1917 г. Струве, по существу, не делает качественных различий между демократической фазой революции (февраль-октябрь 1917 г.) и начавшейся после большевистского государственного переворота тоталитарной фазой: «духовно, морально-культурно и политически, революция 1917 и последующих годов есть объективно и существенно единый процесс»⁴⁰; он отмечает «реальный большевистский дух всей революции»⁴¹ как народного движения.

Это смешение демократических и тоталитарных аспектов русской революции едва ли оправдано. Февральская революция представляла собой кульминацию начавшейся в декабре 1825 г. борьбы русского общества против государственного патернализма (восстание декабристов). Она завершила начавшийся в 1905 г. процесс превращения России в плюралистическое государственное сообщество, основанное на разделении властей и признании основных прав. Она устранила все сословные привилегии, гарантировала полную религиозную свободу и свободу слова, устранила неравноправие полов и ввела, раньше, чем многие страны Запада, избирательное право для женщин. То, что этот праздник свободы окончился в октябре 1917 г. печально, было связано со многими ошибками и неиспользованными возможностями молодой русской демократии, с беспрецедентным предательством ее врагов-большевиков, с недалекновидностью германского военного руководства, которое, чтобы прекратить войну на два фронта, поддерживало большевиков - своих «классовых врагов». Но такой конец «первой» русской демократии не был никоим образом предопределен – существовали и иные возможности разрешения тогдашнего кризиса. Но это, однако, совсем другая история.

В этой связи намного важнее тот факт, что большевистская фаза русской революции, в отличие от утверждений Струве, основывалась на качественно противоположных принципах, чем Февральская революция. Самый свободный за всю русскую историю общественный строй, существовавший очень недолго, сменился самым несвободным.

бранные сочинения. С. 325). Однако у Струве однозначно преобладает тенденция рассматривать большевизм как силу, чуждую русскому народному организму.

⁴⁰ Струве П. Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России // Струве П.Б. Избранные сочинения. С. 320; см. также Струве. Дневник политика. С. 242-247.

⁴¹ Струве. Прошлое, настоящее, будущее. С. 323.

Преувеличенная критика Февральской революции со стороны Струве, разумеется, вызвана полученной им и все еще не излеченной травмой, вызванной неудачей Февраля. Семен Франк в своей биографии Струве сообщает, какие большие надежды первоначально связывал Струве с этой революцией: «Теперь Россия пойдет вперед семимильными шагами», - говорил он тогда⁴². Струве активно участвовал в работе Временного правительства и был одним из ближайших сотрудников министра иностранных дел П.Н. Милюкова. Когда Милюков в конце апреля 1917 г. после своей ноты в поддержку войны («война до победного конца») вынужден был подать в отставку, Струве также ушел со своего поста и с тех пор с беспокойством наблюдал растущий распад демократических структур в стране. Можно предположить, что вынесенный Струве несправедливый и чрезмерный приговор характеру Февральской революции был следствием преувеличенных надежд, которые он в свое время питал в связи с Февралем.

В первые годы эмиграции (после 1920 г.) Струве все еще был убежден в том, что большевистский режим можно устранить с помощью эффективной военной акции.⁴³ Он прославлял боевой дух белой армии⁴⁴ и гневно реагировал на показания свидетелей, которые осуждали злоупотребления, чинимые в районах, контролируемых белыми⁴⁵. Для разработки более эффективной стратегии антибольшевистской борьбы, Струве пытался политически и идеологически объединить разнородные группы эмиграции. Этой цели служил организованный им в 1926 г. конгресс эмиграции. При этом Струве снова попал под перекрестный огонь. Для представителей левого крыла эмиграции он был слишком консервативен; для правых монархистов, напротив, чересчур либерален. Так что конгресс эмиграции 1926 г. никоим образом не оправдал надежд Струве. Провалу боевой стратегии монархистов и белых группировок, которые в основном солидаризировались со Струве, способствовало также проникновение в эти группировки советских органов госбезопасности, действовавших под прикрытием подпольной организации «Трест» - детища советских спецслужб.

И как публицист Струве в изгнании не смог достичь того успеха, который он имел в дореволюционной России. В 1925 г. он при финансовой поддержке русского предпринимателя Гукасова основал газету «Возрождение». С помощью этой консервативно ориентированной газеты Струве пытался конкурировать с влиятельной эмигрантской газетой Милюкова «Последние новости», представлявшей леволлиберальное направление. Но и эта попытка провалилась. В 1927 г. Гукасов беспричинно отказал в доверии Струве и передал газету другому главному редактору.

---

⁴² Франк С.Л. Биография П.Б.Струве. С. 111-112.

⁴³ Струве. Дневник политика. С. 51, 63-64, 71; 181-184; 314-315; 363, 369.

⁴⁴ Франк. Биография П.Б. Струве, С. 128-132, 138; Вандалковская. Россия. С. 52; Кара- Мурза А. П.Б. Струве и развитие им концепции личной годности// П.Б. Струве. С. 158-162.

⁴⁵ Франк. Биография П.Б. Струве. С. 143-144.

Сосредоточенность Струве преимущественно на политической борьбе против большевизма подвергалась острой критике со стороны его прежних единомышленников, таких, как Семен Франк и Николай Бердяев: они хотели, прежде всего, сконцентрироваться на духовном обновлении России. Только таким путем, а не развертыванием армий интервентов, можно было одолеть большевизм, считали они. Такое политическое воздержание своих бывших единомышленников Струве считал своего рода «дезертирством»⁴⁶, «фактоприятием», которое «заключает в себе яд духовной лжи и нравственного извращения»⁴⁷. Струве склонялся к отождествлению точки зрения Франка и Бердяева с позицией возникшего в 1920-1921 гг. движения «Смена вех». При этом он упускал из виду, что «сменовеховцы» духовно капитулировали перед большевизмом в благодарность за восстановление советской властью территориальной целостности русского государства, для Франка и Бердяева же духовный компромисс с большевиками был немислим (после 1945 года Бердяев, однако, изменил эту свою непримиримую позицию по отношению к советской власти – см. статью о Николае Бердяеве в этой книге).

После провала своих больших политических и публицистических проектов Струве покинул Париж и переселился в Белград, где он с 1928 г. преподавал в университете.⁴⁸ В Белграде Струве был в значительной мере отрезан от важнейших центров русской эмиграции, находившихся в Париже, Праге и Берлине и страдал от фанатизма русской диаспоры в Югославии, которая в основном состояла из представителей правых кругов. Струве здесь постоянно подвергался диффамации в связи с его социалистическим прошлым. Несмотря на неблагоприятную для него ситуацию, Струве продолжал внимательно наблюдать за развитием политической жизни в России и на Западе, которая существенно изменилась к началу 1930-х годов вследствие побед сталинизма и национал-социализма. Сталинский пятилетний план, имевший целью за короткое время превратить Россию из аграрной страны в мощную индустриальную державу, был тогда восторженно встречен некоторыми национально ориентированными кругами русской эмиграции. Один из идеологов возникшего в 1921 г. в эмиграции движения евразийцев В. Пейль писал в 1933 г. о новой эпохе центрального планового хозяйства, которая уже начинается и идет на смену экономическому хаосу⁴⁹. Для его единомышленника Петра Савицкого пятилетний план означал конец подражания Западу. В России разработана великолепная модель, которая, в свою очередь, находит все больше сторонников на Западе⁵⁰. Если учесть, что пятилетний план был непосредственно связан с коллективизацией сельского хозяйства,

---

⁴⁶ Там же. С. 135.

⁴⁷ Струве П. Познание революции и возрождение духа // Струве П.Б. Избранные сочинения. С. 355-356; его же. Дневник политика. С. 638-639.

⁴⁸ Струве Н. Мой дед П.Б. Струве // П.Б. Струве. С. 15-16.

⁴⁹ Пейль В.А. За идеократию и план // Новая эпоха, Нарва, 1933. С. 3-4.

⁵⁰ Савицкий П. Очередные вопросы экономики Евразии // Новая эпоха. С. 11-12.

унесшей миллионы жизней советских крестьян и превратившей их в крепостных государства, эти полные эйфории высказывания кажутся особенно странными.

В отличие от них, Струве не питал иллюзий относительно характера сталинской модернизации. В январе 1931 г. Струве писал, что она разрушила все экономические достижения России со времен петровских реформ и реставрировала деспотическую, зависимую от государства экономическую систему Московской Руси. Как и в допетровские времена, Россия отрезана от внешнего мира и застыла в своем развитии. Экономически плановое хозяйство, основанное на беспримерной эксплуатации населения, в итоге потерпит крах, - предрекал Струве⁵¹. В другой статье, изданной в декабре 1929 г., Струве предсказывал новую волну террора в СССР, новую фазу кровавого безумия по образцу опричнины Ивана Грозного⁵². Как известно, это предсказание в скорости сбылось.

д. Реакция Петра Струве на приход нацистов к власти

Первая реакция Струве на возникновение нацистского режима была менее пронищательной, чем его реакция на сталинскую «революцию сверху». Так как борьба против коммунизма была для Струве абсолютным приоритетом, он сначала впал в искушение оценивать антикоммунистический нацистский режим не во всем отрицательно⁵³. Струве критиковал, правда, гитлеровский антисемитизм,⁵⁴ но в то же время он предостерегал от оценки нацизма лишь с точки зрения его антиеврейской направленности. Это, по мнению Струве, также неверно, как отклонять марксизм из-за того, что он разжигает антиславянские предрассудки. Эту параллель американский историк Ричард Пайпс в написанной им биографии Струве комментирует следующим образом: «Этот аргумент игнорирует тот факт, что расизм нацистов был не личным пристрастием их лидера, а стержнем их идеологии и что, кроме того, в отличие от Маркса, Гитлер имел в своем распоряжении неограниченные средства для выполнения своей антисемитской программы»⁵⁵.

Когда до Струве дошли сведения о политических убийствах и открытии концлагеря Дахау, он заговорил, правда, о разразившемся в Германии «массовом бе-

---

⁵¹ Струве П.Б. О судьбах России // Новый журнал, №151, 1983. С.163.; Pipes R. Petr Struve. Liberal on the Right 1905-1944. Cambridge Mass., 1980. P. 405-408.

⁵² Pipes. Struve. P. 409.

⁵³ См. Струве, Дневник политика. С. 737, 743, 747-748, 759-760, 798. Позитивно, по аналогичным причинам, Струве оценивал в 1920-е годы итальянский фашизм. В этом он не был одинок. Многие политики и аналитики, даже из лагеря либералов, считали тогда Муссолини крупным государственным деятелем, который положил конец политическому хаосу в Италии. – Pipes. Struve. P. 413.

⁵⁴ Струве. Дневник политика. С. 759-760, 798.

⁵⁵ Pipes. Struve. P. 417.

зумии» (июнь 1933 г.).⁵⁶ Однако в середине 1934 г. Струве считал заслугой Гитлера спасение Германии от гражданской войны.⁵⁷ Пайпс, учитывая двойственное отношение Струве к нацизму, безусловно, прав, когда ставит под сомнение тезис Франка о том, что Струве уже в начале 1930-х годов в полной мере оценил нацистскую угрозу. Франк в своей биографии Струве отмечает, что: «[Струве] уже тогда [...] остро сознавал опасность [национал-социализма], именно как разрушительного революционного движения ... Восстал новый враг, быть может, еще более грозный и опасный чем большевизм (хотя в своем существовании ему родственный)»⁵⁸. К этому представленному Франком пониманию Струве окончательно пришел, однако, как подчеркивает Пайпс, лишь во время Мюнхенского сговора в сентябре 1938 г., когда Струве осознал масштабы готовности Запада к капитуляции перед Гитлером. Теперь Струве побуждал политиков к решительным действиям против правозэкстремистской диктатуры и в марте 1939 г. написал предостерегающее послание, адресованное одному из важнейших представителей внешней политики Великобритании Самуэлю Хору, которого знал с прежних времен. Ричард Пайпс так суммировал аргументы Струве: «1. Современная демократия столкнулась с сочетанием индивидуального безумия (психопатической личностью Гитлера) и „массового психоза“ „великой культурной нации“, которая попала под его влияние... 3. Никакие дальнейшие уступки не возможны: Мюнхен помог усилить внутреннюю власть диктаторов, и, как следствие, уменьшил вероятность вбить клин между диктаторами и их народами... 5. Западные демократии должны создать единый фронт против антидемократических „социалистических“ государств: они не должны вступать в союз со Сталиным против Гитлера, потому, что Сталин просто ждет своего часа, чтобы претендовать на место Гитлера». Хор на это письмо, в котором Струве прозорливо предсказал сближение Гитлера со Сталиным, не отреагировал⁵⁹.

Так как Струве уже с 1938 г. считал новую европейскую войну неизбежной, ее начало не стало для него неожиданностью. Вскоре после гитлеровского нападения на Польшу Струве писал Франку: «Если я оказался прав в моем предвидении событий, то потому, что я с самого начала понял, что со стороны немцев это не есть политика, а чистое безумие, индивидуальное и коллективное [...] Исцеление от безумия – дело нелегкое: оно будет стоить многих человеческих жизней и разбитых существований»⁶⁰.

Критическое отношение Струве к нацистскому режиму, а также марксистское прошлое Струве привели к его аресту гестапо, после того как нацисты в апреле 1941 г. заняли Белград. И после своего освобождения из заключения Струве ос-

⁵⁶ Струве. Дневник политика. С. 772.

⁵⁷ Pipes. Struve. P. 418.

⁵⁸ Франк С.Л. Биография П.Б.Струве. С. 162, 218.

⁵⁹ Pipes R. Petr Struve. P. 432-433.

⁶⁰ Франк. Биография П.Б.Струве. С. 171; см. также: П.Б.Струве о судьбах России. С. 167; П.Б.Струве о русской революции. С. 213-214; Струве Н. Мой дед П.Б. Струве. С. 16-17.

тался ярким противником нацистского режима, называя его воплощением ада. Струве порвал все отношения с теми представителями русской эмиграции, которые были готовы идти на сотрудничество с нацистами. Когда Германия напала на СССР, Струве, урожденный немец и в то же время русский патриот, не сомневался в том, на чьей стороне он должен быть в этом мировом противоборстве: Струве, - писал Франк, «с момента нападения [Гитлера] на Россию без колебания, без малейшего духовного и умственного смущения, сознал себя духовным участником великой отечественной войны, которую Россия, хотя и возглавляемая тем же гибельным, ненавистным ему большевизмом, вынуждена [была] вести против своего грозного врага»⁶¹. В то же время Струве, не доживший до конца войны, предсказывал «необходимость новой борьбы с большевизмом, после разгрома Германии»⁶².

Струве умер 26 февраля 1944 г. в Париже, вдали от Родины. Однако духовно он никогда не покидал ее: почти все его мысли были о России.⁶³ Его жизнь стала воплощением слов поэтессы Зинаиды Гиппиус о сущности русской эмиграции: «Мы не в изгнании, мы в послании».

Струве в 1922 г. сказал о миссии русской эмиграции такие слова: «Одна из особенностей происшедшей в России политической и социальной революции заключается в том, что она духовную жизнь в самой стране свела почти до минимума... жизнь эта сейчас в значительной мере переместилась за границу»⁶⁴. В истории европейских стран ни один „исход“ не играл столь важной роли, как в России после 1917 г.: «Значение русской „эмиграции“ сейчас почти исключительно духовное и, как таковое, оно скажется в России в будущем, когда политическая борьба в современных ее формах отодвинется на задний план»⁶⁵.

В этом своем предсказании Струве не ошибся.

Расширенная версия статьи опубликованной первоначально в сборнике «Петр Бернгардович Струве». М. РОССПЭН, 2012, С.253-276.

Авторизованный перевод с немецкого Б.Л. Хавкина

---

⁶¹ Франк. Биография П.Б.Струве. С.218; см. также Гапоненков, Концепция. С.230. Точки зрения Струве придерживались во время войны и другие ведущие представители «белого движения», в том числе и генерал Деникин.

⁶² Франк. Биография П.Б. Струве. С. 218.

⁶³ См. Булгаков С. Слово при погребении П.Б. Струве// его же. Слова. Поучения. Беседы. Париж, 1987. С. 525; Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Лондон, 1991. С. 155.

⁶⁴ Струве П. Россия // Струве П.Б. Избранные сочинения. С.334; см. на эту тему также Степун, Сочинения. С. 434-442, 508, 943; Федотов Г. Зачем мы здесь// его же. Тяжба о России (статьи 1933-1936 гг.). Париж, 1982. С.199-218; Современные записки (1920-1940). Из архива редакции. М., 2012. Т. 1. С. 679.

⁶⁵ Струве. Россия. С. 334-335.

Сергей Булгаков о религиозном смысле революционных и тоталитарных идеологий.

а. «Идолопоклонство» русской интеллигенции

Если Петр Струве принадлежал к политически наиболее активным авторам группы «Вехи», то Сергей Булгаков был его антиподом. После разрыва с марксизмом, который Булгаков, так же как и другие авторы «Вех» поначалу исповедовал, центральное место в его анализе кризиса современности занимали вопросы религии. Новое открытие для себя религии Булгаков рассматривал как возвращение к своим семейным корням: он был родом из семьи священника и должен был сам со временем им стать. Свой отход от веры, который произошел в молодости и продолжался около пятнадцати лет, до его тридцатилетия, Булгаков в дальнейшем рассматривал как позорную капитуляцию перед духом времени, как своего рода одержимость бесами. Свое вступление в воинственно-атеистической «орден» интеллигенции Булгаков сравнивает с духовным развитием других сыновей священников, таких, как Н. Добролюбов и Н. Чернышевский, которые в 1860-х годы были наиболее влиятельными деятелями русского революционного движения. Так же как и они, Булгаков, потерял веру в Бога и поклонялся идолу «интеллигентщины». Позже он утверждал, что как часть «ордена» интеллигенции, он взвалил на себя безмерную вину перед Россией за катастрофу 1917 г.¹

Это шокирующее признание своей вины Булгаков сделал в начале 1940-х годов, примерно через четыре десятилетия после разрыва с «орденом».

Все эти десятилетия кредо интеллигенции постоянно находилось в центре внимания Булгакова, который, так же как Струве, Бердяев и Франк, долго пребывал под ложным обаянием ее взглядов.

С особой проникновенностью Булгаков критикует кредо интеллигенции в своей статье 1909 г. в сборнике «Вехи» под названием «Героизм и подвижничество».

Булгаков писал, что русская революция 1905 г., с ее огромной разрушительной силой, была делом рук интеллигенции. «Русская революция была интеллигентской... Душа интеллигенции... есть вместе с тем ключ и к грядущим судьбам русской государственности и общественности»².

Однако в каком духовном состоянии пребывала интеллигенция как часть общества, столь важная для будущего России? Этот вопрос находится в центре

---

¹ Прот. Сергей Булгаков. Автобиографические заметки (посмертное издание). Пред. и примечания Л.А.Зандера, Париж, 1946. С.27-28. Николай Бердяев пишет в связи с этим: «Булгакова можно назвать кающимся интеллигентом, подобно тому, как когда-то были у нас кающиеся дворяне» (Бердяев Н. Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989. С.584.).

² Булгаков С. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Москва, 1909. С.24-25.

внимания Булгакова. Особое его внимание привлекает своеобразная религиозность ордена интеллигенции. Он отмечает, что, вопреки своему безбожному характеру, кредо интеллигенции имеет однозначно религиозные черты. Обывательское самодовольство, мещанская погоня за материальными благами были интеллигенции чужды. Интеллигенция стремилась к освобождению человечества от страданий и не могла смириться с отсутствием мировой гармонии. Интеллигенция была аскетична, строга и готова к мученической смерти; она испытывала бесконечное чувство вины перед угнетенными народными массами и была готова самоотверженно бороться за освобождение народа. Все эти особенности, свойственные христианским мученикам и религиозным фанатикам, интеллигенция сочетала с воинствующим атеизмом. Булгаков удивляется тому, что по этому вопросу внутри ордена, в иных случаях сотрясаемого бесчисленными политическими и идеологическими конфликтами, царило полное единогласие: «Известно, что нет интеллигенции более атеистической, чем русская... Традиционный атеизм русской интеллигенции сделался само собою разумеющею ее особенностью, о которой даже не говорят, как бы признаком хорошего тона... Веру эту разделяют и ученые и неученые, и старые, и молодые»³.

Интеллигенция считала себя единственным носителем света просвещения в варварской стране, - продолжал свою критику Булгаков. Преследования, которым интеллигенция подвергалась со стороны властей, вели лишь к росту ее самосознания, возвеличиванию ею своих героев, появлению фантастических представлений о спасении ею народа. При этом каждая группа внутри ордена имела свой собственный рецепт спасения человечества. Каждая партия была чрезвычайно нетерпима к внутреннему инакомыслию или взглядам конкурирующих групп, была уверена в собственной непогрешимости и совершенно недоступна для критики. Так как содержанием революционных движений было в первую очередь отрицание существующего статус-кво, их истинный пафос был полон ненависти и жажды разрушения.

Приверженность все упрощающим рецептам спасения, революционной утопии и прямолинейности, являлись для Булгакова, как и для Петра Струве, признаком духовной незрелости. В ордене интеллигенции задавала тон незрелая молодежь; другие части общества подпевали ей и пытались приспособиться к ее лексике. Горе стране, которая подчиняется незрелой молодежи и допускает «пэдократию» - господство детей. «Если в христианстве старчество является естественным воплощением духовного опыта и руководства, то относительно интеллигенции такую роль... заняла учащаяся молодежь. *Духовная пэдократия* - есть величайшее зло нашего общества, а вместе с тем и симптоматическое проявление интеллигентского героизма... Это уродливое соотношение, при котором оценки и мнения „учащейся молодежи“ оказываются руководящими для старей-

---

³ Там же. С.30-31.

ших, перевертывает вверх ногами естественный порядок вещей и в одинаковой степени пагубно и для тех и для других», - подчеркивает Булгаков⁴.

И другие современные Булгакову мыслители сообщали о потворстве тогдашних политиков, прежде всего из лагеря либералов, революционной молодежи, о боязни этих политиков потерять авторитет в глазах членов ордена интеллигенции. Доказательством тому является высказывание руководителя партии конституционных демократов Павла Милюкова, что среди левых у него нет врагов⁵.

Однако вернемся к критическому разбору Булгаковым кредо интеллигенции. Интеллигентский культ героев и мучеников он сравнивает с христианским мученичеством и религиозным рвением. Якобы спасители человечества из рядов интеллигенции верят только в самих себя как носителей Провидения; христианские же подвижники верят в Провидение Божие. Подвижник смиренно склоняется пред волей Божией, тем самым освобождая себя от героической позы. «Герой в христианстве – подвижник... Герой, ставящий себя в роль Провидения, благодаря этой духовной узурпации приписывает себе и большую ответственность нежели может понести, и большие задачи, нежели человеку доступны. Христианский подвижник верит в Бога-Промыслителя... Благодаря этому он сразу освобождается от героической позы и притязаний»⁶. Булгаков считает смирение знаком духовной зрелости. «Смирение есть... первая христианская добродетель, но даже и вне христианства оно есть качество весьма ценное, свидетельствующее во всяком случае о высоком уровне духовного развития... И наоборот, самоуверенное самодовольство... есть верный и непреходящий симптом научной незрелости или просто молодости». Смирение отличает, например, величайших ученых, смиренно пораженных масштабами ими непознанного, или гениальных художников, которые всегда не удовлетворены своей работой. Однако, «нет слова более непопулярного в интеллигентской среде, чем *смирение*». Интеллигенция самоуверенна, самодовольна и хочет изменить мир лишь своими собственными, весьма скромными силами. «Интеллигенция уверовала вместе с Руссо ..., что естественный человек добр по природе своей и что учение о первородном грехе ... есть суеверный миф... Поэтому вообще никакой особой заботы о „самоусовершенствовании“ быть не может..., а вся энергия должна быть целиком расходуемая на борьбу за улучшение среды. Объявляя личность всецело ее продуктом, этой же самой личности предлагают и улучшать эту среду, подобно барону Мюнххаузену, вытаскивающему себя из болота за волосы»⁷.

Булгаков указывает на то, что интеллигенции в своем отношении к простому народу находится между двумя крайностями: между благоговением перед народными массами и позой элиты, призванной освободить его от невежества. При этом интеллигенция упускает из виду, что между нею и народом существует глу-

---

⁴ Там же. С.43-44.

⁵ Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения, М., 1990. С.119.

⁶ Булгаков С. Героизм и подвижничество. С. 48-49.

⁷ Там же. С.51.

бокая пропасть: они абсолютно по-разному относятся к религии. «Народное мировоззрение и духовный уклад определяется христианской верой... Идеал (народа) – Христос и Его учение, а норма – христианское подвижничество... Поэтому и соприкосновение интеллигенции и народа есть прежде всего столкновение двух вер, двух религий, а влияние интеллигенции выражается прежде всего тем, что она, разрушая народную религию, сдвигает ее с незыблемых доселе вековых оснований»⁸.

Булгаков справедливо предупреждает о разрушительных последствиях этого столкновения; безусловным подтверждением его правоты стала русская катастрофа 1917 года. Соответствующие пассажи его статьи из «Вех» звучат почти пророчески: «Разрушение в народе вековых религиозно-нравственных устоев освобождает в нем темные стихии, которых так много в русской истории... В исторической душе русского народа всегда боролись заветы обители преп. Сергия и Запорожской сечи или вольницы, наполнявшей полки самозванцев, Разина и Пугачева... Эти грозные,... стихийные силы... с трудом преодолевались русской государственностью,... но они не были ею вполне побеждены. Интеллигентское просветительство... пробуждает эти дремавшие инстинкты и возвращает Россию к хаотическому состоянию»⁹.

Этот точный диагноз имеет, однако, и менее убедительный аспект. Булгаков, как и до него Достоевский, был склонен преувеличивать религиозность русского народа. При этом он не учитывал, что вера русских крестьян в Бога была непосредственно связана с их верой в православного царя как заместителя Бога на земле. Крестьяне, одетые в солдатские шинели, сражались «за веру, царя и отечество» – эти понятия перечислялись, и даже воспевались и в народных песнях, именно в такой последовательности. В начале XX в. произошла эрозия веры в царя. Надежды крестьянства на достижение социальной справедливости теперь связывались не с царем, а с революцией. Эту смену парадигм можно было наблюдать в ходе событий 1905 г. Поведение крестьян на выборах Первой и Второй Государственной Думы 1906-1907 гг., когда крестьяне выбирали не монархистов, а близкие им революционные партии, лишь подтверждает этот факт¹⁰. Эрозия веры в царя почти принудительно вела к потрясению религиозных представлений крестьянства.

Булгаков, несомненно, прав, когда связывает эрозию изначальных религиозных представлений народных масс с воздействием интеллигенции. В работе 1908 г. «Религия человекобожия у русской интеллигенции» он отмечает, что неустанная просветительская работа интеллигенции увенчалась успехом. Народ принял мировоззрение интеллигенции, получил от нее «сознательность» и приобрел ги-

---

⁸ Там же. С.62-63.

⁹ Там же. С.64-65.

¹⁰ См. Милуков П. Воспоминания (1859-1917). New York, 1955. С. 350-424; Маклаков В. Из воспоминаний. New York, 1954. С.359-362; Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. London, 1990. С.233-364; Булгаков. Автобиографические заметки. С.80-81.

бельную для него веру в неверие. Этот пропагандистский успех интеллигенции Булгаков объясняет тем, что народ, мировоззрение которого остановилось в X веке в эпоху Владимира Святого, не мог создать действенного механизма защиты от ордена интеллигенции; народ был духовно незащищен. Если интеллигенция своей просветительской работой полностью разрушит исконные моральные ценности народа, это приведет к непредсказуемым последствиям для России. Поэтому Булгаков выступает за иные формы просветительства, которые не влияли бы на изначальное мировоззрение русских народных масс¹¹.

Но эту задачу едва ли можно было решить. Несмотря на их духовную укорененность в допетровском мире, народные массы, так или иначе, находились в постоянном соприкосновении с современностью. Попытки таких консервативных русских политиков, как обер-прокурор Святейшего Синода Константин Победоносцев, «подморозить» Россию и оградить простой народ от «разлагающего» влияния современного мира¹², были изначально обречены на провал. Чтобы выдержать международную конкуренцию и оставаться великой державой, Россия должна была встать на путь модернизации; это требовало и модернизации мировоззрения всех ее граждан, включая крестьян. Это было ясно, например, Сергею Витте - самому значительному реформатору царской империи на рубеже XIX-XX вв. В 1898 г. Витте указал царю Николаю II на необходимость поднятия образовательного уровня «низов». Простой народ утратит свою изначальную наивность, однако это неизбежно. Народ должен учиться ходить самостоятельно, даже рискуя время от времени падать. Только просвещенное население будет стремиться увеличить свои богатства и, тем самым, способствовать процветанию государства¹³.

То, что неизбежный процесс просвещения в итоге приведет к разрушительным для России последствиям, как того опасался Булгаков, было заранее не предопределено. Сумей политический класс России, причем не только интеллигенция, но и представители правящего сословия, избежать ряда грубейших ошибок, это не исключено, что русскую катастрофу удалось бы предотвратить.

б. Социализм как антирелигиозная вера

Булгаков, как бывший марксист, подвергал острой критике не только кредо русской интеллигенции, но и мировоззрение своего прежнего кумира Карла Маркса. Не только среди интеллигенции, но и среди социалистов, Булгаков решительным

---

¹¹ Булгаков С. Религия человекобожия в русской революции//его же. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. М., 1911. Т. 1-2. Т 2. С.128-168.

¹² См. также: Burnes R. F. Pobedonoscev. His Life and Thought. Bloomington, 1968; Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1983. С.410-424; Rogger H. Russia in the Age of Modernisation and Revolution 1881-1917. London-New York, 1983. P.8.

¹³ Витте С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т.2. С.467-472.

образом отвергал прежде всего безбожие, попытку спасти человечество без всякой опоры на трансцендентность.

В 1906 г. Булгаков посвятил основоположнику марксизма длинный трактат под названием «Карл Маркс как религиозный тип». «Какому богу служил он своей жизнью? Какая любовь и какая ненависть зажигали душу этого человека?», - задается вопросами Булгаков¹⁴. Булгаков признает, что эти вопросы были важны для него и по личным причинам, так как он много лет находился под гипнотическим влиянием этого мыслителя.

Сначала Булгаков рассматривает характер личности своего прежнего кумира, который, по совпадающим между собой сообщениям многочисленных свидетелей, имел много слабостей. Гнев и ненависть, месть и мелкая зависть определяли поведение Маркса гораздо сильнее, чем любовь к ближнему. Булгаков цитирует в этой связи русского публициста Анненкова, который называл Маркса «демократическим диктатором»¹⁵.

Люди служили для Маркса всего лишь инструментами, пишет Булгаков. Самоценность каждого человека не играла для него никакой роли; он мыслил абстрактными категориями, такими, как социальные группы или классы. Булгаков подчеркивает, что Маркса не интересовали судьбы отдельных людей. Внутренние сомнения, поиск высшего смысла человеческого существования, были ему совершенно чужды – отсюда его безбожие. В этой связи Булгакова особенно раздражало, что «Хотя Маркс был нечувствителен к религиозной проблеме, но это вовсе еще не делает его равнодушным к факту религиозности и существованию религии. Напротив, внутренняя чуждость... вызывает не индифферентизм, но прямую враждебность к этому чуждому и непонятному миру... Маркс относится к религии... с ожесточенной враждебностью, как боевой и воинствующий атеист, стремящийся освободить... людей от религиозного безумия, от духовного рабства. В воинствующем атеизме Маркса мы видим центральный нерв всей его деятельности»¹⁶.

Марксистская доктрина особенно четко подтвердила данное под влиянием Достоевского определение социализма как попытки людей «устроиться без Бога» и создать справедливый миропорядок, т.е. «рай на земле», - продолжает свою критику Булгаков. Маркс опирался на фейербаховскую критику религии, на его попытку заменить веру в Бога человекобожием. Отказ Фейербаха от трансцендентности Бога Маркс в дальнейшем еще более радикализировал. Критикуя небесное, Маркс хотел достичь всеобщего изменения миропорядка, превратить оружие критики в критику с оружием в руках. Его целью была всеобщая насильственная революция. Упразднение религии являлось одной из главных задач этой

---

¹⁴ Булгаков С. Карл Маркс как религиозный тип. Париж, 1929. С.4; см. также рецензию Николая Бердяева на этот очерк // С. Н. Булгаков: Pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1. Санкт-Петербург, 2003. С.636-639.

¹⁵ Булгаков. Карл Маркс. С.7.

¹⁶ Там же. С.12-13.

революции, так как, по Марксу, освобождение человечества невозможно без его освобождения от религии.

То, что написано Марксом по еврейскому вопросу, производило на Булгакова особенно отталкивающее впечатление. Маркс презирал не только христианство, но и иудаизм; освобождение от «еврейского духа» он считал условием освобождения человечества. «Ради чего же сын поднял руку на мать, холодно отвернулся от вековых ее страданий, духовно отрекся от своего народа?», - вопрошает Булгаков¹⁷.

Страстная критика Булгаковым личности и учения своего бывшего духовного кумира во многих отношениях не вызывает возражений; но при этом она содержит некоторые недостаточно убедительные тезисы. Так, Булгаков, описывая слабости характера Маркса, оставляет без внимания тот факт, что и другие значительные, даже гениальные мыслители и художники, такие, как Артур Шопенгауэр, Лев Толстой, или же Федор Достоевский, вызывавший восхищение Булгакова, имели малопривлекательные и не всегда дружелюбные черты характера. Что же касается критики Булгаковым марксизма как системы, то она несколько односторонняя. А именно: Булгаков недооценивает амбивалентность, свойственную марксизму. Марксистская доктрина действительно содержит резко критикуемые Булгаковым диктаторские, утверждающие террор и насилие черты, которые позже в полной мере проявили себя в большевизме. С другой стороны, марксизм как двуликий Янус имел и эмансипаторские качества, что существенно способствовало росту самосознания обездоленных промышленных рабочих, а также решению рабочего вопроса, который в середине XIX в. казался неразрешимым. Эмансипаторскую традицию марксизма после раскола рабочего движения в XX в. продолжила социал-демократия.

После разрыва с марксизмом, Булгаков, наряду с анализом религиозных представлений Карла Маркса, занимался изучением марксистского движения в целом. И в этих работах в центре внимания автора зачастую находятся религиозные аспекты или же проблемы взаимоотношений социализма и христианства. В своей опубликованной в 1909 г. статье о Социализме и первохристианстве¹⁸ Булгаков подчеркивает, что социализм – это первое массовое движение христианских народов, имеющее, с одной стороны, религиозные черты, с другой – являющееся сознательно антихристианским. Ранее антихристианские течения были ограничены кругом интеллектуалов. Лишь социализму удалось привлечь к атеизму широкие слои населения. Так как массы не могли постичь всей сложности научно-социалистической картины мира, социализм, прежде всего, представлялся им как вероучение. Таким образом, разногласия между христианством и марксистско-ориентированным рабочим движением сводились к столкновению между двумя

---

¹⁷ Там же. С.32.

¹⁸ См. Булгаков С. Первохристианство и новейший социализм (Религиозно-историческая параллель)// Два града. Т. 2. С.1-50.

разными религиями. Теперь социализм пытается заменить собой христианство и завоевать мир, как это около двух тысяч лет тому назад сделали христиане¹⁹.

Булгаков указывает, что христиане никогда не ставили под вопрос социалистические устремления, направленные на создание мира социальной справедливости. Социализм же христианство полностью отрицает и в агрессивной манере борется против главных положений его вероучения.

В то время как христианство ждет спасения от Бога, социализм хочет спасти людей исключительно с помощью акта человеческой воли. Эта социалистическая вера в богоподобие человека вызывает особое удивление: марксизм рассматривает людей лишь как часть материи, подчиненную железным законам природы. Однако это противоречие не препятствует всевластным фантазиям марксистов, которые действуют согласно девизу «князя мира сего» и провозглашают «царство человекобогов». Таким образом, по Булгакову, бесовское искушение марксизмом и социализмом прокладывает путь в царство антихриста²⁰.

В эссе «Апокалиптика и социализм»²¹ Булгаков сравнивает хилиастические мечты социалистов с еврейским мессианством, также мечтающим о земном торжестве Мессии. При социализме, по Булгакову, речь идет о вырождающейся форме еврейского хилиазма - его секуляризации. Космологическо-богословская лексика еврейского мессианизма была переведена на язык политической экономики социализма²².

Однако этот тезис Булгакова весьма спорен. Как мог еврейский мессианизм после почти двух тысяч лет распространения христианства переживать свое возрождение, причем именно в христианских странах? Нельзя забывать, что в течение этих двух тысячелетий, особенно после миланского эдикта императора Константина и после провозглашения христианства единственной государственной религией в Римской империи при императоре Феодосии, евреи, если не говорить о таких исключениях, как средневековая Испания, были жителями гетто, преследуемым меньшинством, которое практически не имело влияния в христианской среде. Когда евреи в конце XVIII и XIX в. на волне Просвещения покинули гетто, произошла не «иудаизация» христианских стран, где они жили, как это часто утверждается, а наоборот, включение евреев в культуру господствующего в обществе большинства. По всем этим причинам можно поставить под сомнение точку зрения Булгакова, так же как и других авторов, которые говорят о чудесном возрождении еврейского мессианства в образе социализма. Более убедительными

---

¹⁹ Там же. С. 4. В книге «Философия хозяйства» Булгаков пишет на эту же тему: «В основе социализма лежит несомненно ... вера в него, имеющая своеобразный религиозный оттенок ... Ценой философской канонизации Маркса ... экономический материализм ... превращается ... из научной теории .. в откровение, органом которого являются избранники – его пророки (Булгаков С. Философия хозяйства. М., 1912. С.270-271, 319). См. также Булгаков С. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896-1903). Санкт-Петербург, 1903. С. IX-X, 122-123, 247, 328.

²⁰ Булгаков. Первохристианство. С.46.

²¹ Булгаков. Апокалиптика и социализм//Два града. Т. 2. С.51-127.

²² Булгаков. Апокалиптика. С.115-119.

кажутся тезисы тех аналитиков, в которых социалистическая утопия самосохранения человечества соединяется с некоторыми христианскими традициями, например, с гностической ересью.

в. Русская революция как триумф антихриста

После своего разрыва с марксизмом Булгаков так и не нашел для себя новой «политической родины». В отличие от своего единомышленника Струве, который после 1905 г. стал одним из лидеров конституционных демократов, а именно их правого крыла, Булгаков не идентифицировал себя ни с одной из политических партий - ни либеральных, ни консервативных. Тем не менее, в феврале 1907 г. он был избран депутатом Второй Государственной думы как беспартийный «христианский социалист».

Ни в одном из других избирательных периодов в истории предреволюционного русского парламентаризма парламент не был таким радикальным, как Вторая Государственная Дума. Почти половина депутатов (более 200) были социалистически ориентированы. Партии, составлявшие левую часть социалистического спектра (37 эсеров и 65 социал-демократов), даже одобряли применение революционного террора против существовавшего режима. При этом следует отметить, что в те годы террор достигал невиданных ранее масштабов: в 1906-1907 гг. террористы убили 4126 государственных служащих и 4552 ранили. В ответ на волну террора правительство Петра Столыпина применило жесткие меры: в 1906-1910 гг. военно-полевые суды вынесли 3825 смертных приговоров, 26 тыс. чел. были отправлены на каторгу²³.

Столыпин требовал от Второй Думы осуждения революционного террора. Однако подавляющее большинство депутатов, в частности либералы из партии конституционных демократов, отклонили это требование. Этот отказ Столыпин использовал как повод для государственного переворота 2 июня 1907 г. - роспуска Думы и принятия нового избирательного закона, значительно усиливающего позицию избирательной курии землевладельцев (выборы в России, как и в Пруссии, осуществлялись по нескольким избирательным куриям) и проведения новых выборов. В результате избранная на основе нового избирательного закона Третья Государственная Дума имела значительное консервативное большинство.

Для созерцателя-Булгакова работа во Второй Государственной Думе, хаотичной и мятежной, была сплошным мучением. Журналистка Ариадна Тыркова-Вильямс, писавшая о заседаниях Думы, сообщала, как неловко чувствовал себя Булгаков в атмосфере политического балагана, которая царила во Второй Думе: «В сутолоке Таврического Дворца С.А.Булгаков сжимался, проходил через парламентское торжище сторонкой, в кулуарах помалчивал... Влияния он не искал,

---

²³ Кулешов С. и др. Наше отечество. М., 1991. Т. 1-2. здесь Т. 1. С.238.

но и над собой влияния не любил. Таким людям в партии тесно, скучно... Не долго продолжалась политическая деятельность этого богато одаренного мыслителя. Его мысли вздымались выше. Внутренне он уже тогда готовился к высокой пастырской деятельности»²⁴.

Булгаков так описывал свой думский опыт: «Четырехмесячное сидение в „революционной“ Гос. Думе совершенно и окончательно отвратило меня от революции... И это было понятно. Нужно было пережить всю безнадежность, нелепость, невежественность, никчемность этого собрания, в своем убожестве даже не замечавшего этой своей абсолютной непригодности ни для какого дела, утопавшего в бесконечной болтовне, тешившего самые мелкие тщеславные чувства. Я не знавал в мире места с более нездоровой атмосферой, нежели общий зал и кулуары Гос. Думы, где потом достойно воцарились бесовские игрища советских депутатов»²⁵.

Булгаков, несмотря на свое неприятие революции, сначала не был готов примириться с самодержавием. Даже будучи депутатом Второй Думы, он не изменил прежнего отношения к царской автократии. Он писал, что «самодержавие – это полиция, жандармы, тюрьма, ссылка, придворные, ни для кого ненужные... приемы и парады и убийственная жестокость к русскому народу»²⁶.

Лишь через несколько лет, в конце первого десятилетия XX в., позиция Булгакова стала меняться. Об этом он пишет в начале 1940-х годов в автобиографических записках: «В душе моей, как яркая звезда, загорелась идея священной царской власти... Там, где я раньше видел пустоту, ложь, азиатчину, загорелась божественная идея власти Божией милостью, а не народным произволением... Безбожная демократия, на которой утверждается духовно революция, несовместима с теократической природой власти, здесь водораздел: или ... с Царем или... против Царя. А вся русская революция... всегда была *против Царя*»²⁷.

Булгаков подчеркивает, что это открытие сакральных корней царской власти никоим образом не вело к тому, что он признал фактическое состояние, в котором тогда находилось самодержавие. Он решительно осуждал полицейский произвол, черносотенство, скандальную зависимость царской семьи от целителя Распутина, преступное безволие царя: «Все царствование Николая... было сплошным и непрерывным самоубийством самодержавия... К несчастью революция была совершена помимо всяких революционеров самим царем, который влекся неудержимо злой силой к самоубийству своего самодержавия»²⁸.

Несмотря на все эти неприятные симптомы, Булгаков, после своего обращения к монархии, был не готов отказаться от идеального образа русского самодержавия

²⁴ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Лондон, 1990. С.349; См. также Булгаков: Pro et contra, С. 189-191, 252-262; Flikke G. Democracy or Theocracy. Frank, Struve, Berdyaev, Bulgakov, and the 1905 Russian Revolution. Oslo, 1994. P.85-98.

²⁵ Булгаков С. Автобиографические заметки. С.80.

²⁶ Там же. С.75.

²⁷ Там же. С.82.

²⁸ Там же. С.74.

вия. Черты этого идеала он видел и в «реально существующем» царизме. Однако в тогдашней России такая его установка была проигрышной. С начала Первой мировой войны прошло не более года, когда неприятие царской семьи, не в последнюю очередь вследствие распутищины, приняло в стране беспрецедентные масштабы. Не только левые и либеральные партии, но и правые группировки и даже некоторые придворные круги хотели избавиться от господствующей династии и планировали дворцовый переворот. Вся Государственная Дума «от Пуришкевича до Милюкова принимала революционный характер», - пишет Булгаков²⁹. Позицию национально-ориентированных сил, желавших вести войну до победного конца, он резюмирует так: «Русское дело в неверных руках, и эти руки надо устранить во имя победы, для спасения родины»³⁰.

Атмосферу, в которой пребывала Россия после свержения династии Романовых, Булгаков считал своего рода коллективным безумием. Поэтому он ушел из повседневной жизни и занимался в основном работой Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви, которая после свержения царя короткое время пользовалась неограниченной свободой и восстановила патриаршество, отмененное Петром Первым.

В качестве основной причины своей готовности теперь полностью идентифицировать себя с церковью, Булгаков называет освобождение церкви от ранее доминировавшей в ней «цезаро-папистской» системы³¹. Тем более что после захвата власти большевиками русская православная церковь превратилась из господствующей в гонимую. В этой ситуации он решил стать священником. 9 июня 1918 г. в Москве 47-летний Булгаков был рукоположен в сан священника. Тем самым после тридцатилетнего перерыва семейная традиция продолжилась.

Хотя с тех пор внимание Булгакова привлекали в основном богословские вопросы (он стал одним из самых значительных, хотя и не бесспорных, русских богословов), он интенсивно анализировал все политические и идеологические последствия начавшейся в 1917 г. русской трагедии. Это доказывает его статья, опубликованная в мае 1918 г. в инициированном Петром Струве сборнике «Из глубины»³². Текст Булгакова, озаглавленный «На пиру богов», состоит из диалогов. Эти диалоги по своей сути тесно связаны с «Тремя разговорами» Владимира Соловьева 1900 г., в конце которых идет ставшая знаменитой «Краткая повесть об антихристе»³³.

Проводя аналогию с «Тремя разговорами», Булгаков стремится донести до читателя свое послание: объявленный Соловьевым апокалипсис состоялся, соловь-

---

²⁹ Там же. С.87.

³⁰ Там же. С.89.

³¹ Там же. С.38.

³² Булгаков С. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967.С.111-169.

³³ Соловьев В. Три разговора. Нью-Йорк, 1954.

евский антихрист, явившийся в Иерусалиме, в настоящее время действует в России.

Некоторые герои «Трех разговоров» переживают свое квази-возрождение «На пиру богов». Так, в обоих диалогах участвует верный царю боевой «Генерал». И там и там есть русские «западники» («Политик» у Соловьева и «Дипломат» у Булгакова). Роль таинственного господина «Z», рассказывающего в «Трех разговорах» о прибытии антихриста, «На пиру богов» исполняет фигура, названная Булгаковым «Беженец». Примечательно, что в диалогах Булгакова не хватает образа толстовца. У Соловьева это - «Князь», который считает, что зло, даже в худших случаях насилия, можно умиротворить добром. Оргия насилия, захлестнувшего Россию в 1917-1918 гг., ясно показала наивность этой позиции, спорить с которой, Булгаков, по-видимому, считал излишним. Наконец, в булгаковских «современных диалогах» нет соловьевской салонной «Дамы»: русский апокалипсис никоим образом не являлся адекватным фоном для салонных разговоров. Однако в диалогах «На пиру богов» участвуют и три фигуры, отсутствующие в «Трех разговорах»: «Писатель-славянофил», «Общественный деятель» и «Светский богослов».

Почему же пророчество Соловьева так быстро, через 17 лет после его появления, в основном осуществилось? Почему оно стало реальностью в первую очередь в России? Этот вопрос находится в центре внимания автора диалогов «На пиру богов», который то прямо, то косвенно касается темы, затронутой Соловьевым. Так, например, булгаковский «Дипломат» занимает, в сущности, ту же позицию, что и «Политик» у Соловьева. Оба они – убежденные европейцы и верят в благотворное влияние европейской культуры на народы мира. Европеизацию соловьевский «Политик» приравнивает к преодолению варварства, проявлением которого он считает войну. Он убежден, что европейские народы уже достигли такой зрелости цивилизации, что война для них больше не является способом решения конфликтов: Война в Европе «имела бы характер междоусобия, во всех отношениях непростительного при возможности мирного улаживания международных споров... *Военный период истории кончился...* Я твердо уверен, что ни мы, ни наши дети больших войн, настоящих войн не увидим, а внуки наши и о маленьких войнах – где-нибудь в Азии или Африке – также будут знать только из исторических сочинений»³⁴.

Европейская идея мирного решения конфликтов в дальнейшем завоеует весь мир, продолжает свои рассуждения «Политик»: «Теперь наступает эпоха мира и мирного распространения европейской культуры повсюду. Все должны стать европейцами»³⁵.

Если учесть, что выдуманная Соловьевым фигура «русского европейца», делала свое предсказание в 1900 г., накануне самых разрушительных войн в но-

³⁴ Соловьев В. Три разговора. С. 94-95.

³⁵ Там же. С.125.

вейшей истории, эти рассуждения звучат особенно странно. Такой «триумфализм» определенным образом напоминает образ мысли политолога Фрэнсиса Фукуямы, который 89-ю годами позже писал о «конце истории», то есть об окончательной победе западного мировоззрения. Как известно, и этим прогнозам не суждено было осуществиться, не в последнюю очередь в связи с террористическими актами 11 сентября 2001 г.

Тот факт, что «европейский порядок», столь высоко ценимый соловьевским «Политиком», в 1914 г. рухнул, булгаковский западник-«Дипломат» рассматривает как свою личную трагедию: «А уж если бы я умел плакать, то давно выплакал бы все свои слезы года четыре назад, когда только загорался мировой пожар. Уже тогда мне стало ясно: чего будет стоить эта война и России, и тому, что мне дороже России,— я не скрываюсь, но горжусь это признать,— Европейскому миру... Поэтому я ношу траур на сердце с самого 1914 года — стыдно признаваться в сентиментальности, но ведь и самые трезвые люди бывают иногда сентиментальны и суеверны даже. Тогда именно и загорелся мой дом, моя святыня, европейская цивилизация, а от нее запылала и наша соломенная Россия. Раньше еще возможно было вводить войну почти в повседневное, употребление, тогда были другие нервы и другие нравы: резали друг друга во славу Божию, а для теперешней Европы война невыносима и преступна, она есть мерзость пред Господом, и в этом сплошном безумии и падении я не вижу никакого просвета»³⁶.

Единственный луч света, который видит «Дипломат» в этой катастрофе, это день 2 марта 1917 г., когда вследствие войны и революции была свергнута династия Романовых: «Ветхий трон разлетелся в тысячу щеп... к прошлому... возврата не будет. И день 2 марта 1917 года навсегда для меня останется светлой датой»³⁷.

Такое прославление Февральской революции вызывает возмущение другого героя «На пиру богов» - «Генерала»: «(Для) меня он был одним из самых ужасных, самых тягостных дней жизни, воистину смертный день... И тогда для меня стало сразу же ясно, что война окончена и бесповоротно проиграна, что погибла наша Россия». Свержение царя порвало внутреннюю связь России, ее историческую скрепу, определяющую форму жизни: «Россия есть царство, или же ее вообще нет»³⁸. Россия «конституционно-демократическая», скроенная по западному образцу, не соединима с русской традицией. Не удивительно, что русские крестьяне и солдаты ее отвергли. Своими оторванными от жизни проектами и бесконечной болтовней демократы развалили армию. «Русское войско держалось двумя силами: железной дисциплиной, без которой не может существовать никакая армия, да верой... Содержание же этой солдатской веры известно, оно в трех словах: за веру, царя и отечество... Вера православная, царь православный, зем-

---

³⁶ Булгаков С. На пиру богов. С.113, 116.

³⁷ Там же. С.124.

³⁸ Там же.

ля тоже православная»³⁹. Отказавшись от исторической преемственности, русские демократы разрушили солдатскую веру, а вместе с ней армию. Поэтому для «генерала» лучше уж большевики: «им за один разгон Учредительного Собрания, этой пошлости всероссийской, памятник надо возвести»⁴⁰.

Страстную проповедь «генерала» решительно отвергли как русский европеец-«дипломат», так и два других участника дискуссии – «Общественный деятель» и «Писатель-славянофил». Они считали монархию, в том состоянии, в котором она пребывала накануне Февральской революции, нежизнеспособной и окончательно скомпрометированной распутинщиной. Февральская революция, несмотря на ее неудачу в силу ряда ошибок и слабости ее лидеров, была неизбежна и полезна.

Какую позицию занимал сам Булгаков в этом споре? Из его автобиографии видно, что он не участвовал в начавшемся в феврале 1917 г. «празднике Свободы». Восхищение Февральской революцией, свойственное некоторым главным героям «На пиру богов», было ему чуждо. Но и абсолютная самоидентификация со старым режимом, характерная для «генерала», была несовместима с позицией Булгакова. Несмотря на свой разрыв с интеллигенцией, он не превратился в не-критичного монархиста.

На первый взгляд, кажется, что «Светский богослов», также присутствующий «На пиру богов», - это «alter ego» Булгакова. «Богослов», подобно Булгакову, страстно полемизирует с точкой зрения интеллигенции и сравнивает ее с еврейским мессианизмом (см. также статью Булгакова «Апокалиптика и социализм»). Как и Булгаков, «Богослов» надеется, что религиозные устремления интеллигенции в итоге все же приведут ее к христианству. Факт, что «Богослов» считает освобождение русской православной церкви от государства единственным достижением Февральской революции, напоминает точку зрения Булгакова. Однако в какой-то момент кажется, что пути Булгакова и его литературного отражения расходятся. Так, «Богослов» полагает, что именно теперь, после освобождения русской православной церкви от унижающей ее зависимости от царя, она могла бы на самом деле позаботиться о своей чистоте. С ним не согласен «Беженец» - еще один персонаж «На пиру богов», во многом, как уже было сказано, напоминающий таинственного господина «Z» из «Трех разговоров»; в уста господина «Z» Соловьев вкладывает свое ощущение грядущего явления антихриста. Булгаковский «Беженец» продолжает эту тему. Но он говорит не о грядущем, а о уже явившемся антихристе. Русский апокалипсис означает закат существующей эпохи, конец света, который затем распространится на все другие страны. Перед лицом этого триумфа врагов Господних все христианские конфессии должны объединить свои силы, чтобы вместе бороться против «князя мира сего». Таким образом, положения «Богослова», который настаивает на чистоте православия, устаревают перед лицом новых угроз. Предложенная «Беженцем» стратегия сопро-

---

³⁹ Там же. С.128.

⁴⁰ Там же. С.124-125.

тивления приближается к той, которую описывает Соловьев в «Повести об Антихристе». В ней лидеры основных христианских конфессий (католики, православные и протестанты) преодолели свои разногласия, чтобы совместными усилиями не допустить окончательного торжества антихриста. Такого же сближения церковью требует и «Беженец», так как с его точки зрения страшные видения Соловьева стали реальностью. Не в последнюю очередь поэтому, все попытки предотвратить в России торжество зла провалились. За победоносным большевизмом «Беженец» видит таинственные, невидимые силы, которые влекут к себе, несмотря на все попытки им противостоять, и ведут Россию в пропасть: «Большевизм торжествует повсюду и с головой выдает Россию врагу. При этом большевикам всюду бешено везет, и заранее обречены на неудачу все попытки им противодействовать. Конечно, во всем этом роковом сцеплении обстоятельств возможно видеть и грех власти, и темноту народа, и даже прямой вражеский план. Но я не могу отделаться от той мысли, что здесь действует и какая-то невидимая рука, которой нужно связать Россию, осуществляется какой-то мистический заговор, бдит своего рода черное провидение: „Некто в сером“ (обозначение антихриста. - Л.Л.), кто похитрее Вильгельма, теперь воюет с Россией и ищет ее связать и парализовать. Чем-то она мешает тому, кто рвется к жадному господству над миром»⁴¹.

Беспрецедентный взлет большевиков, проделавших за 8 месяцев путь от политических маргиналов до единовластных правителей одного из величайших государств мира, мог действительно создать впечатление, что случилось это лишь потому, что в этой драме участвовали мистические силы. Тем более, что в течение этих 8 месяцев большевики не раз стояли на грани полного провала, в частности, тогда, когда национально ориентированные силы России обвинили их в сотрудничестве с врагом и доказали это обвинение документально. Или тогда, когда организационная инфраструктура большевиков после неудачной попытки государственного переворота в июле 1917 г. была в значительной мере разрушена. Несмотря на балансирование на краю пропасти, Ленин, в конечном итоге, смог стать «победителем истории».

Аналогичным образом дело обстояло с Гитлером в Германии. Казалось, что его политическая карьера после шумного провала мюнхенского «пивного путча» 9 ноября 1923 г. завершилась. Когда же затем гитлеровская партия НСДАП на выборах в сентябре 1930 г. увеличила число своих сторонников с 2,5% до 18%, а в июле 1932 г. до 37%, можно было впасть в соблазн, как это было с победой большевиков в 1917 г. в России, и приписать этот успех некой невидимой мистической силе. Но более правдоподобны объяснения иного рода, анализирующие эти процессы, прежде всего, с исторической, политической и социально-психологической точки зрения. Как захват власти большевиками в России, так и приход к власти нацистов в Германии сопровождался беспрецедентным разло-

---

⁴¹ Булгаков С. На пиру богов. С.132.

жением демократических структур и беспримерным кризисом идентичности обоих государств. Первая русская демократия, как и первая германская демократия, были побеждены не столько силой своих тоталитарных врагов, сколько пали вследствие внутренней слабости и отсутствия воли к сопротивлению. Немецкий историк Конрад Хайден говорил в связи с триумфом Гитлера о времени безответственности, о предательстве политических элит Германии, которые, вместо того, чтобы защищать государство, передали его в руки его злейших врагов⁴². Об аналогичном предательстве можно говорить в связи с триумфом большевиков в 1917 г.

Активизация тоталитарных движений происходила в социальном климате, который некоторые современники определяли как состояние бреда. Знарок итальянского фашизма и коммунист-диссидент Анджело Таска в 1938 г. так описал это состояние: реакции в этой атмосфере - чрезмерны, чувство меры - утрачено. Бред превратился в норму и стал зловеще независим. Фашизм – это не только военный психоз, он был одним из самых тяжелых явлений социальной патологии⁴³.

Консервативный критик Гитлера Герман Раушнинг со своей стороны анализирует духовный климат Веймарской республики, который благоприятствовал росту популярности Гитлера. Нарисованная им в 1941 г. картина удивительным образом совпадает с описанием Таски: Мифы и легенды о поражении 1918 года привели Германию в состояние, которое можно назвать разновидностью сумасшествия. Даже самые благородные планы и действия не могут помешать народам, находящимся в этом состоянии, продолжать свой марш в пропасть⁴⁴.

Сложившуюся в России в 1917 году атмосферу, создавшую благоприятные условия для взлета большевиков, можно описать такими же словами. Для того чтобы изучать ее адекватно, не обязательно прибегать к мистике; для этого есть политические, исторические, социально-экономические и психологические объяснения.

г. Полемика Булгакова с антихристианством нацизма

Сразу же после своего рукоположения в сан священника в июне 1918 г. Булгаков покинул Москву и отправился в Крым, где находилась его семья. Здесь он провел четыре с половиной года жизни и стал свидетелем смены властей: немцев, французов, большевиков, белых, и наконец, после поражения армии генерала Врангеля в ноябре 1920 г., возвращения власти большевиков и жестокого красного террора, обрушившегося, прежде всего, на головы тысяч пленных солдат и офицеров белой армии. Все эти годы Булгаков был священником в соборе Ялты и профессором университета в Симферополе. Он воздерживался от всякой политиче-

⁴² Heiden K. Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Zürich, 1936.

⁴³ Tasca A. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. Aufstieg des Faschismus. Wien, 1969. P.378.

⁴⁴ Rauschning, H. The Conservative Revolution. New York, 1941. P.262-263.

ской деятельности. Тем не менее, Булгаков разделил судьбу многих других представителей интеллектуальной элиты России и в 1922 году был изгнан из страны.

В конце декабря 1922 г. на корабле, на котором Булгаков плыл в Константинополь, он написал своего рода «прощальное письмо» России. Он считал, что это была неизбежная и, вероятно, даже полезная для него высылка: «Страшно написать это слово, мне, для кого еще два года назад во время всеобщего бегства экспатриация была равна смерти. Но эти два года не прошли бесследно: я страдал и жил, а вместе с тем и прозрел, и еду на Запад не как в страну „буржуазной культуры“ или в бывшую страну „святых чудес“, теперь „гниющую“, но как в страну еще сохранившейся христианской культуры и, главное, место святейшего Римского престола и вселенской католической церкви – „Россия“, гниющая в гробу, извергла меня за ненадобностью, после того как выжгла мне клеймо раба»⁴⁵.

Жизнь в эмиграции Булгаков рассматривал, как следует из его «прощального письма», как новое начало, с которым он связывал свои многие надежды. Он и в самом деле пользовался в русских эмигрантских кругах значительным влиянием, что выразилось, прежде всего, в том, что в 1925 г. митрополит русской православной церкви во Франции Евлогий назначил его деканом тогда основанного Свято-Сергиевского православного богословского института⁴⁶. Булгаков руководил этим институтом до 1944 года. Под его началом Свято-Сергиевский институт в Париже стал одним из наиболее значительных российских научных учреждений, причем не только в эмиграции, но и во всем русскоговорящем мире: в самой России после установления большевистской диктатуры свободное научное творчество стало, в сущности, невозможным.

Теология Булгакова, примыкающая к разработанному Соловьевым учению «софийности», была, как уже говорилось, довольно спорной. Однако не богословские системы, а противостояние Булгакова тоталитарным идеологиям и их псевдорелигиозным претензиям является предметом нашего исследования. Борьба Булгакова против искушений левого тоталитаризма была уже в этой статье подробно описана. Находясь на Западе, Булгаков выступает теперь против установления здесь диктатур правого толка, особенно против тоталитарных устремлений нацистов, которые на основе разработанной ими расовой теории хотели совершить новый акт Творения. Булгаков, особенно после 1941 года, когда на оккупированных нацистами территориях началось массовое уничтожение евреев, вел активную полемику с идеологами не имевшей прецедентов революции, которая потрясла европейскую культуру, построенную на фундаменте иудео-христианских принципов.

---

⁴⁵ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ 1921-1923, М., 2005. С.7-8; См. также Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым. Томск, 2001. С.192-193.

⁴⁶ Бобринский Б. Преподобный Сергей в Париже. Санкт-Петербург, 2010. С.161-185, 683-684; Воспоминания Митрополита Евлогия. Париж, 1946. С.446-453; Зернов, Русское религиозное возрождение. С.241.

В своем созданном в 1941-1942 гг. труде «Расизм и христианство» Булгаков дает подробный критический анализ «Мифов XX века» Розенберга и «Майн кампф» Гитлера. В обеих этих книгах, как и в нацистской идеологии как таковой, он видит как никогда ранее опасный вызов, брошенный христианству. Булгаков считает, что нацистская идеология «злее прямого воинствующего безбожия французских энциклопедистов, ненависти к святыне марксистов и варварства большевизма», так как она не противопоставляет христианской вере пустоту безверия, а борется с христианством, создавая свою псевдоцерковь, так называемую «немецкую национальную церковь». Так как нацизм облачается в псевдодуховные одежды, он отравляет души людей даже больше, чем большевизм, который лишь подавляет духовную жизнь⁴⁷.

Особенно опасным считает Булгаков тот факт, что нацистская идеология прямо не отрицает основ христианства, но кощунственно стремится очистить его от так называемых «еврейских элементов» - от Ветхого Завета, учения Св. Павла, от любви к ближнему, от креста, считая его символом «рабской покорности», а затем, после «чистки», соединить христианство с расовой теорией.

Необузданную ненависть нацистов к евреям Булгаков объясняет их безмерной завистью к избранникам Божиим, место которых, уничтожив евреев, они сами хотели бы занять: «Такая претензия есть притязание исторических выскочек, которых не существовало в историческом вчера, т.е. во всей древней истории, и которые могут прекратиться в историческом завтра. Этим обличается и вся пустота этой притязательности, вместе с ее безмерностью»⁴⁸.

Напомним, что в конце сентября 1941 года, когда Булгаков писал о самовосхвалении нацистами своей нордической или германской расы, германские войска захватили почти весь европейский континент. Существовала реальная опасность того, что чудовищная нацистская расовая теория на поколения вперед будет довлеть над Европой. Булгаков подчеркивает: «Маниакальное самосознание (немцев.- Л.Л.), родившееся из чувства национального унижения, на наших глазах превращается в не менее маниакальное стремление к мировой гегемонии». Однако Булгаков считает, что успех этих гегемонистских устремлений не возможен: «Это есть скорее бредовая идея, нежели политическая программа, которая подсызывалась бы политическим разумом, а не национальной страстью. Конечно, в последовательном своем осуществлении она ведет к неминуемой катастрофе, может быть даже скорее и неожиданнее, нежели оно сейчас кажется», - писал он 21 сентября 1941 г., когда вермахт был уже недалеко от Москвы⁴⁹.

Тот факт, что нацистский режим пытался представить свою кампанию против России как освободительную борьбу, как «крестовый поход» против большевизма, Булгаков считал невероятным кощунством. Булгакову, в отличие от некоторых русских эмигрантских группировок, было с самого начала ясно, что «общая

⁴⁷ Булгаков С. Христианство и еврейский вопрос. Париж, 1991. С.33, 117.

⁴⁸ Там же. С. 58, см. также С. 34, 64, 89.

⁴⁹ Там же. С.60.

и последняя цель германского милитаризма... не терпит на своем пути существования России *вообще*, - а не большевизма»⁵⁰. При этом Булгаков был уверен, что германский империализм не сможет добиться успеха - Россию нельзя вычеркнуть с карты земли: «Такова для нас историческая аксиома». Невозможно допустить «победу христианской апостазии, в какие бы цвета крестоносцев она ни маскировалась, т.е. страны, объятай духовной болезнью, расизмом, и потому духовно обреченной на вырождение... Вырождаются, конечно, все государства и народности, каждая в свое время и от разных причин... Германия - от мании величия, которою она страдает в расизме ... Никто из нас не в состоянии определить, как и когда произойдет та германская катастрофа, но для нас несомненно, что она явится спасительной для Германии самой, поскольку будет освобождением от искушений расизма, духовным его извержением», - отмечал Булгаков в декабре 1941 г.⁵¹

Булгаков пишет, что в погоне за физическим уничтожением евреев Германия не признает уже никаких моральных запретов. Этому истреблению «соответствует небывалая и невероятна утрата чувства стыда ... Особенно выразительна эта унижительная варваризация, как присущая народу, вчера еще высшей европейской культуры, никогда не опускавшемуся так глубоко. Конечно, в сохраняющейся еще духовно части германства это должно вызывать чувство национального стыда и покаяния, для которого еще не пришло, но придет свое время»⁵².

Несмотря на свою сильную веру в возрождение Германии, Булгаков не считает нацизм инородным телом в немецком национальном организме: «Он не есть плод завоевания и насилия над народом... он принят – и восторженно принят – германским народом (хотя, конечно не всем). Разумеется, для последнего он есть явление духовного заболевания после войны с ее поражением и версальским уничтожением... Однако, и в прошлой Германии, наряду с чертами немецкого гения, существует эта мрачная волевая линия, которую не без успеха, а даже с торжеством теперь констатирует национал-социализм»⁵³.

Совсем по-другому, с точки зрения Булгакова, обстоит дело с большевизмом. Булгаков считает большевизм чужеродным телом в русском национальном организме, ничего общего не имеющим с русской духовностью: «Не следует забывать и того, что исторически, как и духовно, на всем вообще большевизме лежит марка *Made in Germany* – знак немецкого его происхождения, В Россию Ленин доставлен немцами, большевистский режим в первые годы получил выучку от немцев, а социалистическую муштру от германского марксизма»⁵⁴.

Булгаков, анализируя большевизм, особое внимание уделяет рассмотрению в нем еврейского фактора. В этом контексте вызывает удивление, как решительный

---

⁵⁰ Там же. С.86.

⁵¹ Там же. С.87-88.

⁵² Там же. С.85

⁵³ Там же. С.116.

⁵⁴ Там же. С.114.

борец против разного рода мифов и легенд сам может стать жертвой мифа, а именно мифа о еврейском большевизме.

Еще во время гражданской войны в России Булгаков часто ставил знак равенства между большевистским режимом и еврейством. Так, например, в 1919 г., сообщая об осквернении в России православных святынь, он говорил о кампании мести со стороны синагоги презираемому ею христианству.⁵⁵ Если учесть, что поход безбожного советского режима был направлен против всех религий, в частности и против иудаизма, что все боровшиеся с религией большевистские функционеры, независимо от своего этнического происхождения, были воинствующими атеистами, порвавшими с верой своих предков, попытка Булгакова связать антицерковную борьбу большевиков с еврейской религией совершенно несостоятельна.

Но и через 22 года в своем эссе, написанном во время Холокоста, Булгаков говорит о ведущей роли еврейства в борьбе против христианства, причем не только в России, но и во всем мире: «Гонение на христианство... находило наибольшее осуществление со стороны еврейских „комиссаров“ безбожия»⁵⁶. Булгаков считает это обстоятельство настолько очевидным, что ему не нужны никакие доказательства. Страшные гонения, которые в годы Холокоста постигли евреев, составляют, по Булгакову, своего рода наказание за то, что «еврейство... через посредство большевизма совершило... значительнейшее в своих последствиях усилие над Россией и особенно, над Святой Русью, которое было попыткой её духовного и физического удушения. По своему объективному смыслу это была попытка духовного убийства России»⁵⁷.

Булгаков определяет большевизм как беспрецедентное грехопадение иудаизма, как победу сатаны над еврейством, которую одержала «еврейская» государственная власть с помощью евреев: «Да, большевизм есть именно еврейский погром, совершенный именно еврейской властью – ужасная победа сатаны над еврейством, совершенная через посредство еврейства»⁵⁸.

Как же объяснить эту почти полную дерусификацию русской революции у мыслителя, который десятилетиями во всех тонкостях изучал революционные и тоталитарные искушения, жертвами которых стали как русская элита, так и простой народ?⁵⁹ Как мог один из самых значительных христианских богословов, который знал, что несоблюдение христианских заповедей было обычным делом для подавляющего большинства христиан, считать евреев инициаторами этих бесчисленных, идущих со времен возникновения христианства, отступлений многих христиан от Заветов Христа?

---

⁵⁵ Булгаков С. О святых мощах (по поводу их поругания) // Вестник РХД 166, 1992. С. 50.

⁵⁶ Булгаков. Христианство и еврейский вопрос. С.98.

⁵⁷ Там же. С.137.

⁵⁸ Там же. С.138.

⁵⁹ См. об этом: Булгаков С. Героизм и подвижничество; его же. Два града.

Хотя Булгаков и пишет в эссе «Расизм и христианство», что «антихристианство есть явление универсальное, в котором соединяются разные национальные и духовные потенции»⁶⁰, его релятивизация критики еврейства незначительна: перевешивают моральные обвинения против евреев как таковых. Более того, иногда его суждения, по сути, совпадают с высказываниями столь страстно критикуемых им расистов-антисемитов, обвиняющих евреев в отсутствии творческого начала и неспособности понять характер культуры большинства. Все попытки евреев ассимилироваться имели лишь внешний успех, считает Булгаков, «поскольку сохранилось в нерушимости религиозно-национальное ядро». Поэтому евреи были чужеродным телом во всех обществах: «Израиль теперь является для всех чужим... Он агасферически применяется к чужому народу, его национальному государству и культуре, к ним органически *не* принадлежа. Уже тем самым он обречен на второсортность, при наличии органического притязания на первенство и руководящее значение, принадлежащее избранному народу»⁶¹. Булгаков считает, что достижениям евреев в культуре не хватает подлинности, реальной глубины. Так как Израиль не принял Христа как своего Спасителя, он «утерял свой *гений*, взамен же его остается лишь полнота талантливости. Однако талант не есть гений и никогда не может с ним сравниться... духовно руководящая роль (евреями. – Л.Л.) утрачена... Поэтому и творчество еврейское онтологически *второсортно*, как бы ни было оно в *своем* роде ценно»⁶².

Если учесть, что эти аподиктические слова высказаны современником Фрейда, Эйнштейна, Кафки и Осипа Манделштама, они выглядят особенно странно. Удивительно, что русский эмигрант, т.е. человек, живущий на границе разных культур, не мог понять, что принадлежность евреев к различным культурным традициям предопределяет их способность переходить межкультурные границы, открывать новые горизонты, быть пионерами инновационной мысли.

Булгаков в значительной мере игнорирует то обстоятельство, что современный мир с его постоянной сменой перспектив и жадной экспериментаторства едва ли мыслим без модернизирующей роли евреев. Его, прежде всего, интересует не творческое, а негативное влияние евреев на современность: «Все области хозяйственной, политической и культурной жизни открыты (еврейскому) влиянию и ему подвержены: биржа, рынок, пресса, театр, наука, парламент, даже правительства... К этому присоединяется еще сила международной концентрации еврейского влияния, как национально-анонимной „противорасы“, которое осуществляется в соответствующих организациях: сюда относится масонство, социал-демократия, большевизм»⁶³. Булгаков подробно говорит о пагубной роли евреев -

⁶⁰ Булгаков С. Христианство и еврейский вопрос. С.78; см. также: Бердяев Н.А. Христианство и антисемитизм (религиозная судьба евреев). Париж, б. года изд. С.20-31.

⁶¹ Булгаков. Христианство и еврейский вопрос. С. 103.

⁶² Там же. С.100.

⁶³ Там же. С.66. Такого рода высказывания Булгакова вызвали острую критику известного православного богослова Александра Шмемана (см. Вестник РХД, 200, 2012. С.178).

большевистских функционеров, которые и в самом деле были широко представлены в большевистской элите первого советского десятилетия. Почему же тогда он игнорирует факт, что во всех антибольшевистских группировках, принадлежавших к демократической части русской общественности, евреи тоже находились в первых рядах? Евреи были также среди тех мыслителей, кто, наряду с Булгаковым, предостерегал русскую интеллигенцию от обожествления революции. Евреями были почти половина, трое из семи, авторов «Вех» - Семен Франк, Михаил Гершензон, Александр Изгоев (А.С. Ланде). Вызывает недоумение, что и это не привело к смягчению антиеврейских тирад Булгакова.

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина

II. Идеократия или демократия? Идеиные споры русской эмиграции на примере евразийского движения и группы «Новый Град»

Евразийская идеология в европейском контексте¹

а.

К числу наиболее интересных и самобытных течений русской мысли послереволюционных лет принадлежит евразийство, или евразийское движение, оформившееся в 1921 году в эмиграции. Этому движению предсказывали большое будущее: темы, выдвинутые евразийцами, подробно обсуждались в русской зарубежной печати². Евразийцы развили бурную публицистическую деятельность и выпускали, особенно в двадцатых годах, много книг и периодических изданий³. Однако во второй половине 30-х годов это движение, поначалу взбудоражившее умы, распалось.

Интерес к евразийству возродился лишь спустя три десятилетия, чему в большой мере способствовала монография мюнхенского историка Отто Бёсса (1961). Несколько статей на эту тему опубликовал Николай Рязановский, небольшие главы в своих исследованиях по истории русской общественной мысли и русской эмиграции посвятили евразийцам Василий Зеньковский, С.В. Утехин, Роберт Уильямс, Глеб Струве и Михаил Агурский. Наконец, в 1982 и 1985 гг. появились две работы Чарльза Гальперина⁴.

¹ Немецкий оригинал этой статьи был опубликован в 1986 году в журнале: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 34, 3, 1986. P. 374-395.

² См. Степун Ф. «Евразийский временник». Книга третья // *Современные записки* 21, 1924. С. 400-407; Шлецер Б. Закат Европы // *Современные записки* 12, 1922. С. 339-348; Бердяев Н.: *Евразийцы* // *Путь* 1. 1925. С. 134-139; Гессен И. *Годы изгнания. Жизненный отчет*. Париж, 1979. С. 201; Устрялов Н. *Под знаком революции*. Харбин, 1927. С. 415; Франк С. *Биография П.Б. Струве*. New York, 1956. С. 146-147; Rimscha H. *Rußland jenseits der Grenzen. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte*. Jena, 1927. P. 182-193; Gorlin M. *Die philosophisch-politischen Strömungen in der russischen Emigration* // *Osteuropa* 8, 1932/33. P.279-29.

³ См. *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев*. София, 1921; *На путях. Утверждение евразийцев*. Москва/Берлин, 1922; *Евразийский временник. Книга третья*. Берлин, 1923; *Евразийский временник. Книга четвертая*. Берлин, 1924; *Евразийский временник. Книга пятая*. Париж, 1927; *Россия и латинство. Сборник статей*. Берлин, 1923; *Евразийский сборник. Книга VI*. Прага, 1929; *Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Издание евразийцев 1931; Новая эпоха. Идеократия. Политика. Экономика*. Ред. В. Пейль. Нарва, 1933; *Евразийская хроника (1925-1937)*; газета «Евразия» (1928/29) и др.

⁴ Böss O. *Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts*. Wiesbaden, 1961; Riasanovsky N.V. *The Emergence of Eurasianism* // *California Slavic Studies* 4, 1967. P. 39-72; Riasanovsky N. Prince N.S. Trubetskoy's «Europe and Mankind» // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropa* 12, 1964. P. 207-220; Utechin S. *Geschichte der politischen Ideen in Rußland*.

В отличие от большинства эмигрантов - беженцев из России, воспринимавших русскую катастрофу только как катастрофу, идеологи евразийства видели в трагедии революции и гражданской войны глубокий исторический смысл. Им казалось, что неслыханные испытания, выпавшие на долю России, ставят ее решительно выше Западной Европы. Урок мировой войны, говорили они, прошел для Европы даром: европейцам очень быстро удалось залатать старый мир, замаскировать открывшуюся бездну⁵. Лишь благодаря русской революции трагедия общеевропейской войны получила подобающее ей трагическое завершение. Двойная катастрофа - война и революция - ставит русских на новую, более высокую ступень исторического сознания. Это обостренное восприятие катастрофы вызывало у выброшенных на чужбину противников большевизма чувство превосходства по отношению к странам, которые их приютили.

Но евразийцы апеллировали не только к чувствам. Привлекательность их доктрины состояла в соединении завораживающей эмоциональности с научностью. В разработке евразийской идеологии приняли участие этнографы, лингвисты, историки, географы, философы, богословы, правоведы. В этом отношении евразийство выгодно отличалось от большинства идеологий, возникших в Европе между двумя мировыми войнами. Над ним трудились не самодеятельные историки и политические дилетанты, а люди научного склада мысли, владевшие искусством проницательного анализа и ясной аргументации. Вот почему не так легко было опровергнуть их теоретические построения, хотя они и вызывали негодование в некоторых кругах эмиграции.

Оригинальной чертой евразийства был особый акцент, который ставился на Азии, азиатском компоненте России. Начиная с Петра I Россия неустанно боролась за признание ее европейской державой. Западная общественность реагировала на эти усилия, как правило, скептически. Считалось, что Россия в Европе - некое чужеродное тело, что несмотря на поверхностную европеизацию, она остается по сути азиатской страной; «европейское» отождествлялось с «западным», и тот факт, что у Европы тоже есть свой Восток, чаще всего не принимался во внимание. Русские авторы по большей части безуспешно протестовали против

Stuttgart, 1966. P. 240-244; Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany 1881-1941. Ithaca/London, 1972. P. 258-261; Halperin C.J. George Vernadsky: Eurasianism, the Mongols and Russia // Slavic Review 41, 1982. P. 477-493; Halperin C.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte 36, 1985. P. 55-194; Stammler H.-A. Europa – Rußland – Asien. Der «eurasische» Deutungsversuch der russischen Geschichte // Osteuropa 12, 1982. P. 521-528; Зеньковский В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1955. С. 157-167; Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью Йорк, 1956. С. 40-49; Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. С. 98-102.

⁵ Сувчинский П. Эпоха веры // Исход к Востоку. С. 14-27; Сувчинский П. Вечный устой // На путях. С. 99-133; Савицкий П. К обоснованию евразийства // Руль. 10.1.1922.

такого усечения понятия Европы.⁶ Революция подлила масла в огонь, обновив эти представления. Немецкий социолог и культуролог Альфред Вебер писал в 1925 г. о том, что большевистская власть привела к реазиатизации России. Лишь по недоразумению эта страна примкнула на какое-то время к сообществу европейских наций; покидая Европу, она возвращается к самой себе.⁷

Да, вот именно, - отвечали евразийцы. Западноевропейскому изоляционизму они противопоставили столь же категорически выраженный восточный изоляционизм. Евразийцы считали, что России нечего делать в Европе, она должна повернуться в другую сторону, захлопнуть окно на Запад, отворенное Петром. Первый сборник трудов, излагавших доктрину евразийства, носил программное название «Исход к Востоку». Он вышел в Софии в 1921 году.

Предлагалось пересмотреть традиционный взгляд на татаро-монгольское иго, охватывающее два с половиной века русской истории. Не Киевская Русь, а монгольская феодальная империя - вот истинный предшественник российского государства. Киевская Русь, указывал один из основоположников евразийства Николай Трубецкой, занимала лишь 1/20 нынешней территории России, тогда как Золотая Орда примерно соответствовала всей этой территории.⁸ Чингисхан стоит у истоков грандиозной идеи единства и суверенитета Евразии, киевская же «идея» представляется Трубецкому провинциальной. Порабощенный русский народ воспринимал монгольское завоевание как иго, но не мог долго противиться очарованию идеи всемирного царства. Эту идею переняло у татар в XVI веке Московское великое княжество.⁹

б.

Хотя эта новая оценка татарского государства учитывала не только исторические, но и современные аспекты, дискуссия вокруг нее занимала в основном ученых. Куда больше взволновали широкую публику другие идеи евразийцев - анализ революции, а особенно их критика Запада. Пожалуй, по своей радикальности эта критика превосходила все, что доселе было сказано на эту тему в русской публицистике, историографии и философии.

Идею европейского превосходства, заимствованную европейцами у Древнего Рима, евразийцы рассматривали как своего рода бич человечества, как главный

---

⁶ См. Вейдле В. Три России // Современные записки. 1937. № 65. С. 304-322; его же. Россия и Запад // Современные записки. 1938. № 67; его же. Задача России. Нью Йорк, 1956; Weidle W. Rußlands Weg und Abweg. Stuttgart, 1956.

⁷ Weber A. Die Krise des modernen Staatsgedankens in Europa. Stuttgart, 1925. P. 119.

⁸ Савицкий П. Степь и оседлость // На путях. С. 341-356; И.Р. (Н.Трубецкой). Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925. С. 3-4; Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 37-38; Вернадский Г. Начертание русской истории. Часть первая. Прага, 1927. С. 17.

⁹ И.Р. (Трубецкой). Наследие. С. 18-23.

источник кризисов XX века. Самоуверенность европейцев настолько сильна, что она распространилась и на многие другие, неевропейские народы, писал Трубецкой в своей книге «Европа и человечество» (София, 1920): образованные слои этих народов стали оценивать свою самобытную культуру по европейским меркам, и это вызвало у них комплекс неполноценности. Сознание собственной отсталости побуждает неевропейцев перепрыгивать необходимые ступени развития, пожирает все их силы и еще больше отчуждает от собственных традиций. В одном из писем Роману Якобсону, товарищу Н.С.Трубецкого по основанному ими Пражскому лингвистическому кружку, автор «Европы и человечества» пояснял, что эта книга (которую можно назвать манифестом евразийства) задумана как первая часть трилогии. Если здесь он сосредоточился на полемике с высокомерно-эгоцентрическим и абсолютистским национализмом романских и германских народов, то продолжение своего труда он намерен посвятить другому, «подлинному национализму».¹⁰

Вторая и третья часть трилогии Трубецкого вышли в сокращенном виде как статьи в уже упоминавшемся сборнике «Исход к Востоку». Подлинный национализм, по мысли автора, это такой национализм, которому чужды национальное тщеславие и нетерпимость по отношению к другим культурам. Преодоление стереотипов «ложного», западноевропейского национального мышления - залог гармонического сосуществования народов.¹¹ Эти рассуждения напоминают романтический национализм в Европе до революции 1848 года. Романтики рисовали картину грядущей гармонии наций, у которой был только один враг - европейские династии. Как известно, 1848 год и последующая эволюция национализма принесли большие разочарования.

Если Шпенглер предсказывал близкий конец фаустовской (западноевропейской) культуры и цивилизации, то для кн. Трубецкого конец гегемонии Европы был отнюдь не очевиден. На это отличие редко обращают внимание в литературе. Трубецкой опасался, что триумфальное шествие Европы в мире будет продолжаться и впредь, ибо народы все больше подпадают под коварное очарование европейской культуры.¹² Ни в духовном, ни в политическом, ни в экономическом отношении господство Европы не поколеблено. Даже большевистская Россия, по мнению Трубецкого, становится все более зависимой от Европы. Эту зависимость не могла бы устранить и мировая социалистическая революция, о которой мечтают большевики, пишет Трубецкой, ибо тогда Россия оказалась бы в колониальной зависимости от более «прогрессивных» социалистических стран Запада.¹³ Единственную возможность обрести самостоятельность автор «Европы и

¹⁰ N.S.Trubetskoy's Letters and Notes. Prepared for publication by Roman Jakobson. The Hague/Paris, 1975. P. 12-14.

¹¹ Трубецкой Н. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. С. 83.

¹² Trubetskoy's Letters. P. 14-16, 25.

¹³ В марте 1921 г. Трубецкой развивает эту мысль в письме Роману Якобсону: «Представьте себе на минуту, что красной армии удастся прорваться в Германию, и что в этой последней произойдет коммунистический переворот. Какие практические последствия будет иметь этот

человечества» видит в тесном сближении с освободительным движением колониальных стран. Будущее России, следовательно, не в том, чтобы возродиться в качестве европейской державы, а в том, чтобы возглавить всемирное антиевропейское движение.¹⁴

Здесь обнаруживается удивительное сходство взглядов Трубецкого с советской геополитической концепцией, какой она складывалась после революции: Россия - центральная сила, противостоящая капиталистическому Западу. В обоих случаях предполагалось, что колониальные народы будут рассматривать Россию как себе подобную, неевропейскую, угнетенную и поднимающуюся нацию, которая не хочет иметь ничего общего с эксплуататорской Европой. Это предположение оказалось ложным. Для большинства незападных стран Россия по-прежнему оставалась европейской имперской державой. Обнаружилось, что не так легко по-рвать с Европой, как это представлялось и большевикам, и Николаю Трубецкому.

В.

Отрицание роли России как европейской державы означало, что евразийцы внесли новый элемент в традиционную тему русской историософии - критику Запада. Этот новый элемент соответствовал революционному характеру эпохи. В старой России редко высказывались мнения подобного рода.

Более традиционными были обвинения в другом роде, например, тезис о западном эгоизме, о присущем европейскому человеку одностороннем и индивидуалистическом стремлении отстаивать собственные, личные права. Правовед Н.Алексеев подчеркивал, что борьбой за суверенные права личности пронизана вся европейская история.¹⁵ По мнению С.Бохан, начиная с XIX века этот эгоистический принцип распространился и на европейские нации, которые стали чем-то вроде исполинских индивидуумов, сражающихся за свои выгоды, свои права и прерогативы.¹⁶ Этому раздираемому распрями Западу идеологи евразийства противопоставляли гармонический образ Древней Руси, осененной православием. Основа православного мироустройства - не борьба личности за свои права, вообще не самодовлеющая личность, а братская любовь и солидарность людей,

---

факт? Ось мира немедленно переместится из Москвы в Берлин (...). Немцы создадут образцовое социалистическое государство, и Берлин сделается столицей все-европейской или даже всемирной «федеративной» советской республики. (...). Во всемирной советской республике господами будут немцы, вообще романо-германцы – а рабами – мы, т.е. все остальные. И степень рабства будет прямо-пропорциональна «культурному уровню», т.е. отдалению от романогерманского образца» (Trubetskoy's Letters. P. 15).

¹⁴ Трубецкой Н. Русская проблема // На путях. С. 302-306.

¹⁵ Алексеев Н. Обязанность и право // Евразийская хроника. 1928. № 10. С. 19-26.

¹⁶ Бохан С. К новой эпохе // Новая эпоха. С. 6.

утверждают евразйцы. Что и сообщало древнерусскому обществу беспримерную однородность.¹⁷

Нет надобности разьяснят, что такое идеализированное изображение Руси, почти слово в слово переписанное у славянофилов, при ближайшем рассмотрении оказывается несостоятельным. Напряженность социальных отношений и многочисленные крестьянские восстания в допетровской Руси указывают на то, что древнерусское общество ни в коей мере не было воплощением гармонического идеала. Тем не менее эти представления содержали определенную долю истины. Описанный идеал был важной составной частью политической доктрины Московской Руси. Это не могло не отразиться и на социально-политической деятельности. К восхвалению автономной личности, начавшемуся на Западе с наступлением Нового времени, в России с самого начала относились отрицательно, видя в этом выражение человеческой гордыни. Уравнение индивидуума и общества и проистекающие отсюда требования одиночки к обществу ради обретения все больших прав для себя воспринимались в России как нечто безнравственное. В России государственная власть никогда не отказывалась от прерогативы диктовать нравственные нормы обществу и отдельному человеку; свобода совести в западном смысле всегда была более или менее ущемлена. Здесь не мог развиваться независимый общественный плюрализм, ставший предпосылкой западного индивидуализма.

Этот приоритет государства с его притязаниями на улаживание всех социальных конфликтов и осуществление общественной гармонии сохранялся и в послепетровской, и, само собой разумеется, в послереволюционной России. Можно заметить, что представление о государстве как залоге всеобщей гармонии широко распространено в русском обществе и по сей день. Вот почему выступления против государства следует понимать не только как протест против государственного вмешательства во все сферы жизни. Очень часто они были вызваны тем, что государство не справлялось с этой задачей.

Г.

Вызов евразийства был встречен русской зарубежной общественностью по-разному. Представители старой интеллигенции, считавшие спор между западниками и славянофилами достоянием прошлого, крайне резко критиковали евразийцев. Полемика развернулась главным образом на страницах журналов «Путь» и «Современные записки» (Париж).

---

¹⁷ Шахматов М. Подвиг власти (Опыт по истории государственных идеалов в России) // Евразийский временник. 1923. № 3. С. 55-80; его же. Государство правды (Опыт по истории государственных идеалов в России) // Евразийский временник. 1925. № 4. С. 268-304; Сувчинский П. Страсти и опасности // Россия и латинство. С. 27-29.

Среди критиков евразийства нужно назвать в первую очередь авторов, продолжавших развивать в эмиграции идеи русского философско-религиозного ренессанса начала века. Федор Степун писал в 1924 г. в «Современных записках» о том, что нельзя представлять себе Европу и Азию в виде двух квартир, где попеременно проживает Россия; европеизм и азиатское начало - это две составные части сущности России. Ни одной из них мы не вправе пренебречь, ни от одной не в силах убежать.¹⁸ Николай Бердяев возражал против постулата, будто какая-либо культура, например, западная, может стать предпочтительным носителем зла. Христианство не допускает географического разделения добра и зла. С другой стороны, Бердяев упрекал евразийцев в недооценке универсальности православия. Евразийство в глазах Бердяева было проповедью культурного изоляционизма и партикуляризма.¹⁹

Не менее активно полемизировали с евразийцами и такие авторы, как литературовед Бицилли и богослов Флоровский; оба они вначале примыкали к евразийскому движению, но затем порвали с ним. К 1925 г. относятся выступления Бицилли против Льва Карсавина, одного из наиболее блестящих умов в лагере евразийства. Для Карсавина католицизм как одна из основ западного мирозерцания был своего рода ересью. В таком случае, возразил Бицилли, мы должны считать еретиками Франциска Ассизского и Паскаля.²⁰

Было бы, однако, странно, если бы радикальная антизападная программа евразийцев вызвала только негативные отклики. Вызов, брошенный западноевропейской цивилизации и культуре, прозвучал непосредственно после окончательного поражения белых армий. Это поражение противников большевистского режима многие эмигранты объясняли недостаточной поддержкой и непоследовательным поведением западных держав. Отношение союзников к участникам разбитого Белого движения, бежавшим за границу, оскорбляло русских.²¹ К этому нужно прибавить тяготы изгнания, унижительную нужду, трудности адаптации в чужой и не слишком благорасположенной среде. Понятно, что все это не могло не служить психологическим фоном для дебатов о России и Европе. Как заметил однажды Степун, заимствованные на Западе республиканские и социалистические идеи привели Россию к беспримерному унижению; пережив такой опыт, почти невозможно противостоять евразийским настроениям. Не будучи сторонником евразийства, Степун предсказывал ему большое будущее, полагая, что евразийские идеи отвечают духу времени. Но этот «дух», по мнению Степуна, всегда отстаёт

---

¹⁸ Степун. Евразийский временник. С. 405-406.

¹⁹ Бердяев Н. Евразийцы. С. 135-138.

²⁰ Бицилли П. Народное и человеческое (По поводу «Евразийского временника» кн. IV.) // Современные записки. 1925. № 25. С. 484-494.

²¹ См. Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью Йорк, 1956. С. 34-35; Пушкирев С. О русской эмиграции в Праге (1921-1945) // Новый журнал. 1983. № 151. С. 138-146; Rimscha. Rußland jenseits der Grenzen. P. 6-14.

от реальной действительности, поэтому евразийцы не замечают несостоятельности их учения.²²

Так или иначе, но евразийское движение не было чем-то случайным и чужеродным в русском Зарубежье двадцатых-тридцатых годов. Многие националистически настроенные группировки - сменовеховцы, младороссы и другие - были в том или ином отношении близки к евразийцам. Многие говорили о противостоянии Запада и Востока, о том, что русские призваны спасти мир от губительных западных влияний. Тем не менее центральный тезис евразийства был чужд большинству русских националистов: спасителем человечества должна была стать, по их убеждению, реальная русская нация, а не гипотетическая евразийская.

Д.

Что же касается истоков и причин революции, как их трактовали евразийцы, то тут точек соприкосновения с другими группами и течениями, особенно правого толка, было еще меньше. Правая эмиграция была убеждена, что революция есть не что иное, как результат заговора иностранных держав и «чужеродных элементов» внутри самой России.

Иначе смотрели на революционный катаклизм представители евразийства. Революция, с их точки зрения, воплотила в себе радикальный протест народа против того, что было создано Петром I, она была конечным следствием раскола нации, вызванного петровской реформой. Петр уничтожил фундамент, на котором покоилась внутренняя мощь России; ни одному из иностранных завоевателей еще не удавалось до такой степени разрушить национальную культуру и формировавшийся веками национальный уклад.²³

Георгий Флоровский писал в 1922 г., когда он еще принадлежал к евразийскому движению, что Петр I перенял европейские начала, оставшиеся непонятными народу, поэтому русская революция - это суд над послепетровской Россией.²⁴ Несколько позже Петр Сувчинский развил эту мысль: русские крестьяне с готовностью приняли большевистский лозунг непримиримой классовой борьбы не только потому, что хотели отобрать землю у помещиков; немалую роль сыграло стремление освободиться от чуждого и непонятного народу культурного слоя.²⁵

И здесь мы снова можем констатировать близость евразийства к революционному мировоззрению большевиков. Мы наблюдаем тот же прямолинейный детерминизм. Для большевиков Семнадцатый год - следствие феодально-капитали-

²² Степун. Евразийский временник. С. 400-401, 405.

²³ И.Р. (Трубецкой). Наследие. С. 35-39; Alexeiew N. Das russische Westlertum // Der russische Gedanke. 1929/30. № 1. P. 149-162.

²⁴ Флоровский Г. О патриотизме праведном и греховном // На путях. С. 230-293.

²⁵ Сувчинский П. Идеи и методы // Евразийский временник. 1925. № 4. С. 24-65.

стической эксплуатации, для евразийцев - результат насильственной европеизации страны. Как и большевики, евразийцы свято верили в закономерность исторического процесса. И те, и другие считали революцию неизбежной.

В сущности, «петербургская» Россия была обречена - вот тезис евразийцев. Эти авторы почти не упоминают о попытках преодолеть внутренние противоречия мирным эволюционным путем, например, о реформах Александра II. Вера в исторический детерминизм придавала их настроениям привкус фатальности:

чему быть, того не миновать. Против такой безучастной манеры рассмотрения событий выступил в 1927 г. В. Руднев, один из лидеров партии социалистов-революционеров, писавший о том, что у евразийцев не видно и следа возмущения красным террором, их интересует в большевизме лишь способность управлять государством.²⁶

Вместе с тем такой подход к революции и советскому режиму вызывал не только протест. Нужно сказать, что в этом смысле евразийство не так уж сильно отличалось от позиции некоторых своих оппонентов, таких, как Бердяев, Степун, Георгий Федотов и другие. И Федотов, и Бердяев рассматривали революцию тоже как закономерное следствие раскола, произведенного в России реформами Петра. В 1924 г. Бердяев говорил (повторяя многих), что пропасть между высшим слоем и простым народом в России велика, как ни в одной другой стране. По словам Федотова, со времен Петра народ в России перестал понимать свое собственное государство, его политические цели, его идеологию.²⁷ Владимир Вейдле, в целом занимавший позицию, противоположную евразийству, сравнивал изгнание и уничтожение европеизированного высшего слоя после революции с изгнанием варягов из Руси.²⁸ Однако несмотря на критику некоторых аспектов европеизации, эти авторы, в отличие от евразийцев, все-таки считали петровские реформы единственно возможным путем развития России. Сближение с Западом уберегло русскую культуру от полного застоя; без импульсов с Запада были бы немислимы культурные достижения России XIX столетия.²⁹

Анализируя русскую революцию, евразийцы подчеркивали, что она не ограничилась спонтанным протестом народных слоев против творения Петра. Парадоксальным образом это народное восстание соединилось с движением, стремящимся продолжить петровский замысел. Ведь большевики ставили своей целью превратить отсталую Россию в передовое индустриальное государство.³⁰ Однако решающее значение для успеха большевиков имели, по мнению евразийцев, не их

²⁶ Руднев В. Евразийство // Современные записки. 1927. № 30. С. 583-592.

²⁷ См. Berdjaev N. Das Neue Mittelalter. Betrachtungen über das Schicksal Rußlands und Europas. Tübingen, 1950. P. 80; Федотов, Г. Революция идет // Современные записки. 1929. № 39. С. 306-359.

²⁸ Вейдле. Задача России. С. 81.

²⁹ См. Федотов. Революция идет. С. 310.

³⁰ И.Р. (Трубецкой). Наследие. С. 48-54; Трубецкой Н. Мы и другие // Евразийский временник. 1925. № 4. С. 6-81; Евразийство // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 3-14.

далеко идущие абстрактные цели, а их ненависть к существующему порядку и дворянству. Это чувство полностью разделяли низшие слои населения.³¹

Исход революции и гражданской войны евразийцы рассматривали как компромисс между большевиками и русским народом. Народ принял единовластие большевиков, а большевики в значительной мере отказались от своих утопических планов. Революция, задуманная большевиками как путь к окончательной европеизации России, привела к ее деевропеизации.³² Из двух сил, совершивших революцию, русский народ возобладавал, это он навязал свою волю большевикам, а не наоборот. В особо заостренной форме эта мысль выступает в программном труде нескольких авторов «Евразийство» (1926). Там говорится, что русский народ воспользовался большевизмом, чтобы спасти территориальную целостность и возродить политическую мощь своей страны.³³

Не следует забывать, что эти высказывания относятся ко времени нэпа. «Временное отступление», как называл его Ленин, заставило евразийцев, да и другие группы эмигрантов, усомниться в силе большевистского режима. Отсюда и тезис о том, что режим является инструментом в руках «народа». Народ, рассуждал В.Львов, один из представителей евразийства, укрепляется в сознании своей собственной силы с тех пор, как он добился у правительства экономических уступок; слабость правительства придает отваги оппозиционным силам, идут поиски альтернатив большевизму. Не настало ли время для евразийцев предложить свою программу в качестве такой альтернативы?³⁴

е.

Смелость, с которой евразийство обрушилось на многие правые и левые стереотипы мышления, непочтительность по отношению к священным традициям, блеск и натиск - все это делает понятным его первоначальный успех. То обстоятельство, что евразийцам приходилось сражаться сразу на нескольких фронтах, подводит нас к вопросу, какое место это течение занимало в идейно-политическом спектре тогдашней Европы.

Многих шокировало относительно терпимое отношение евразийцев к большевикам. Не зря Трубецкой иронизировал над критиками евразийства, определявшими его как синтез славянофильства и большевизма.³⁵ Как подчеркивал Степун, евразийцы не только видят в большевизме некоторые положительные стороны, противопоставляя его западному либерализму, но подчас идут в своем осуж-

³¹ Евразийство (1926). С. 6; Сувчинский. Идеи и методы. С. 26, 31.

³² Евразийство (1926). С. 48-49, 59-61.

³³ Там же. С. 6; см. также Сувчинский П. К познанию современности // Евразийский временник. 1927. № 5. С. 7-27.

³⁴ Львов. О современной России // Евразийская хроника. 1926. № 5. С. 45-55.

³⁵ Трубецкой. Мы и другие. С. 76; см. также Флоровский Г. Окамененное бесчувствие (По поводу полемики против евразийства) // Путь. 1926. № 2. С. 128-133.

дении европейских демократических институтов еще дальше. Впрочем, продолжает Степун, критическое отношение к демократии - европейское явление: например, немецкая молодежь так же не признавала демократического президента веймарской Германии, как евразийцы - Керенского.³⁶ Член партии конституционных демократов И. Гессен утверждал, что евразийцы начинали скорее как правое движение, а затем все ближе сходились с ленинизмом. Кроме того, Гессен и некоторые другие привлекали для сравнения итальянский фашизм, триумфальное шествие которого завершилось захватом власти и установлением диктатуры Муссолини в 1922-1925 годах³⁷ (в русских кругах было немало поклонников Дуче). По мнению Степуна, с итальянскими чернорубашечниками евразийцев сближает националистический и антидемократический дух, а также особого рода элитарная спесь; и те, и другие отвергают недавнее прошлое своих стран во имя великого наследия более древнего прошлого; и тем, и другим присущи имперские, геополитические амбиции.³⁸

Нужно сказать, что сами евразийцы не отрицали своего идейного родства ни с большевиками, ни с итальянскими фашистами. Об этом писал, в частности, и сам Ник. Трубецкой. В упомянутом выше коллективном труде «Евразийство» фашизм оценивался положительно - как попытка создать устойчивый противовес парламентарно-демократической системе. Фашистская революция, по мнению Трубецкого, уступает по своему историческому значению только революции большевиков в России. Оба государства, советское и итальянское, отвечают духу времени; демократия - реликт ушедшей либерально-позитивистской эпохи.³⁹

Яснее других евразийцы видели особую, ни с чем прежним не сравнимую роль идеологии в фашистском и коммунистическом государствах. Это и есть признак новой исторической эпохи: только великие идеи, пронизывающие все сферы жизни, выведут мир из современного кризиса. Идеи эти воплощаются в новую форму власти, которую евразийцы называли идеократией.

Относясь с уважением к большевизму и фашизму, идеологи евразийства не считали, однако, эти режимы «подлинными идеократиями». Политическая философия фашизма была, с их точки зрения, эклектичной. Содержание этой философии сводилось к прославлению итальянской нации; более глубокой, духовной укорененности евразийцы в этой апологетике не находили. Фашизму не удалось создать контридеологию, способную конкурировать с большевистской.⁴⁰ Большевизм же, в свою очередь, не сумел создать подлинной альтернативы идеям, гос-

³⁶ Степун. Евразийский временник. С. 403-404.

³⁷ Гессен И. Евразийство // Современные записки. 1925. № 25. С. 499; см. также Бердяев. Евразийцы. С. 134.

³⁸ Степун. Евразийский временник. С. 404.

³⁹ Евразийство (1926). С. 52, 56; Алексеев. Теория. С. 10; Карсавин Л. // Евразийская хроника. 1927. № 8. С. 53; Трубецкой Н. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. 1927. № 8. С. 3-9.

⁴⁰ Трубецкой. О государственном строе. С. 7; Евразийство (1926). С. 52; Карсавин Л. Феноменология революции // Евразийский временник. 1927. № 5. С. 28-74; Садовский Я. Из дневника «Евразийца» // Евразийский временник. 1925. № 4. С. 378-405.

подствующим на Западе: так называемая пролетарская культура на деле является примитивным подражанием западной буржуазной культуре, и вообще большевики рассматривают Россию всего лишь как экспериментальное поле для осуществления европейских идей.⁴¹ По Трубецкому, до 1917 года русские самодержцы защищали консервативные и монархические силы во всей Европе, теперь большевики защищают и поддерживают европейские коммунистические партии. Это означает, что правители России, как и прежде, втягивают Россию в ненужные конфликты. На самом деле, разъяснял Трубецкой, у России нет ничего общего с политическими силами Запада, независимо от их окраски.⁴² Другой упрек большевикам был тот, что хотя они и спасли от распада российскую империю, они не в состоянии обеспечить единство страны на длительное время. Гарантом российского единства на протяжении веков был, по Трубецкому, русский народ, он остается им и теперь, но растущее национальное сознание нерусских народов России делает непрочным монопольное положение русских. В этой связи Трубецкой критиковал русских шовинистов: не допуская компромисса с другими народами России, они ставят на карту прочность империи. Это может привести к сокращению российского государства до великорусского ядра.

Время единовластного господства русских в России, писал Трубецкой, уже ушло, и ушло безвозвратно, большевики хорошо это поняли. Они нашли даже нового носителя российского единства: вместо русского народа - пролетариат. Но это лишь кажущееся решение вопроса. «Классовый подход» разжигает классовую ненависть и в конечном счете подрывает единство России. Не говоря уже о том, что национальные чувства рабочих, как полагал Трубецкой, куда сильнее их классовой солидарности. Если Россия хочет оставаться единым государством, она должна найти нового идеолога и носителя своего единства. Таковым должно стать евразийство, ставящее во главу угла то, что близко и понятно всем народам России-Евразии.⁴³

ж.

В этом состояло великое самообольщение евразийцев: им казалось, что евразийское движение способно сменить большевизм. Но как достичь этой цели? Вооруженную борьбу против советского режима, на чем в двадцатых годах продолжали настаивать многие эмигрантские писатели и группы, евразийцы отвергли.

---

⁴¹ Трубецкой. Мы и другие. С. 78-80; И.Р. (Трубецкой). Наследие. С. 48-50; Евразийство // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 5; Флоровский. Окамененное бесчувствие. С. 131; Карсавин Л. Ответ на статью Н.А. Бердяева об «Евразийцах» // Путь. 1926. № 2. С. 124-127; Алексеев Н. Евразийство и марксизм // Евразийский сборник. 1929. № 6. С. 12-13; Савицкий П. Разрушающие свою родину (Снос памятников искусства и распродажа музеев СССР). Берлин, 1935. С. 14-16, 20-21.

⁴² И.Р. (Трубецкой). С. 48-49.

⁴³ Трубецкой Н. Общевразийский национализм // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 24-30.

Опыт гражданской войны убеждал их в том, что большевизм нельзя устранить силой оружия; евразийцы видели в нем выразителя воли народа. Нет, говорили они, преодоление большевизма возможно и необходимо путем эволюционного обновительного процесса, постепенного воздействия изнутри. Это не значит «приспособиться» к большевизму, как предлагали, например, сменовеховцы. В противоположность сменовеховцам, евразийцы рассматривали себя не как союзников, а как конкурентов большевизма. Дело дошло до того, что Н.Чхеидзе в 1929 г. выразил надежду на превращение ВКП(б) в партию евразийцев.⁴⁴ И он был не одинок.⁴⁵ Все это показывает, как далеки были евразийские философы и политики от понимания природы советской тоталитарной власти, природы тоталитарных партий и режимов вообще, насколько эти идеологи недооценивали способность тоталитарного режима истреблять вокруг себя все «подрывные элементы», всякую тень инакомыслия.

Политическая наивность евразийцев лучше всяких доводов говорит о том, что у них не было, в сущности, ничего общего с большевиками или фашистами, от лично владевшими техникой современной неограниченной власти. Значительно больше точек соприкосновения обнаруживается у евразийцев с другими «идеократическими» течениями, которые возникли между двумя мировыми войнами и точно так же провозглашали максималистские идеи, вполне пренебрегая вопросом о власти. Особенно поразительно сходство евразийства с так называемой *консервативной революцией*, которая сыграла немалую роль в разрушении возникшей после Первой мировой войны Веймарской республики.⁴⁶

С этим политическим течением, противопоставившим себя либерализму и демократии и представленным несколькими блестящими именами (Освальд Шпенглер, Эрнст Юнгер, Артур Меллер ван ден Брук), евразийцев сближала прежде всего стратегическая идея - овладеть изнутри тоталитарной партией, с тем чтобы привлечь ее приверженцев к осуществлению своих собственных це-

---

⁴⁴ Чхеидзе К. Евразийство и ВКП (б) // Евразийский сборник. 1929. № 6. С. 38-40.

⁴⁵ См. Сувчинский. Идеи и методы. С. 61-63; Савицкий П. О внепартийности // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 10; Евразийство // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 10; Трубецкой. Общевразийский национализм. С. 28-30; Алексеев Н. Евразийцы и государство // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 31-39.

⁴⁶ См. на эту тему Klemperer K. v. Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, 1962; Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1968; idem. Der Tatkreis // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1958. Vol. 6. P. 229-260; Stern F. Kulturpessimismus als politische Gefahr. Bern, 1963; Stern J.P. Der Führer und sein Volk. München, 1978; Schüddekopf O.E. Linke Leute von rechts. Die nationalrevolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik. Stuttgart, 1960; Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland. Grundriß ihrer Weltanschauung. Stuttgart, 1950; Gay P. Die Republik der Außenseiter. Geist und Kultur in der Weimarer Zeit 1918-1933. Frankfurt/Main, 1970; Rauschning H. The Conservative Revolution. N.Y., 1941; Kuhn H. Das geistige Gesicht der Weimarer Zeit // Zeitschrift für Politik. 1961. Vol. 8. P. 1-10; Hecker H. «Die Tat» und ihr Osteuropa-Bild 1909-1939. Köln, 1974.

лей.⁴⁷ Вообще отношение евразийцев к большевизму очень напоминает позицию идеологов «консервативной революции» по отношению к национал-социализму.

Определенный параллелизм заметен в политической структуре обоих движений. Оба течения носили подчеркнуто элитарный, «аристократический» характер; оба основывались на вере во всемогущество идей. Евразиец Савицкий писал в 1923 году о том, что народы будут управляться идеями, а не учреждениями, что коммунизм можно преодолеть лишь при помощи другой, еще более высокой и всеобъемлющей идеи.⁴⁸ Подобные высказывания о власти идей могли бы принадлежать таким ведущим представителям «консервативной революции», как Ганс Церер, Меллер ван ден Брук или Эдгар Юнг, убитый в 1934 г. во время путча Рема. Так же как немецкая «консервативная революция», движение евразийцев было восстанием молодежи против идей и целей старшего поколения. Ко времени возникновения евразийского движения Трубецкому было всего 30 лет, Савицкий и Сувчинский были еще моложе. И в обоих случаях - как у немцев, так и у русских - восстание молодых принимало неожиданные, нетрадиционные формы. В XIX веке было обычным делом, что сыновья оказывались левее отцов. После событий 1917-18 гг. это правило не соблюдалось. Теперь сыновья нередко правее своих отцов - либералов или умеренных консерваторов. На это обстоятельство указывал Трубецкой, одновременно подчеркивая, что речь идет отнюдь не о реставрации, не о тоске по старине. Нужны новые пути, ибо традиционные идеологии потерпели фиаско. Новые идеологии, писал Трубецкой, в действительности ни левые, ни правые, ибо они находятся в иной плоскости отчета. Радикально новое есть не что иное, как обновление глубокой древности, другими словами, новая идеология ориентирована не на вчерашний день.⁴⁹ Евразийцы отвергают петербургскую Россию во имя Святой Руси.

Тут видна аналогия с некоторыми группировками «консервативной революции», которые отвергали Вильгельмовскую Германию во имя средневекового рейха.⁵⁰

Правые лишь по недоразумению считают евразийцев своими союзниками, утверждал Трубецкой. Их идеал - бюрократическая империя Николая I или Александра III, а это ничего общего с евразийством не имеет.⁵¹

Время расцвета евразийства - это одновременно и время расцвета идей «консервативной революции»: двадцатые годы. Только что закончившаяся мировая война была событием, в котором консервативные революционеры видели начало

⁴⁷ См. Zehrer H. Die Frühjahrsoffensive // Die Tat. April 1932. P. 1-14; idem. Das Ende der Parteien / Die Tat. April 1932. P. 68-79; idem. Die Dritte Front // Die Tat. Mai 1932. P. 97-120; Rauschnig. The Conservative Revolution. P. 38-40.

⁴⁸ Савицкий. Подданство идеи. С. 9-10; см. также Алексеев. Теория. С. 85; Логовиков П. Власть организационной идеи // Тридцатые годы. С. 129-134.

⁴⁹ Трубецкой Н. У дверей реакция? Революция? // Евразийский временник. 1923. № 3. С. 18-29.

⁵⁰ См. Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Berlin, 1923. P. 5-7, 178-179; idem. Der politische Mensch. Breslau, 1933. P. 29, 32-43, 110-112, 121-122; Eschmann E.W. Vom Sinn der Revolution. Jena, 1934.

⁵¹ Трубецкой. Мы и другие. С. 70-71.

новой великой эпохи. От войны они ожидали радикального обновления общества, возможность начать все заново. Для евразийцев же роль мировой войны сыграла русская революция. В двадцатых годах национал-социалистическая диктатура еще не обозначилась на политическом горизонте, сталинская диктатура только начала вырисовываться. Ни в России, ни в Германии политическая реальность еще не успела принять отчетливый тоталитарный облик, еще казалась «экспериментальной». Это был звездный час идеократических движений, стремившихся изменить мир с помощью идей, а не громоздких и неповоротливых бюрократических аппаратов или трудно контролируемых движений.

3.

Конечно, между евразийством и «консервативной революцией» существовали немалые различия. Например, в учении евразийцев очень важное место занимала религия. Трубецкой и его последователи стремились не только к восстановлению национального величия России, но и к религиозному обновлению. Для большинства же консервативных революционеров в Германии религия почти не имела значения. Чувство уязвленного национального самолюбия - вот что доминировало в их политическом мировоззрении и отодвигало на второй план все другие духовные вопросы. По-разному относились евразийцы и консервативные революционеры к насилию. Хотя евразийцы считали революцию и гражданскую войну неизбежными, они, несомненно, были далеки от того, чтобы благословлять насилие и войну. У евразийцев почти не встречается эстетизация насилия, типичная для многих идеологов консервативной революции.⁵² Наконец, евразийцы, в противоположность консервативно-революционным группировкам, действовали вне пределов своей страны, их проповедь никак не влияла на ее развитие. Правда, евразийцы придавали большое значение тому, чтобы их не воспринимали как «обычную» эмигрантскую организацию. Они внимательно следили за развитием событий внутри Советского Союза, им даже казалось, что их идеи находят отклик.⁵³

Желание участвовать в политическом развитии новой России было у некоторых евразийцев настолько сильным, что они впадали в тот же соблазн, за который сами еще в середине 20-х годов порицали сменовеховцев. Их отношение к большевистскому режиму становилось все менее критическим. По этому вопросу возникли резкие разногласия, которые в 1929 году привели к расколу движения. В Париже возникло просоветское крыло евразийцев под руководством

---

⁵² См. Jünger E. *Der Kampf als inneres Erlebnis*. Berlin, 1933.

⁵³ См. Письмо из России // Евразийская хроника. 1926. № 6. С. 3-5; Стрельцов Л. Письмо из России (XV партконференция и Евразийцы) // Евразийская хроника. 1927. № 7. С. 3-5; Ширяев Б. Наднациональное государство на территории Евразии // Евразийская хроника. 1927. № 7. С. 6-12; Евразийство (формулировка 1927г.) // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 3-14.

С.Эфрона и Дм.Святополк-Мирского, объединившееся вокруг журнала «Евразия».⁵⁴

Когда в начале 30-х годов в СССР развернулись индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, евразийцы были очарованы гигантским размахом этих преобразований.⁵⁵ Евразиец Пейль писал в 1933 году о триумфе новой эпохи централизованной плановой экономики, пришедшей на смену устарелому хаотическому ведению хозяйства.⁵⁶ Для Савицкого это означало конец подражания Западу. В России возникла грандиозная общественно-экономическая модель, которая в конце концов завоюет Запад.⁵⁷ (Стоит сравнить с этим «тотальную мобилизацию» и грезы о государстве рабочих и воинов Эрнста Юнгера.)

Кончились двадцатые годы, кончилось и время идеологических экспериментов. Кончилась и юность самих евразийцев. Их претензии, как и претензии консервативных революционеров, повлиять «изнутри» на сталинский госпр. нацистский режим обнаружили свою утопичность. Слепое послушание и безоговорочное принесение себя в жертву тоталитарному государству были принципами, на которых строились эти режимы. Таким политическим силам, как евразийцы или консервативные революционеры, там не было места. Вскоре после окончательной победы Сталина и Гитлера оба движения распались.

и.

Тем самым мы ответили на вопрос о причинах крушения евразийского движения: это крушение было связано с триумфом тоталитарных диктатур - сталинской и (косвенно) нацистской. Другая причина состоит в том, что евразийцы пропагандировали содружество народов в то время, когда шовинистические настроения во всей Европе росли и достигли небывалой интенсивности. Евразийцы резко выступали против национального партикуляризма и сепаратизма отдельных народов бывшей царской империи, расхваливали духовные, экономические и политические преимущества объединенной «Евразии», между тем как в самой эмиграции представители нерусских народов России видели в этом (и, может

---

⁵⁴ См. Böss. Die Lehre. P. 118-123; Utechin. Geschichte. P. 244-245; Струве. Русская литература. С. 46-47; Пушкирев. О русской эмиграции. С. 144; Гессен. Годы изгнания. С. 201-203; В конце 30-ых годов Дм. Святополк-Мирский и С. Эфрон вернулись в Россию, где стали жертвами сталинского террора (См. Струве. Русская литература. С. 73-77; его же. Кн. Д.П.Святополк-Мирский о П.Б. Струве // Вестник РСХД. 1979. № 130. С. 232-236).

⁵⁵ Евразийство. Декларация, Формулировка, Тезисы. Издание Евразийцев, 1932. С. 16-17; Савицкий П. Очередные вопросы экономики Евразии // Новая эпоха. С. 10-15; Тридцатые годы. С. II.

⁵⁶ Пейль В. За идеократию и план // Новая эпоха. С. 3-5.

⁵⁷ Савицкий. Очередные вопросы. С. 11-12.

быть, не без основания) лишь новую форму русского великодержавия.⁵⁸ Тщетно князь Трубецкой атаковал великорусский шовинизм:⁵⁹ национализм в русском За-рубье лишь усиливался на протяжении десятилетия, о котором идет речь, не говоря уже о том, что для большинства евразийцев само собой подразумевалось, что роль гегемона в евразийской федерации возьмет на себя русский народ.⁶⁰ Что же касается резонанса, который евразийская идеология могла бы получить в Советской России, то о нем всерьез говорить не приходится: страна все более отгораживалась от проникновения каких бы то ни было идей, исходящих от Зарубежья.

С другой стороны, неудача евразийцев была обусловлена и тем простым обстоятельством, что их учение оказалось чересчур сложным для большинства русской эмигрантской молодежи, к которой они в первую очередь апеллировали. Евразийство осталось концепцией философов и ученых, в движении не было достаточного количества политических агитаторов, которые бы распространяли и популяризировали эту концепцию. Чтобы понять масштабы евразийской историософии и философии культуры, требовалось некоторое интеллектуальное напряжение. Между тем евразийцы выступили в эпоху господства идеологического упрощенчества. В борьбе за влияние на эмигрантскую молодежь они уступили более напористым группам с менее притязательной идеологией - таким, например, как младороссы под руководством Казем-бека или, в тридцатых годах Национальный союз молодого поколения (будущий НТС).

Сходство между евразийцами и немецкими консервативными революционерами показывает, что несмотря на отрицание Запада, идеологические и политические установки евразийства соответствовали определенным западным явлениям. Идеи евразийцев были симптомом не только российского, но и общеевропейского кризиса. Да и сами евразийцы по своим духовным устремлениям были значительно ближе к западным европейцам, чем к своим соотечественникам. Большинству тогдашней советской интеллигенции, независимо от того, знала она или нет о существовании евразийства, были вполне чужды порывы и апелляции к «святой Руси», поиски утерянных корней и т.д. В двадцатые годы в России безраздельно господствовали оптимистические взгляды на будущее, вера в науку, преклонение перед техникой. Культур-пессимизм евразийства отражал, по сути дела, скорее западноевропейские, чем внутрироссийские процессы и умонастроения. Это же можно сказать о критике парламентарной демократии: и здесь евразийцы опирались не на русский, а на западноевропейский опыт.

---

⁵⁸ Евразийство (1926). С. 53-54; Трубецкой. Общевразийский национализм. С. 29-30; его же. К украинской проблеме // Евразийский временник. 1927. № 5. С. 165-184; Алексеев Н. Советский федерализм // Евразийский временник. 1927. № 5. С. 240-261.

⁵⁹ Трубецкой. Общевразийский национализм. С. 24-26; его же. О расизме // Trubetskoy's Letters. P. 467-474.

⁶⁰ См. Садовский Я. Оппонентам евразийства // Евразийский временник. 1924. № 3. С. 163-164; Riasanovsky. The Emergence. P. 57.

Вопреки ожиданиям евразийцев, послереволюционная Россия в культурном отношении обратилась вовсе не к Востоку, но по крайней мере отчасти опиралась на культурные ценности, созданные в петербургский период, и прежде всего на русский XIX век. Таким образом, тезис евразийцев о неотразимой притягательности западной культуры подтверждает свою правоту: вопреки пророчествам о закате Европы, победоносное шествие европейских идей продолжается по сей день.

Авторизованный перевод с немецкого И. Бурихина

Заметки о «революционно-традиционалистской» культурной модели «евразийцев».

а.

Евразийское движение, которое в 1921 году громко заявило о себе своим программным сборником *Исход к Востоку*¹, призвало русское образованное сословие пересмотреть свои традиционные мировоззренческие установки. Этим оно может быть в известной степени сопоставлено с появившимся двенадцатью годами ранее сборником *Вехи*². Авторы *Вех* тоже пытались своим настоятельным призывом убедить российскую интеллигенцию в том, что путь, который прошли несколько ее поколений, вел в тупик. Но этим, по сути, и исчерпывается сходство обоих сборников, которые принадлежат к важнейшим памятникам русской истории идей в 20 столетии. *Вехи* появились как бы в последнюю минуту, незадолго до русской катастрофы, которую — как возможность — предвидели авторы *Вех* и которую они пытались предотвратить своей беспощадной критикой традиционного мировоззрения интеллигенции. Основатели евразийского движения, напротив, были уже свидетелями катастрофы, из которой они пытались извлечь определенные выводы. Выводы, вызвавшие в российском обществе бурю возмущений, которую вполне можно было бы сравнить со страстной полемикой вокруг основных тезисов сборника *Вехи*.

В отличие от подавляющего большинства побежденных и принужденных к бегству противников большевиков евразийцы попытались найти в русском Апокалипсисе (В. Розанов) также и положительные стороны. Этот Апокалипсис, по их мнению, выявил хрупкость и искусственность петербургской государственной и культурной модели и показал, что российский путь развития с начала петровского эксперимента был тупиковым.

В то время как авторы *Вех* в своих появившихся после 1917 года трудах объясняли русскую трагедию прежде всего революционным соблазном интеллигенции, который на рубеже веков распространился также и на нижние слои общества, евразийцы видели главную причину распада России в европейском соблазне российского образованного сословия. На первый взгляд могло показаться, что они тем самым возвращались к старому российскому спору западников и славянофилов, который к началу 20 столетия уже считался преодоленным. Александр Блок писал в 1908 году о «"варварской" распре между славянофилами и западниками — распре исключительно русской и для европейца непонятной и неинтересной»³. Когда Блок писал эти слова, этот спор, с тридцатых годов 19 столетия

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.

² Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции, 2 изд. Москва, 1909.

³ Блок А. Собрание сочинений. Т. 5. Москва-Ленинград, 1962. С. 332.

проходивший красной нитью через российскую историю идей, действительно казался устаревшим. Интеллектуальная элита России была на рубеже веков — в такой же степени как и западный образованный слой — охвачена декадентскими настроениями, чувством завершения исторической эпохи, русский авангард был тогда одной из важнейших составных частей европейского художественного модерна. Различия между Востоком и Западом не считались более непреодолимыми. Ведущие представители философско-религиозного ренессанса, начавшегося на рубеже веков, прежде всего авторы *Vex*, показали, что своеобразие православия вполне может гармонировать с ценностными представлениями западной культуры, что обе части христианской ойкумены не могут обойтись друг без друга.

Революция 1917 года и вызванная ею гражданская война поначалу не привели к возрождению старой полемики между критиками и апологетами Запада. Тогда фронты пролегли совершенно иначе. Ни «красных», ни «белых» в общем, нельзя было назвать противниками западной культуры как таковой. Обе стороны вдохновлялись западными идеями — в одном случае, марксизмом, в другом - национализмом. Это был, по сути, внутривосточный спор на российской почве. Лишь евразийцы с их резкими нападками на всю западную культуру в целом поставили новые акценты во внутривосточном споре. Но восходили ли при этом идеи евразийцев к идеям славянофилов и панславистов, как полагали некоторые из их критиков, например, Бердяев, видевший в евразийстве лишь нечто эпигонское и малооригинальное?⁴ Надо отметить, что эти критики проглядели непреодолимую, по сути, пропасть между евразийцами и их, якобы, предшественниками. Потому что в противовес славянофильским и панславистским течениям 19 столетия в случае евразийцев речь идет не о консервативном или консервативно-либеральном, а о революционном движении. Оно приветствовало важнейшие результаты русской революции, которые, на взгляд евразийцев, состояли в том, что была устранена пропасть между европеизированным образованным сословием и народными слоями, которые все еще жили идеями допетровской России. То, что устранение этой пропасти последовало как результат уничтожения или изгнания большей части представителей высшего сословия, что в России, по словам Владимира Вейдле, произошло своего рода «изгнание варягов»⁵, евразийцев не смущало. Хотя евразийцы сами, как представители образованного сословия, были затронуты этим «изгнанием варягов», они считали этот процесс неизбежным. По их мнению, этим был положен конец своего рода двойному отчуждению, в котором Россия жила со времени петровских преобразований: отчуждению народных слоев от их собственного государства и отчуждению образованного сословия от собственной традиции. Евразийцы считали, что в результате восприятия западной культурной модели российское высшее сословие отказалось от центральной идеи, на которой базировалась политическая культура России, больше того: ее

⁴ Бердяев Н. Евразийцы//Путь, 1/1925. С. 134-139.

⁵ Вейдле В. Задача России New York, 1956. С. 81.

идентичность как таковая, — от религиозно инспирированной идеи избранности святой Руси и московского царства. После Петра эта идея считалась «варварской», «азиатской». Отныне лишь западная культура наделялась теми атрибутами, которые прежде применялись к «Москве — третьему Риму»⁶.

Евразийцы подчеркивали: вера западноевропейцев в то, что именно их культура и есть вообще культура, что приобщение неевропейцев к «цивилизации» может последовать только через принятие ими европейских ценностей, начиная с Петра разделялась и русским образованным сословием. Правда, с течением времени произошел раскол между господствующей бюрократией и некоторыми оппозиционно настроенными кругами общественности. Однако ни одна из конфликтующих партий, за исключением небольших славянофильских кружков, не подвергла сомнению смысл европеизации⁷. Напротив, оппозиция упрекала правительство в том, что европеизация страны проводится недостаточно быстро и последовательно. Для обоих противников было невозможно представить мышление вне западной системы координат. Каковы были следствия перенятия чуждых ценностных представлений и широкомасштабного отчуждения от собственной культуры, описал один из основателей евразийского движения, князь Николай Трубецкой в своей книге *Европа и человечество* (1920), которая может быть охарактеризована как своего рода «Коммунистический манифест» евразийского движения. Согласно «евразийскому Карлу Марксу», культурная работа неевропейских народов лишь тогда получает признание европейцев, когда она полностью соответствует европейским масштабам. Понятно, однако, что европейские народы, живущие в своей собственной культурной среде, продуктивнее европеизированных неевропейцев. Отсюда постоянное чувство своей отсталости, свойственное неевропейцам, их подавленность комплексом собственной неполноценности. «Отсталость» — это «роковой закон» народов, которые вступают на путь европеизации⁸.

б.

Своей беспощадной критикой петровского эксперимента евразийцы затронули крайне болезненный пункт петербургской России. В ней и на самом деле — несмотря на ее беспримерный культурный расцвет — было что-то хрупкое и искусственное. Она в слишком большой степени была результатом волевого усилия и

---

⁶ Ср. Савицкий П. Поворот к востоку// Исход к Востоку. С. 1-3; Трубецкой Н. Об истинном и ложном национализме//там же. С. 71-85; Трубецкой Н. Верхи и низы русской культуры// там же. С. 86-103; Флоровский Г. О патриотизме праведном и греховном//На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Москва-Берлин, 1922. С. 231-292; Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 29 и сл.

⁷ Трубецкой Н. Мы и другие//Евразийский временник. Книга четвертая. Берлин, 1925. С. 67-81.

⁸ Трубецкой Н. Европа и человечество//Трубецкой Н. История, Культура, Язык, М., 1995. С.94 и сл.

мыслительной конструкции без глубокого укоренения в родной почве. Когда Достоевский описывал призрачную недействительность Петербурга, его исчезновение в тумане, он передавал основное чувство многих представителей русской элиты. Отсюда его отчаянный призыв к русской интеллигенции, к отчужденным от собственной традиции скитальцам, слиться с народом: «"Смирись, гордый человек, и прежде всего, сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве". Вот это решение по народной правде и народному разуму»⁹.

Не без влияния Достоевского русское православие — важнейший элемент, связующий верхи и низы — раскрылось в новом блеске для части русской интеллигенции на рубеже веков. Она освободилась от наивной веры в науку и прогресс, от революционного утопизма. Но это не привело к преодолению разрыва между образованным сословием и простым народом. Как объясняют евразийцы это положение вещей? Один из основателей евразийского движения, Петр Сувчинский, упрекает интеллигентов, вновь открывших к началу 20 века религиозную проблематику, в чрезмерной элитарности. Они пользовались лексикой совершенно непонятной народу. Так как их религиозность была лишена корней, она приобретала декадентские и мистические черты. Неукорененная духовность призрачна, она не в состоянии захватить массы и принципиально изменить действительность¹⁰. Для евразийцев русское православие отличалось от западного христианства в первую очередь тем, что в нем на первом месте стояли ритуал и религиозный быт, а не теологический диспут. Пренебрежение этим глубоко укорененным в народе восприятием религиозности с самого начала исключало слияние с нижними слоями. Пропась между верхами и низами сохранилась. Так у петербургской России до последнего момента недоставало солидного фундамента, ее распад был запрограммирован¹¹.

Жалобы многих представителей российской элиты на почти непреодолимую пропасть между интеллигенцией и народом вроде бы подтверждают диагноз евразийцев. Достаточно одного примера. Так, Александр Блок писал в ноябре 1908 года следующее о Максиме Горьком, который для Блока воплощал народную душу: «Страшно и непонятно интеллигентам то, что он [Горький] любит и как он любит. Любит он ту же Россию, которую любим и мы, но иной и непонятной любовью. Его герои [...] чужие нам; это - молчаливые люди 'себе на уме', с усмешкой, сулящей неизвестное»¹².

Однако, можно ли на самом деле объяснить глубочайшую пропасть между народными слоями и интеллигенцией в преддверии революции прежде всего тем,

---

⁹ Достоевский Ф. Дневник писателя за 1877 год. Paris, YMCA Press. С. 514.

¹⁰ Сувчинский П. Вечный устой// На путях. С. 99-133; Сувчинский П. К преодолению революции// Евразийский временник. Книга третья. Берлин, 1923. С. 30-50; Сувчинский П. Идеи и методы // Евразийский временник, 4/1925. С. 24-64.

¹¹ Сувчинский. Вечный устой; Грубецкой. Мы и другие.

¹² Блок А. Собрание сочинений. Т. 5. С. 325.

что образованные люди не чувствовали традиционной для нижних слоев религиозности, как это полагают евразийцы? Вряд ли. На рубеже веков происходила широкомасштабная эрозия традиционного мировоззрения у широких слоев населения страны. Свои надежды они все менее связывали с царем или православной верой, а все более — с верой в освободительную силу революции. Семен Франк писал в своем сочинении *Крушение кумиров* (1924), что характерная для русской интеллигенции душевная болезнь утопизма передалась нижним слоям народа. Они начали теперь служить революционным кумирам с той же самоотверженностью, с какой в свое время это делала русская элита. Демоническую силу, даже непобедимость большевизма можно в первую очередь объяснить пламенной верой, с которой бесчисленные красноармейцы защищали свою святыню — революцию¹³.

Так в начале 20 столетия, в противовес утверждениям евразийцев, действительно произошла столь долго ожидавшаяся встреча интеллигенции с народом. Неустанная просветительская работа интеллигенции теперь увенчалась успехом, писал в 1908 году Сергей Булгаков. Народ примкнул к мировоззрению интеллигенции, он стал «сознательным». Впрочем, этот «успех» интеллигенции может иметь для России, непредвидимые последствия¹⁴.

И действительно, распад петербургской России был важнейшим следствием этого «процесса просвещения». Почему российские народные массы в течение короткого времени превратились из сильнейшей опоры русской монархии в ее величайшую угрозу? Этим вопросом евразийцы интенсивно занимались. Они говорили об отчуждении российских народных слоев от их собственного государства, происшедшем вследствие петровских реформ. Это был, таким образом, второй процесс отчуждения, — наряду с отходом русской элиты от ее собственных традиций — , который имел место в петербургской России и который также обусловил ее хрупкость. В 1925 году Сувчинский пишет: народ чувствовал себя весьма неуютно в политическом, социальном и культурном устройстве Российской империи. Он больше не понимал идею собственного государства, более того: самого себя. Потеря связи с собственным государством проявилась в том, что широкие народные массы в 1917 году санкционировали государственный распад России. Этот отказ от самого себя был не результатом действий большевиков, но следствием разрушения господствовавшей с 18 столетия государственной идеи. Русские крестьяне не только потому с готовностью приняли большевистские лозунги классовой борьбы, что они хотели экспроприировать помещиков, добавляет Сувчинский. Была для этого и другая причина: желание крестьян освободиться от культурно чуждого и непонятного для них высшего сословия¹⁵. Тем самым русское общество вновь пришло к той однородности, которой оно обладало в допетровские времена. Это обстоятельство почти безгранично приветствовалось

¹³ Франк С. Крушение кумиров. Берлин, 1924.

¹⁴ Булгаков С. Два града. Т. 2. Москва, 1911. С. 159-163.

¹⁵ Сувчинский. Идеи и методы.

Сувчинским и его единомышленниками. Тот факт, что большевики, осуществившие этот переворот, установили в России деспотический режим и диктат единомыслия, евразийцев почти не смущал. То и другое полностью соответствует российским традициям, полагали они. Политическая система Московского государства также была весьма жесткой, в Московской России тоже все слои общества, включая и власть имущих, подчинялись одной единственной идее, которой они беззаветно служили, — православию. Евразийцы подвергали критике не форму большевистской диктатуры, но ее содержание, а именно тот факт, что большевики после разрушения петербургской России продолжили, по существу, дело Петра Первого и снова превратили Россию в экспериментальное поле для европейских идей. Согласно евразийцам, так называемая пролетарская культура, пропагандируемая большевиками, не представляет собой никакой альтернативы западной культуре. Это просто примитивное подражание возникшей на Западе буржуазной культуре¹⁶. По мнению евразийцев, после политической и социальной революции, результаты которой они полностью приветствовали, Россия должна пережить еще и культурную революцию. В основе этой революции должно лежать принципиальное изменение господствующей в стране с начала 18 века системы координат, которой большевики, несмотря на их политическую и социальную радикальность, остались в главном верны. Страна должна полностью закрыть окно в Европу, открытое Петром Первым, и повернуться к Востоку.

В.

Те исследователи, которые рассматривают евразийцев как продолжателей славянофильских и панславистских течений, недооценивают, как уже было сказано, радикальность евразийской критики Запада. Своих мнимых предтеч-славянофилов Трубецкой, Сувчинский и их единомышленники упрекают в пренебрежении тем фактом, что Россия находится не только в Европе, но и в Азии¹⁷.

Слова Алексея Хомякова или Достоевского о достойных поклонения ценностях западной культуры, о «священных камнях» Запада, в устах евразийцев были бы немислимы. Столь же невозможным был бы в их словаре тезис Хомякова о России как защитном вале Европы против азиатской (татарской) угрозы¹⁸ и слова Достоевского о русской миссии европеизировать Азию: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы»¹⁹. Некоторые связи существовали между евразийской

¹⁶ Трубецкой. Мы и другие; Флоровский Г. Окамененное бесчувствие// Путь, 2/1926. С. 128-133;

Карсавин Л. Ответ на статью Н. А. Бердяева об «евразийцах»// Путь 2/1926. С. 124-127; Евразийство// Евразийская хроника 9/1927. С. 5.

¹⁷ Исход к востоку. С. VII; Евразийство. Опыт систематического изложения. С. 30 и сл.

¹⁸ Хомяков А. Собрание сочинений в двух томах. Т. 1. М., 1995. С. 453.

¹⁹ Достоевский Ф. Дневник писателя за 1877 год. С. 609.

концепцией и панславистской программой Николая Данилевского, который в своей книге *Россия и Европа* (1871)²⁰ с крайней остротой оспаривал тезис об универсальном значении европейской культуры и подчеркивал собственную ценность отдельных культур, прежде всего, славянской. Евразийцы также были страстными противниками универсалистской культурной модели и поборниками культурного партикуляризма. Вместе с тем евразийцы отвергали панславизм как таковой, считая его подражанием западным «пан-движениям». В духовном и культурном отношении русские, по мнению евразийцев, имели не много общего с живущими за пределами России славянами.

Среди всех, упомянутых и самими евразийцами, духовных предтеч движения их позиция возможно ближе всего к позиции Константина Леонтьева. Уже Василий Зеньковский ссылался в своей книге *Русские мыслители и Европа* на то, что Леонтьев с его скептической установкой по отношению к славянству весьма близок позициям евразийцев. Кроме того Леонтьев хотел, подобно евразийцам, отгородить Россию от Запада непроницаемой стеной, чтобы охранить своеобразие российской культуры от западных влияний. Уже Леонтьев указывал на крайне важный для евразийцев азиатский, «туранский» элемент в русском национальном характере: «Только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатской — *Туранской*, нации в среде славянских наций, может выйти нечто от Европы *духовно независимое*»²¹.

Но, с другой стороны, были также принципиальные различия между евразийцами и Леонтьевым. Потому что в противовес евразийцам Леонтьев отрицал не западную культуру как таковую, но, в первую очередь, ее обуржуазивание и демократизацию — следствие французской революции. Старая феодально-аристократическая Европа оценивалась Леонтьевым вполне положительно.

Итак поиски прямых предшественников евразийцев в русской истории идей остаются безрезультатными. Американский историк Н. Рязановский с полным правом указывает на то, что евразийская программа в целом не могла опереться непосредственно ни на какую традицию в предреволюционной России²². Также и другие исследователи характеризовали евразийцев как, пожалуй, единственное оригинальное российское направление послереволюционной эпохи, которое не обладало никакими непосредственными предреволюционными корнями²³. Идеи евразийцев полностью соответствовали революционному характеру эпохи, в которой они действовали. К этому принадлежал, например, тезис: Россия и угнетаемые европейцами колониальные народы образуют некое единство. Будущее России лежит не в ее возрождении в качестве европейской державы, но в том, что она может стать предводительницей всемирного восстания против Европы,

²⁰ Данилевский Н. *Россия и Европа*. Санкт-Петербург, 1871.

²¹ Леонтьев К. *Восток, Россия и славянство*. Санкт-Петербург 1885-1886. Т. 1, С. 285.

²² Riasanovsky N. V. *The Emergence of Eurasianism*//California Slavic Studies 4/1967. P. 39-72.

²³ См. Об этом: Степун Ф. *Евразийский временник*. Книга третья// *Современные записки* 21/1924. С. 400-407.

считал Трубецкой²⁴. Здесь видны поразительные параллели с аргументацией большевиков, которые тоже хотели сделать Россию центром восстания против европейской гегемонии. Однако между обеими программами существовало принципиальное различие. В противоположность евразийцам большевики ни в какой степени не верили в самоценность неевропейских культур. Подобно западноевропейцам, столь жестко критикуемым евразийцами, большевики тоже верили в то, что западная культура обладает универсальным характером. Незадолго до начала I мировой войны Ленин писал об усиливающемся азиатском освободительном движении: «Не значит ли это, что сгнил материалистический Запад и что свет светит только с мистического, религиозного Востока? Нет, как раз наоборот. Это значит, что Восток окончательно встал на дорожку Запада, что новые сотни и сотни миллионов людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад. Сгнила западная буржуазия, перед которой стоит уже ее могильщик — пролетариат»²⁵.

Что касается мятежа, который мерещился евразийцам, то здесь речь шла о восстании совершенно иного рода. Оно должно было быть направленным не только вовне, но также, и прежде всего, во-внутрь. А именно, неевропейцы должны были преодолеть воспринятый с Запада предрассудок о неполноценности их собственной культуры и разоблачить эгоцентризм скрывающийся за этим мнимым универсализмом «романо-германских» наций.

Культурной революции, за которую выступали евразийцы, был чужд футуристический пафос большевистской революции. Их «золотой век» лежал не в «светлом будущем», а в прошлом. Но не в непосредственном прошлом, как это было в случае с русскими монархистами, а в далекой древности. Радикально новое представляет собой, по сути, обновление очень древнего, говорит в 1923 году Трубецкой. Любое радикальное обновление опирается на далекое, а не непосредственное прошлое²⁶. Трубецкой указывал здесь на тот факт, что евразийцы отвергали петербургскую Россию во имя древней Московской Руси, идеи «третьего Рима».

Таким образом евразийцы были революционерами и традиционалистами одновременно, т.е. «консервативными революционерами»; этим евразийская «культурная модель» была удивительно сходна с возникшей в это же время моделью немецкой «консервативной революции», сыгравшей в истории Веймарской республики столь роковую роль. Подобно евразийцам поборники «консервативной революции» мечтали о преодолении западной гегемонии, о разрушении созданных Западом цивилизационных норм²⁷. Представители «консервативной революции» тоже, подобно евразийцам, нередко были интеллектуально утонченными и

---

²⁴ Трубецкой. Европа и человечество.

²⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, 5 изд. Т. 1-55. М., 1958-65, здесь Т. 21. С. 402.

²⁶ Трубецкой Н. У дверей реакция? Революция?// Евразийский временник 3/1923. С. 18-29.

великолепно формулирующими свои мысли авторами. В отличие от национал-социалистских демагогов они подрывали не только политический, но и духовный фундамент первой немецкой демократии. Хотя консервативные революционеры с их радикальным отказом от Запада имели, подобно евразийцам, определенных духовных предшественников (Лагард, Лангбен и др.), однако как отдельное политическое течение они выкристаллизовались вследствие событий 1918-19 годов. Без первой мировой войны, без Версаля и Веймара подобное идеологическое явление вряд ли было бы возможно. Уже само понятие «консервативная революция», которое соединялось из кажущихся несоединимыми элементов, отражало парадоксы и причудливость этого феномена. Подобно евразийцам консервативные революционеры хотели преодолеть существующий порядок не во имя «светлого будущего», но во имя прошлого, очень далекого прошлого. Непосредственное немецкое прошлое — вильгельмовскую Германию — авторы этого круга отвергали так же решительно, как евразийцы отвергали петербургскую Россию. Идеализации Московской Руси евразийцами соответствовала идеализация консервативными революционерами средневековой имперской идеи, во имя которой они боролись с отвергаемым ими веймарским порядком²⁸.

Г.

Но здесь нужно отметить, что евразийцы идеализировали не только Московскую Русь. Если бы это было так, они не отличались бы от славянофилов, которые тоже склонялись к некритической идеализации Московской эпохи. Другим идеалом, вдохновлявшим евразийцев, была империя Чингис-хана и Золотая Орда. Евразийцы восхищались татаро-монгольским игмом, в котором их соотечественники в течение столетий видели самую трагическую главу российской истории. Евразийцы считали империю Чингис-хана, а не Киевскую Русь прямой предшественницей Российской империи. Чингис-хан, утверждали они, был первым поборником грандиозной идеи единства той территории, которую евразийцы рассматривали как некий самостоятельный континент «Евразия» - территории, которая по существу соответствовала территории позднейшей Российской империи. Государственная идея Киевской Руси была, согласно Трубецкому, в отличие от государственной идеи монгольской империи, провинциальной. Порабощенные русские вначале восприняли идею монгольской универсальной империи как нечто чуждое, но в конце концов не смогли устоять перед ее завораживающей силой²⁹.

---

²⁷ Ср. здесь: Luks L. „Eurasier“ und „Konservative Revolution“. Zur antiwestlichen Versuchung in Russland und in Deutschland// Koenen G./Kopelew L. Hrsg. Deutschland und die russische Revolution 1917-1924. München, 1998. P. 219-239.

²⁸ См. здесь Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. Hamburg, 1931.

²⁹ I. R. (Николай Трубецкой). Наследие Чингис-хана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925. С. 3 и сл., 18-23.

В 16 столетии Великое княжество Московское переняло от татар идею единства Евразии. На евразийском континенте возник, согласно Трубецкому и Савицкому, некий по сути беспримерный мультикультурный синтез³⁰. Евразийцы при этом подчеркивают, с какой легкостью русские ассимилировали многие элементы восточной культуры. Московская империя представляет собой на их взгляд синтез византийства и татарства. Не случайно, что центрами православия и русской государственности стали только те российские территории, которые находились под татарским господством. Это обстоятельство евразийцы объясняют религиозной терпимостью татар, а также их согласием на политическую автономию русских княжеств. Совершенно иначе сложилась судьба западнорусских областей, которые попали под польско-литовское или немецкое владычество. Здесь не могло быть и речи о политической самостоятельности или беспрепятственном развитии православия³¹. Чтобы доказать, что татарское господство было, по существу, более благодатным для России, чем европеизация, Трубецкой в 1925 году выдвинул следующий тезис: после двух столетий «татарского ига» возникла сильная, единая Россия, после двух столетий европеизации — большевистская Россия. Большевистская Россия была плодом европейского господства, также как Московская Русь была плодом татарского владычества. Большевизм показал, чему Россия научилась у Европы, по этим большевистским плодам и надо судить о сути европеизации. Если сравнить результаты обоих процессов обучения, тогда татарскую школу придется оценить гораздо более положительно, чем это обычно делается³².

Легкость, с которой Московская Русь ассимилировала многие структурные элементы Золотой Орды, Трубецкой объясняет общим туранским наследием. Смешение русских, восточнославянских племен с туранскими народами представляет для Трубецкого важнейший факт российской истории. Русский национальный характер гораздо сильнее определен туранскими, нежели славянскими компонентами³³ (здесь в известном отношении вспоминается Константин Леонтьев).

Трубецкой конструирует некую культурную и духовную модель, которая, якобы, отличается как от семитского и персидского типов на Востоке, так и от романо-германской модели на Западе. Туранское мышление схематично и ясно, идет вширь, а не в глубь. Нюансы ему чужды. Туранские народы склоняются к перениманию чужих культурных и религиозных моделей и служат им беззаветно, даже фанатично. Туранскому культурному типу не свойственны типичные для семитов, персов или западноевропейцев метафизическая тоска, поиски противоре-

³⁰ Там же; Савицкий П. Степь и оседлость// На путях. С. 341-355.

³¹ Вернадский Г. Два подвига Александра Невского// Евразийский временник 4/1925. С. 319-336; Пушкарев С. Россия и Европа в их историческом прошлом// Евразийский временник 5/1925. С. 147-152.

³² Трубецкой Н. О туранском элементе в русской культуре// Евразийский временник 4/1925. С. 377.

³³ Там же. С. 351.

чий и их решений. Он также не знает пропасти между теорией и практикой. Здесь все подчиняется господствующей идее и государству, которое воплощает эту идею. Все эти признаки были характерны согласно Трубецкому также и для Московской Руси³⁴. Мечта о возрождении этой погибшей в результате европеизации культуры проходит красной нитью сквозь идеи Трубецкого и его единомышленников.

Д.

Евразийцами не берется во внимание, что идеализируемая ими Московская Русь постепенно начала задыхаться от своей автаркии и собственного самодовольства, что по крайней мере со времени террора Ивана Грозного начался беспрецедентный кризис российской идентичности.

Чтобы преодолеть становящуюся все более глубокой культурную стагнацию Россия срочно нуждалась в культурных импульсах извне, и откуда они еще могли прийти, если не с Запада? Не случайно, говорит Владимир Вейдле, что Петр Первый открыл окно не в сторону Мекки, не на Лхасу, но в Европу. Правда, согласно Вейдле, петровский замысел имел исключительно технократическую природу. Петр отождествлял культуру с технократической цивилизацией. Тем не менее он интуитивно выбрал — через восстановление единства христианского мира — самый плодотворный для российской культуры путь развития. Беспрецедентные культурные достижения петербургской России были следствием петровского переворота, продолжает Вейдле свои рассуждения, но Петр также косвенно виновен и в катастрофе, которая разрушила его построение³⁵.

Вейдле, как и евразийцы, осознает хрупкость фундамента, на котором была воздвигнута петербургская Россия. Но он, как и авторы *Vex*, не видит альтернативы петровской программе. Отход от Европы для России невозможен, потому что она в результате своей христианизации стала неотъемлемой частью европейской культуры. Но также и для Запада потеря России имела бы непредвидимые последствия, потому что Россия после крушения Византии воплощает традицию восточного христианства, от которого Запад вновь и вновь получает импульсы для своего обновления. Вейдле считает как русских, так и западных изоляционистов, разделяющих обе части Европы непреодолимой стеной и отправляющих Россию в Азию, страшными упростиителями, которые крайне ограничивают понятие Европы и теряют из виду сложность европейской культуры.

Также как Вейдле, аргументировали и другие ведущие представители русского образованного сословия в изгнании. И они тоже подчеркивали комплементарный характер отношений между Востоком и Западом и предостерегали от изоляцио-

---

³⁴ Там же. С. 371-375.

³⁵ Вейдле. Задача России.

нистских и партикуляристских тенденций, распространенных тогда как в России, так и на Западе.

В своей полемике с евразийцами Федор Степун писал в 1924 году: европеизм и азиатское начало — это две составные части сущности России. Ни одной из них мы не вправе пренебречь, ни от одной не в силах убежать³⁶. Николай Бердяев, со своей стороны, резко выступал (1925) против манихейской картины мира евразийцев. Весьма маловероятно, писал он, чтобы какая-либо культура, например, западная, могла быть исключительно носителем зла, как это полагают евразийцы. Христианство не допускает подобного географического разделения добра и зла. Также и отказ евразийцев от универсальных культурных ценностей резко критикуется Бердяевым. В этом случае они недооценивают, в противоположность своим славянофильским предшественникам и Достоевскому, универсальный характер православия³⁷.

Бердяев склоняется здесь к идеализации позиции славянофилов. Славянофильская критика католицизма была не менее острой, чем отказ евразийцев от так называемых «латинян». Евразийский тезис о католицизме как безбожной ереси мог бы также происходить и от некоторых славянофилов. Так что религиозная стена, которую евразийцы хотели воздвигнуть между Россией и Западом, была так же высока, как и та, которую создавали славянофилы. Но в отличие от славянофилов евразийцы желали сделать стену между православием и другими религиями, по крайней мере в одном месте преодолимой — именно в направлении Востока — в отношении других религиозных сообществ населяющих евразийскую территорию. Для авторов программной работы евразийцев *Евразийство* (1926), например, буддизм или ислам были православию ближе, чем католицизм. Они открыли у буддистов и мусульман якобы неосознанную склонность к православному веру³⁸.

Таким образом евразийцы мечтали не только о культурном, но также и о религиозном синтезе народов Евразии, о создании какой-то еще никогда не существовавшей евразийской нации — нового политического субъекта, который должен был стать фундаментом обновленной российской империи. Русская нация и православная вера должны были, по мысли евразийцев, играть в этой империи ведущую, но не настолько подавляющую роль, как это было в дореволюционной России. Русским и православию была предназначена всего лишь роль первых среди равных.

Можно было бы предположить, что это — совершенно утопический взгляд. И это действительно так. Но, с другой стороны, не следует забывать, что время возникновения и расцвета евразийского движения — двадцатые и тридцатые годы —, было временем беспримерного утопического прорыва, возникновения движений, пытающихся осуществить цели, которые уже сформулировали отдельные ради-

³⁶ Степун. Евразийский временник. С. 405 и сл.

³⁷ Бердяев. Евразийцы.

³⁸ Евразийство. Опыт систематического изложения. С. 20 и сл.

кальные мыслители 19 века, но которые в целом считались совершенно неосуществимыми. Но 20 столетие показало, что эти утопии вовсе не были так далеки от мира, как поначалу казалось. В 19 веке часто сожалели, что утопии хотя и прекрасны, но, к сожалению неосуществимы, пишет Николай Бердяев в своей книге *Новое средневековье*. В 20 столетии человечество столкнулось с совсем другим опытом. Утопии оказались гораздо легче реализуемыми, чем полагали вначале. Теперь стоит вопрос, как можно воспрепятствовать осуществлению утопий³⁹.

И в самом деле, большевикам почти удалось осуществить свою утопию уничтожения частной собственности и огосударствления всех средств производства, включая и рабочую силу. Национал-социалистам почти удалось реализовать свою утопию устройства расистского «нового европейского порядка». Почему же евразийцы не имели успеха со своим утопическим замыслом? Почему привлекательность евразийской идеи ограничилась только небольшими интеллектуальными кружками? Здесь недостаточно объяснения, что интеллектуалы обычно слишком далеки от реального мира, чтобы так же виртуозно овладеть технологией власти, как это делали тоталитарные политики. Ленин и Троцкий тоже были интеллектуалами, а Иосиф Геббельс имел научную степень филолога-германиста. Евразийцы не имели широкого воздействия не только по причине своей интеллектуальности, но и из-за характера своей идеологии. Большевики с их лозунгами классовой борьбы и национал-социалисты с их расовой пропагандой апеллировали к глубокоукорененным эмоциям широких слоев населения, к социальной зависти, или к антисемитизму. Евразийскому призыву к народам Евразии и к разнообразным изгнанным из России группировкам основать антизападное сообщество на евразийской территории не доставало сравнимого с вышеназванными партиями демагогического резонанса. Националистические эмоции были настолько сильно выражены как у русских, так и у нерусских эмигрантов из бывшей царской России, что они оставались невосприимчивыми к евразийским представлениям о мультиэтнической и мультиконфессиональной евразийской империи. То есть, даже в эмиграции евразийцы представляли собой лишь маргинальное явление без значительного влияния на широкие круги «Зарубежной России».

e.

Критики евразийцев, которые сравнивают это движение с большевизмом или фашизмом недооценивают политическую наивность, но также и сложность евразийской культурной модели, которую не так просто было использовать для демагогических целей. И еще одно обстоятельство недооценивается многими иссле-

---

³⁹ Berdjaev N. Das neue Mittelalter. Betrachtungen über das Schicksal Rußlands und Europas, Tübingen, 1952. P. 122.

дователями, а именно, что евразийцы, вопреки своей революционности, вопреки своему словесному радикализму одной ногой еще стояли в дототалитарном 19 столетии и чувствовали себя связанными теми нормами, которые выработала эта эпоха. Это было особенно очевидно в тридцатые годы, когда сталинский террор положил конец распространенным в двадцатые годы иллюзиям о так называемой «нормализации» большевизма. Часть евразийцев поддалась чарам сталинской революции сверху и начала служить целям режима, не в последнюю очередь в качестве его агентов. Однако, основатели движения, прежде всего Николай Трубецкой и Петр Савицкий, в ужасе отвернулись от большевистской диктатуры, которую они в свое время расценивали как недостаточно радикальную. В 1937 году — в судьбоносном году сталинского режима — Трубецкой опубликовал в 12 тетради *Евразийской хроники* свою статью под названием *Упадок творчества*. Хотя статья не содержит ни единого слова о терроре, она являет собой уничтожающую критику сталинизма. Согласно автору, репрессивная политика режима привела к параличу творчества в стране: «Люди, вынужденные долго молчать, в конце концов разучиваются говорить»⁴⁰. В этой порожденной партией культурной стагнации Трубецкой видит причину неспособности сталинизма создать свой собственный культурный стиль. В Советском Союзе, пишет он, осуществляется всего лишь неуклюжее подражание полностью устаревшим культурным моделям, которые доминировали в дореволюционной России в шестидесятые-семидесятые годы 19 столетия.

Еще в середине двадцатых годов Петр Сувчинский характеризовал советскую политику как политику большого стиля. Все, что противостояло большевикам в России, было по его мнению провинциальным и малозначительным⁴¹. Тот факт, что Трубецкой десятью годами позже упрекает сталинизм в полном отсутствии стиля, показывает, насколько низко упал большевизм за это время в глазах основателей евразийского движения. Это отрезвление евразийцев удивительно похоже на те процессы, которые происходили в тогдашней Германии, а именно в лагере консервативной революции. Также как евразийцы в двадцатые годы совершенно неверно оценивали тоталитарный характер большевизма и склонялись к его недооценке, подобное же делали в Веймарской республике поборники консервативной революции в отношении национал-социализма. Они упрекали его в недостаточном радикализме. Так, они насмеялись, например, над решением Гитлера провести «легальную революцию» в Германии с помощью избирательных бюллетеней. В конце 20-х годов Эрнст Юнгер считал попытку Гитлера парламентским путем прийти к власти «ослиной глупостью»⁴². А другой критик Гитлера, Эрнст Никиш, добавил в 1932 году: Тот, кто борется легальными методами, не затрагивает основ системы. Те, кто уклоняются от пробы силы, как это

⁴⁰ Трубецкой. История, Культура, Язык. С. 446.

⁴¹ Сувчинский, П. К пониманию современности// Евразийский временник 5/1927. С. 20.

⁴² См. у Bastian K.-F. Das politische bei Ernst Jünger. Diss. Heidelberg, 1963. P. 59

делает Гитлер, уже побеждены⁴³. Несмотря на подобную критику большинство консервативных революционеров эйфорически приветствовало лавинообразные победы НСДАП в начале 30-х годов. Эрнст Никиш и его группа «Сопrotивление» принадлежали к немногочисленным скептикам. Между тем для большинства радикальных критиков веймарской демократии, принадлежащих к консервативно-революционному лагерю, триумфальные победы НСДАП в начале тридцатых годов символизировали конец ненавистной либеральной эпохи, начало национального возрождения. Так они считали Третий Рейх, непосредственно после его установления, не в последнюю очередь своим детищем, и были в определенном смысле правы. Лишь постепенно они начали, подобно ученику чародея, реально понимать, каких духов они вызвали к жизни. Это была утрата иллюзий. Одни из тех, кто подготовил события 30 января 1933 года, пали жертвой национал-социалистской деспотии (Эдгар Юнг), другие ушли во внутреннюю эмиграцию (Эрнст Юнгер).

Но вернемся теперь к отношению основателей евразийского движения к большевизму. В уже упомянутой статье *Упадок творчества* князь Трубецкой утверждал, что коммунизм осужден на угасание, поскольку он полностью истощил свой творческий потенциал. Но в действительности этой системе, скорый развал которой он предсказывал, предстояло еще полстолетия решающим образом определять ход мировых событий. Таким образом, Трубецкой недооценил политическую — но не культурную — витальность коммунизма. С необыкновенной проницательностью он увидел, что идеология, которая более не в состоянии вдохновлять культурную элиту, которая терпит лишь официозный художественный канон и драконовски карает всякое отклонение от него, в конечном итоге не имеет шансов на выживание. Основоположник евразийского движения рано распознал эпигонское и обывательское бесплодие сталинистского понимания культуры, которому последователи Сталина вплоть до горбачевской перестройки оставались в общем верны. Когда занимаются поисками причин развала советского режима, то ни в коем случае не следует забывать диагноз Трубецкого. Не только хозяйственная неэффективность, не только технологическая отсталость, но также и «упадок творчества», который наблюдался в России как следствие сталинской унификации, обусловили в конечном итоге закат советской империи.

Евразийцы мечтали о том, чтобы прийти на место истощившей себя коммунистической партии. В вышеназванной статье Трубецкой писал (1937), что положение в Советском Союзе хотя и вызывает озабоченность, но не является безнадежным: «Исход состоит в замене марксизма другой идеей-правительницей»⁴⁴. И для Трубецкого не было никакого сомнения в том, что эта другая идея может быть только «евразийской».

Годом позже Трубецкой умер, и его смерть символизировала конец классического евразийства. Как тогда казалось, оно окончательно покинуло политическую

⁴³ Niekisch E. Hitler — ein deutsches Verhängnis. Berlin, 1932.

⁴⁴ Трубецкой. История. С. 448.

сцену. Несмотря на свое безграничное честолюбие евразийцы таким образом не смогли создать действенную альтернативу коммунистической идеологии. Учение евразийцев казалось странной и окончательно закрытой главой в истории идей российской эмиграции. Однако в мире идей царят законы, которые всегда готовы преподнести сюрприз. Евразийским идеям, вроде бы канувшим в Лету в конце тридцатых годов, суждено было пятьюдесятью годами позже пережить совершенно неожиданный ренессанс. Уже в конечной стадии горбачевской перестройки, когда эрозия коммунистической идеологии становилась все более очевидной, многие защитники имперской русской идеи пустились на поиски новых объединяющих начал для всех народов и религиозных сообществ советского государства, и открыли при этом евразийские идеи. Однако анализ идеологии неоевразийства, зачастую причудливой и запутанной, выходит за рамки данной работы.

Авторизованный перевод с немецкого: Наталия Бросова

Против правого и левого тоталитаризма – эмигрантский журнал «Новый Град» о европейском кризисе 1930-х годов

а. Общественно-политическая программа группы Новый град

В конце 1931 года, когда мировой экономический кризис уже третий год потрясал основы западного общества, в Париже появился первый номер русского эмигрантского журнала «Новый Град». Уже в этом названии отражается программная квинтэссенция издания.

Русские эмигранты – без родины и так же, как правило, без средств к существованию – представляли, пожалуй, самое слабое звено в социальной системе западного общества. Экономические и социально-политические волнения в странах, в которых они пребывали, затронули их особенно сурово. В мире, полном неопределенностей, они жаждали в особо сильной мере твердого фундамента под ногами, который мог бы стать им опорой не только в материальной, но и духовной нужде. Таковую духовную опору *новоградцы* пытались предоставить своим читателям¹.

Редакторы журнала принадлежали к тем эмигрантским кругам, которые отказывались от политического радикализма и утопизма любого рода, – как левого, так и правого толка – и которые продолжали идеи русского философско-религиозного ренессанса начала 20 века, который олицетворял сборник *Вехи*. Некоторые авторы «Вех» также были авторами «Нового Града», так, к примеру, Николай Бердяев и Сергей Булгаков. Однако особое влияние на программу журнала оказал один из его основателей Георгий Федотов.

Федотов, который изучал историю в Йене и Санкт-Петербурге и закончил университет за несколько лет до начала Первой Мировой Войны, покинул Советский Союз только в 1925 году². Таким образом, он со значительным опозданием начал принимать участие в эмигрантском дискурсе, который уже велся годами, однако, он сразу же зарекомендовал себя как один из важнейших публицистов эмиграции. Самые влиятельные журналы русской диаспоры – «Современные Записки» и «Путь» – регулярно публиковали его статьи.

Итак, почему Федотов и его единомышленники, в первую очередь Федор Степун и И. Бунаков-Фондаминский, считали необходимым создание нового журна-

---

¹ См. об этом: Raeff M. „Novyj Grad“ and Germany: A Chapter in the intellectual History of the Russian Emigration of the 1930s // Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Studien zu Ehren von Peter Scheibert / Ed. I. Auerbach, A. Hillgruber, G. Schramm. Freiburg, 1985. P. 255-265; Мень А. Возвращение к истокам // Вехи. <http://www.vehi.net/men/fedotov2html>; Георгий Петрович Федотов (1886 – 1951) / Федотов Г. Лицо России. Сборник статей (1918 – 1931). Париж, 1967. С. I-XXXIV; Степун Ф. Г.П. Федотов / его же. Сочинения. М., 2000. С. 747-761.

² Мень. Возвращение. С. 4; Георгий Петрович Федотов. С. XX.

ла? Американский историк Марк Раев объясняет это следующим образом: Редакторы «Современных Записок», в отличие от «новоградцев, не стремились ни к какому основополагающему обновлению западной социально-политической и экономической системы [несмотря на глубокий кризис, в котором она находилась – Л. Л.]. Кроме того, «Современные записки» были в первую очередь литературным журналом. Напротив, журнал «Путь» занимался в первую очередь богословскими вопросами. Он скорее дистанцировался от политической активности "новоградцев" [хотя многие авторы «Пути» также публиковались в «Новом Граде» – Л. Л.]»³.

Уже в своем первом, вышедшем в 1931 году номере журнал «Новый Град» однозначно сформулировал свою политическую и идеологическую позицию. Защита свободы – по мнению редакторов, важнейшего наследия 19 века – была для них центральной задачей времени. Поэтому *новоградцы* провозгласили непримиримую борьбу коммунистическим и праворадикальным ненавистникам свободы. Однако они также резко критиковали европейский либерализм. Они упрекали либеральные группировки в недостаточном интересе к социальным вопросам. Труд, а не капитал должен был стать важнейшей основой «нового общественного строя», к которому стремился «Новый Град». *Новоградцы* обвиняли либеральное государство также в духовном эклектизме и релятивизме. Не в последнюю очередь по этой причине у него не было достаточно энергии оказывать сопротивление тоталитарным фанатикам: «парламентская демократия западно-европейского образца представляет собой политическую систему не только равнодушную к вопросам мирозерцания, но и защищающую это равнодушие как свое *миросозерцательное credo*», – пишет один из основателей «Нового Града» Федор Степун: «Свое безразличие к вопросам истины (истины, а не отдельных правд и правильностей) современная политическая демократия ощущает как защиту *идеи свободы*. Эта терминология не точна», – продолжает Степун: «*Идея свободы* (идея в платоновском метафизическом смысле слова) в отрыве от истины не познаваема. Свобода, в смысле идеи, то есть в смысле высшей духовной реальности, есть *путь истины в мир и путь мира к истине*»⁴.

В своих вышедших после войны заметках к кредо «Нового Града» Степун добавляет: «Правда всегда побеждает, надо только видеть, что она побеждает на двух, весьма различных путях. В случае ее признания, ее победа превращается в живое и творческое устройство жизни, в случае ее отрицания – ее победа оказывается разрушением жизни. К этой второй форме победы мы, люди XX века, подошли совсем близко»⁵.

Общественный строй «Нового Града» должен был строиться не на эклектически-релятивистских, а на христианских основах. Однако на христианстве, которое значительно чувствительнее реагирует на социальный вопрос, чем это дела-

³ Raeff. *Novyj Grad*. P. 256.

⁴ Степун. Сочинения. С. 356.

⁵ Старые – молодым. Мюнхен, 1960. С. 98.

ют традиционные церкви⁶. Как уже было сказано, *новоградцы* хоть и продолжали в некотором роде идеи сборника «Вехи», однако одновременно прокладывали и совершенно новые пути. Их программа олицетворяла как разрыв, так и преемственность.

б. Группа «Новый Град» о кризисе западной демократии

Тот факт, что «первая» русская демократия, возникшая после свержения династии Романовых, не смогла справиться с большевистским вызовом, связывали многие западные наблюдатели с незрелостью русского общества к демократии, с его стремлением к новому патриархальному строю, который должен был заменить царскую монархию.

Авторы «Нового Града» были в свою очередь удивлены неспособностью западноевропейских демократий, дать отпор своим тоталитарным противникам – это несмотря на столетия правовой традиции, которая была укоренена в этой части Европы в отличие от России. *Новоградцы* подробно занимались кризисом Веймарской республики начала 1930-ых годов. Что их в этой связи потрясло, было не «стремление к власти» радикальных противников республики, а беспомощность демократов – не в последнюю очередь социал-демократов – которые были фундаментом немецкой системы, воздвигнутой в ноябре 1918 года: «Она [социал-демократия] пала так же бесславно, как монархия Николая II», – писал Федор Степун в 1933 году в своей статье «Германия проснулась»: «Прекрасно организованная и дисциплинированная, располагавшая массами очень высокого культурного уровня, опытная в делах государственного управления и гордая своими спортивно-боевыми организациями, немецкая социал-демократия сдалась на милость победителя, не только не успев поднять вооруженной руки, но не успев даже громко крикнуть о своей гибели»⁷.

Это поражение СДПГ Степун объясняет тем, что ей «не хватало воли к борьбе и веры в свою собственную победу». Не иначе обстояли дела и с другими демократическими группировками Германии, не в последнюю очередь с католическим центром – добавляет Степун. Одновременно он предостерегает от идеализации национал-социалистического «обновления», к которому склонялись некоторые русские эмигрантские группировки, говорившие о начале новой «органичной» эпохи по примеру европейского средневековья: «[Победа] национал-социализма является [...] не шагом к новому средневековью, а прыжком в некое новое варварство»⁸.

---

⁶ Федотов Г. Новый Град // Новый Град. 1931. № 1 – напечатано // Федотов Г. Россия, Европа и мы. Сборник статей. Т. 2. Париж, 1973. С. 135-141.

⁷ Степун Ф. Германия проснулась // Новый Град. 1933. № 7 – напечатано // Степун Ф. Сочинения. С. 482.

⁸ Там же. С. 486.

Федотов считал, в свою очередь, крайне тревожным тот факт, что падение Германии в тоталитарную пропасть не разбудило остальные европейские демократии. Свою статью, которая вышла в том же седьмом номере «Нового Града», в котором также была опубликована статья Степуна «Германия проснулась», Федотов назвал «Демократия спит»: «Вот уже третье предостережение» – продолжает Федотов: «Первой провалилась Россия. За ней Италия. Теперь Германия. Провалилась уже половина Европы». Однако наводнение все больше приближается и также угрожает еще уцелевшему крайнему Западу континента. И там Федотов диагностировал слабоволие, кризис идентичности и пассивность: «Нигде не видим ни новых идей, ни сильных партий, ни больших вождей. ... Нигде нет ни плана конструктивной реформы, ни готовности борьбы за общественный идеал. Все недовольство, накапливающееся в массах, канализируют партии революции, и их энергия (некогда один из главных моторов социального движения) пропадает для гражданского общества»⁹.

Однако Федотов не был детерминистом и не верил, что закат европейской демократии неизбежен: «Мы верим в свободу человеческого самоопределения. Любой момент падения может быть сделан исходной точкой возрождающего подъема»¹⁰.

Федотов радикально отмежевывался от тех авторов, которые считали, что у европейской культуры нет шансов оказать сопротивление напору «новых варваров», и поэтому она обречена на смерть. Это было тенором статьи поэта Юрия Иваска «Апология пессимизма», которая была опубликована в 1939 году. По словам Иваска, многовековая гуманистическая и христианская Европа находится в своей последней стадии развития, ее гибель неизбежна. Задача времени состоит исключительно в замедлении этой гибели, чтобы «написать» «некролог» в честь ушедшего величия европейской культуры. Александрийская библиотека, византийский церковный ритуал или китайский шрифт являются надгробным памятником уже погибших культур, европейской культуре не хватает, однако, этого последнего аккорда¹¹.

Отчаяние Иваска вызвало резкое возражение со стороны Федотова. Вера в неизбежность судьбы – *amor fati* – чужда христианству. Гибель христианских культур не предначертана судьбой, а является следствием греха, а против греха можно и нужно бороться. Те, кому недостает большой идеи или веры, во имя чего они могли бы побороть царящий хаос, должны отправиться на поиски этого. Вера – это чудо благодати и свободы. И как раз как свободные люди мы обязаны искать такую веру, которая нам будет помогать найти выход из кризиса¹².

⁹ Федотов Г. Демократия спит // Новый Град. 1933. № 7 – напечатано // Федотов Г. Тяжба о России (статьи 1933 – 1936). Париж, 1982. С. 103-115, указ. соч. С. 112-113.

¹⁰ Там же. С. 106.

¹¹ Иваск Ю. Апология пессимизма // Новый Град. 1939. № 14. С. 89-101, указ. соч. С. 96.

¹² Федотов Г. К смерти или к славе? // Новый Град. 1939. № 14. С. 101-111, указ. соч. С. 107-111.

Этот призыв Федотова к борьбе против пассивности был скорее исключением в лагере как русских, так и западных демократов того времени.

в. Реакция «Нового Града» на Сталинскую революцию сверху

Время победоносного шествия правого экстремизма на Западе, в СССР было временем побед сталинизма. Обе катастрофы потрясли *новоградцев* одинаково. Они быстро поняли, что Сталинская революция сверху, начавшаяся в 1929/30 годах, является более глубоким переломом в истории России, нежели большевистская революция 1917 года. В 1930 году, незадолго до основания «Нового Града», Федотов отреагировал в журнале *Современные записки* на одну из важнейших составляющих этой революции – на коллективизацию сельского хозяйства: В настоящее время в России проходит не продолжение октябрьской революции, а новая революция, которая хочет уничтожить важнейший результат «октября» – земельную реформу: «Сейчас решается судьба России – быть может, на столетия. Если народ не отстоит себя в этой последней борьбе, значит, он перестает быть субъектом истории»¹³.

Коллективизация сельского хозяйства – неслыханный процесс экспроприации собственности у более чем 100 миллионов людей – являлась первым испытанием для нового, «более жесткого» поколения большевиков, которые сменили поколение революционеров-романтиков. Большевистский тип меняется, – писал Федотов в 1932 году. Теперь для руководства партии стало намного важнее безусловное выполнение «генеральной линии», чем добровольное признание большевистских идей¹⁴.

О ментальном различии между старым и новым поколением большевиков писал также Николай Бердяев, который в 1931 году в «Новом Граде» рецензировал автобиографию Льва Троцкого, вышедшую в эмиграции. Троцкий – типичный революционер высокого стиля, а не типичный коммунист, – писал Бердяев. Троцкий не понял самого важного для типичных коммунистов, а именно мистики коллектива. Троцкий придает еще очень большое значение героическому индивидууму, он – революционер старой школы, которая берет начало еще в 19 веке. По этой причине этот организатор государственного переворота и организатор Красной Армии не вызывает такого ужаса, как настоящие коммунисты, которые искоренили все индивидуальное из своего сознания и полностью отдались коллективу¹⁵.

---

¹³ Федотов Г. Проблемы будущей России // *Современные записки*. 1930. № 43. С. 406-437; см. также Федотов Г. Судьба и грехи России. Санкт-Петербург, 1991. Т. 1. С. 229.

¹⁴ Федотов Г. Правда побежденных // *Современные записки*. 1932. № 51. С. 360-385, указ. соч. С. 381.

¹⁵ Бердяев Н. Л. Троцкий – Моя жизнь // *Новый Град*. 1931. № 1.

Федотов критиковал в свою очередь иллюзии некоторых эмигрантских группировок, которые в 20-ые годы – во время НЭПа – придерживались мнения, что возникшая в период НЭПа «новая буржуазия» в союзе с русским крестьянством будет в состоянии притормозить революционный напор большевиков. Сталин лишил эту надежду любой основы, ликвидируя как буржуазное, так и крестьянское сословия. Надежды, которые некоторые русские эмигранты возлагали на уже побежденные буржуазные и крестьянские слои, а также на крайне пассивный рабочий класс, – напрасны. Федотов, однако, предостерегает эмигрантских политиков также от попыток делать ставку на другую советскую формацию, а именно на молодых коммунистических функционеров – важнейших исполнителей Сталинской революции. Перенаправление коммунистического фанатизма в фашистское или сектантско-религиозное русло весьма возможно, говорит Федотов. Однако это, никоим образом, не обновит Россию. Приверженцы абстрактных доктрин, все равно правого ли или левого толка, склоняются одинаковым образом к беспощадному разрушению образовавшихся структур. Не новые идеологии, а отказ от примата идеологии может возродить Россию¹⁶.

Эту статью Федотов писал в 1932 году, когда коллективизация сельского хозяйства еще была в полном разгаре, а большевистская партия мнила себя своего рода демиургом, который пытался молниеносно приспособить многовековые экономические структуры страны к большевистской доктрине.

Примерно пять лет спустя многие организаторы этой жестокой и в истории России, пожалуй, беспрецедентной революции сверху сами стали жертвами сталинской кампании на уничтожение, направленной против них. Этот процесс Федотов комментировал следующим образом в 12-ом номере «Нового Града» в 1937 году: «Совершается это под флагом борьбы с троцкизмом, но истребляется то, что всегда составляло самую сущность русского марксизма в его ленинской транскрипции. От Маркса и Ленина остается лишь имя. Для послушных сталинских перьев поставлена нелегкая – точнее, неразрешимая – задача: оправдать новую национал-социалистическую идеологию от имени убиваемого марксизма»¹⁷. Главная цель, которую отныне преследует гигантская сталинская машина террора, – это не ликвидация остатков буржуазных классов, а ликвидация большевизма.

Что побудило Сталина к обезглавливанию советской правящей элиты, которая являлась главной опорой системы? Несмотря на частичный доступ к русским архивам после распада СССР, этот вопрос остается до настоящего времени для историков загадкой. Как Федотов ответил на этот вопрос? По словам Федотова, Сталин пытался национализировать коммунизм. Он хотел править не от имени партии, а от имени русской нации. «Оправдывая подвиг св.Владимира, Дмитрия Донского, Петра Великого, Сталин чувствует себя продолжателем их историче-

¹⁶ Федотов Г. Падение советской власти. Над книгой С. Дмитриевского // Новый Град. 1932. № 5 – напечатано // Федотов. Россия, Европа и мы. С. 307-319, указ. соч. С. 318.

¹⁷ От редакции // Новый Град. 1937. № 12. С. 15.

ского дела. Кажется, что он предпочел бы быть русским царем, чем вождем мирового пролетариата»¹⁸.

Федотову не хватало временной дистанции, чтобы увидеть, что Сталин хотел объединить оба главных направления русской истории: как царскую автократию, так и революционный утопизм. Он хотел овладеть историей революции, подобно, как и историей России, и представлял свое правление как вершину обеих линий развития.

Федотов многократно комментировал также московские показательные процессы против ближайших соратников Ленина с их абсурдными обвинениями и не менее абсурдными признаниями обвиняемых. После первого показательного процесса в августе 1936 года Федотов писал следующее об унижительных выступлениях бывших героев большевистской революции во время процесса: «Мне стыдно за них. Я не радуюсь их унижению. Я унижен вместе с ними. Ибо их позор – тоже, в конце концов, позор России. Ведь эти люди когда-то победили Россию. Они оказались сильнее всех ее вождей. Они кичились своей несокрушимой "большевистской" волей. И эта сила и эта воля оказались мнимыми. Когда воздух революции вышел из этих пустых резиновых шаров, они свернулись в жалкие тряпочки»¹⁹.

г. Возрождение идей группы «Нового Града» в Советском Союзе и в постсоветской России

Во время сумерек советской империи идеи *новоградцев* попадали многими окольными путями в СССР. В основном это касалось работ Николая Бердяева и Георгия Федотова. Еще в 60-ые годы они начали оказывать влияние на мышление некоторых советских диссидентов и тем самым вносили вклад в изменение духовного климата в стране. Правда, их стремление к духовной свободе, их нонконформизм и отказ от коллективистских идеологий любого рода сначала оказывали влияние лишь на небольшие оппозиционные круги. Однако в период горбачевской перестройки эти идеи начали охватывать также более широкие интеллектуальные слои. Подобное можно сказать и о европейской идее, сторонниками которой безоговорочно признавало себя большинство *новоградцев*. Иначе чем некоторые антизападно настроенные русские эмигрантские группировки, которые ставили под сомнение принадлежность России к Европе, редакторы «Нового Града» были глубоко убеждены в европейском характере России. Они сами олицетворяли тип «русских европейцев» – синтез между западной научностью и русско-православной духовностью (кстати, так же как и авторы сборника «Ве-

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ Федотов Г. Шестнадцать // его же. Защита России. Статьи 1936 – 1940 из «Новой России». Париж, 1988. С. 53.

хи»). Более того: уже в 30-ые годы, то есть в период, когда национальные эгоизмы превращали Европу в еще большей мере чем до 1914 года в пороховую бочку, *новоградцы* были сторонниками идеи европейской интеграции, которая в Европе того времени играла абсолютно незначительную роль. Так, Федотов в 1931 году – во время разгара мирового экономического кризиса – высказал следующие мысли: есть только три варианта решения настоящего кризиса: «разрушение цивилизации, мировая империя победителя и вращение государств-народов в мировое сверхнациональное государство. Разумеется, только в эту третью сторону могут быть направлены сознательные усилия моральной и религиозной воли. Организация мирового хозяйства, мирового права, мировой полиции безопасности отнимает у наций почти все государственные атрибуты. Нация сохраняется, как организация духовно-культурного общения, как малая родина. [...] Из лона бессознательного, оплодотворенного Логосом, нация продолжает творить все самое глубокое и прекрасное, что дано человеку. Лишь страшное право меча, *jus gladii*, отнимается у нее и возвращается Кесарю»²⁰. Наднациональное государство, за которое выступал Федотов, должно было лишать отдельные национальные государства многих атрибутов их политического суверенитета, их духовное и национальное своеобразие должно было, однако, оставаться неприкосновенным.

Эта модель во многих отношениях похожа как две капли воды на модель Европейского Союза. Третье решение глобального и/или европейского кризиса, которое фаворизировал Федотов, однако только тогда осуществилось, когда два первых предполагаемых Федотовым сценария были испробованы: насильственное объединение Европы Третьим Рейхом, который почти что овладел целым европейским континентом от Атлантики до Москвы. Это, в свою очередь, привело к предсказанному Федотовым неслыханному разрушению европейской цивилизации. Лишь после этого трагического опыта сторонники европейской интеграции начали побеждать в европейском дискурсе.

Европейские идеи, пропагируемые *новоградцами* уже в 30-ые годы, начали приобретать широкую популярность в России, как уже было сказано, лишь во время горбачевской перестройки, когда московские реформаторы начали мечтать о возвращении России в Европу.

Однако некоторые из постулатов *новоградцев* обновленная Россия конца 80-ых – начала 90-ых годов не смогла реализовать. Это касалось не в последнюю очередь пропагируемой редакторами Нового Града идеи «оборонеспособной демократии». Федор Степун размышлял в 1934 году о том, какая демократия нужна постбольшевистской России: Это должна быть демократия, которая не допускает «демократической борьбы против демократии. [...] демократия и может, и должна быть лишь *демократией для демократов*. Против ханжества своих врагов ей приличествуют все формы действительной самообороны. Нельзя забывать, что де-

---

²⁰ Федотов Г. Сумерки отечества // Новый Град. 1931. № 1 – напечатано // Федотов. Россия, Европа и мы. С. 153.

мократия обязана защищать не только свободу мнения, но и *власть свободы*. Если эта власть не защитима словом, то ее надо защищать мечом»²¹.

Эти строки Степун писал под впечатлением гибели Веймарской республики, которая оказалась не в состоянии укоренить принципы обороноспособной демократии. Подобное можно также сказать и о постсоветской России. Не в последнюю очередь, поэтому возникшая в 1991 году «вторая» русская демократия была лишь девять лет спустя заменена «управляемой демократией». Причины эрозии демократической и европейской мысли в постсоветской России, которые можно считать своего рода завещанием «Нового Града», не могут быть освещены в данной статье. Эта проблематика выходит за ее временные рамки.

Авторизованный перевод с немецкого: Наталия Афанасьева

---

²¹ Степун Ф. *Идея России и формы ее раскрытия* // Новый Град. 1934. № 8 – напечатано // Степун. Сочинения. С. 496-503, указ. соч. С. 501.

В защиту демократии – Георгий Федотов о русской революции и о европейских кризисах первой половины XX века

Георгий Федотов (1886-1951), был, наряду с авторами сборника «Вехи» (1909)¹ и некоторыми другими представителями русского философско-религиозного ренессанса рубежа XIX-XX вв., одним из самых глубоких интерпретаторов начавшейся в 1917 г. русской катастрофы и углублявшегося европейского кризиса первой половины XX в.

Революционное прошлое дополнительно связывало Георгия Федотова с авторами «Вех» – Семеном Франком, Николаем Бердяевым, Петром Струве, Сергеем Булгаковым и Александром Изгоевым². И он нес в себе бациллу политического радикализма и отчужденного от мира утопизма; тем более основательно и эффективно он боролся с этой духовной болезнью.

Однако между Федотовым и авторами «Вех» было принципиальное различие. Если авторы «Вех» решительным образом влияли на внутренний российский дискурс начиная с конца XIX столетия, то голос Федотова был услышан его соотечественниками лишь через четверть века – в 1926 г.

К этому времени Федотов превратился из неизвестного автора в одного из самых влиятельных публицистов русской эмиграции, которого называли «новым Александром Герценом»³. Творчество Федотова отличалось духовной оригинальностью и наглядностью форм, в которые он облакал свои мысли.

Однако вернемся к сравнению Федотова с авторами «Вех». Эти авторы, за исключением Николая Бердяева, были и остаются до сих пор почти неизвестными на Западе. И это несмотря на тот факт, что они внесли в изучение европейского кризиса XX в. свой вклад, соотносимый со вкладом таких немецких эмигрантов как Эрнст Френкель, Ханна Арент, Хельмут Плеснер, Теодор Адорно и Вальтер Беньямин. Тем более непонятно отсутствие отклика на их творчество⁴.

---

¹ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

² О сборнике «Вехи» см. также: Reed Ch. Revolution and the Russian Intelligentsia 1900-1912. The Vekhi Debate and Its Intellectual Background. L., 1979; Brooks J. Vekhi and Vekhi Dispute // Survey. 1973. № 1. P. 21-50; Schlögel K. Jenseits des Großen Oktobers. Das Laboratorium der Moderne. Petersburg 1900-1921. Berlin, 1988; Pipes R. Struve. Liberal on the Right 1905-1944. Cambridge Mass., 1980. P. 106-113; Франк С. Биография П.Б. Струве. N.Y., 1956. С. 81-86.

³ См. Введение // Федотов Г. Судьба и грехи России. Санкт-Петербург, 1991. Т. 1-2, здесь Т. 1. С. 12.

⁴ Примером такой недооценки вклада мыслителей первой русской эмиграции в исследование тоталитаризма является сборник «За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма». М., 2011 (сост. Geyer M./Fitzpatrick Sh.) подводящий итоги исследований тоталитарных систем. В обширнейшей библиографии этого сборника (90 страниц) не упомянут почти ни один представитель первой эмиграции. К немногим исключениям принадлежит Николай Устрялов – один из идеологов сменовеховского движения.

Наша статья построена по тематическому принципу. В ней рассматриваются взгляды Федотова на различные аспекты русского и европейского кризиса первой половины XX в., а также, по крайней мере частично, их тогдашний идейный и исторический контекст.

а. Русская катастрофа 1917/18 годов с точки зрения очевидца

Широкая русская общественность открыла для себя Федотова, как уже было сказано, в 1926 г. – сразу после его отъезда из Советского Союза. Тогда совершенно неизвестный автор, возникший как бы из ничего, появился на страницах многих влиятельных эмигрантских газет и журналов и сразу же удивил читателей своей духовной глубиной и блестящим стилем. Однако Федотов никоим образом не являлся новичком в публицистике. И до 1926 г. он публиковал тексты, в которых выражал свое отношение как к русской катастрофе 1917 г., так и европейскому кризису начавшегося XX в. Однако эти статьи едва ли были замечены в России широкой общественностью: большевистская цензура сразу же запретила печатный орган, в котором публиковался Федотов. Речь идет о журнале «Свободные голоса», первый и единственный номер которого вышел в свет в апреле 1918 г. Три коротких заметки, которые Федотов напечатал в этом издании, содержали ряд основополагающих тезисов, развитых в его дальнейших работах (после 1926 г.). Об этих мыслях Федотова я хотел бы сказать подробнее.

В статье «Лицо России» Федотов, как и авторы «Вех», рефлексировал по поводу развала русской государственности, случившемся, к изумлению иностранцев и самих россиян, за кратчайший срок. «Россия слиняла в два дня. Самое большое – в три», – говорил об этом Василий Розанов. Это и в самом деле был непостижимый процесс. Вторая по величине, после Великобритании, империя на Земле, которая за 55 лет до того отметила свое тысячелетие, практически прекратила свое существование. Причем случилось это не в результате победы внешних врагов. Опыт последних 300 лет свидетельствовал о практической невозможности завоевать Россию. Это удалось лишь татарам в средние века. Последующие попытки повторить успех «Золотой Орды» проваливались. Так что развал русской государственности мог произойти лишь по внутренним причинам – вследствие разрыва русского общества со своим собственным государством, как это случилось в 1917 г.

Как же Федотов объясняет это беспримерное развитие?

Во многом его аргументация совпадает с аргументами Петра Струве⁵. Аналогично Струве он говорит о полном отчуждении образованной части русского об-

---

⁵ См.: Luks L. Petr Struve über die Ursachen und Folgen der russischen Revolution. Anlässlich des 95. Jahrestages des bolschewistischen Umsturzes // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2012. Vol. 1. P. 189-219; Люкс. Л. Русский государственный Петр Струве // Петр Бернгардович Струве / Под ред. О.А. Жуковой и В.К. Кантора. М., 2012. С. 253-278.

щества от государства, причем не только от царской монархии, но и от русского государства как такового. Особенно наглядно это отношение отразилось в стихотворных строках одного из радикальных критиков царского режима поэта Владимира Печерина (1807-1885):

«Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья»⁶.

Федотов так комментировал эту позицию: «Вместе с Владимиром Печериным проклинали мы Россию, с Марксом ненавидели ее и она не вынесла этой ненависти... Государство русское, всегда пугавшее нас своей жестокой тяжестью, ныне не существует. Мы помогли разбить его своею ненавистью или равнодушием. Тяжко будет искупление этой вины»⁷.

Аргументация Федотова чем-то напоминает точку зрения других его современников, таких как авторы «Вех» или Василий Розанов, выразившего свое отчаяние по поводу русской трагедии в работе «Апокалипсис нашего времени».

При этом небольшая статья Федотова содержит, однако, моменты, которых, как правило, нет в трудах его современников. Так Федотов не был фаталистом, смерть, в частности, государственного организма, не представлялась ему каким-то окончательным состоянием. Он верил в возрождение России. Страна тысячелетней культуры не может навсегда кануть в небытие. «Пусть озлобленные и малoverы ругаются над Россией как над страной без будущего, без чести и самосознания. Мы знаем, мы помним. Она *была*, Великая Россия. И она *будет*», – подчеркивал Федотов⁸.

Особо трагичным для Федотова был факт, что Россия разрушилась в тот самый момент, когда ее духовная элита начала освобождаться от ранее характерного для нее презрения к своей собственной культуре. Парадоксальным образом, идущий с Запада импульс помог вновь открыть красоту русской культуры: «Возвращаясь из Рима, мы впервые с дрожью восторга всматривались в колонны Казанского собора, средневековая Италия делала понятной Москву. Совсем недавно, после первой революции нашей, совершилось это чудо: воскрешение русской красоты, не сусальной, славянофильской, провинциальной, а строгой, вселенской и вечной. Мы не успели пересчитать наши церкви-музеи, описать старые города-сокровища, не успели собрать нашу живопись. Но сколько открытий уже сделано... Война прервала в самом начале эту работу их изучения. Мы к ней вернемся»⁹.

Это были слова провидца. В конце 1980-х годов во времена горбачевской «перестройки» Россия, после почти 70 лет блужданий, и в самом деле начала возвращаться к наследию «Серебряного века» – эпохи, которую Федотов воспевал в своей небольшой статье. Эта эпоха и сегодня все больше привлекает к себе обра-

⁶ Печерин В. Замогильные записки. М., 1932. С. 6.

⁷ Федотов Г.П. Лицо России. Paris, 1988. С. 1, 7.

⁸ Там же. С. 6.

⁹ Там же. С. 4.

зованную часть русского общества. Это не удивительно: в начале XX в. Россия переживала настоящий творческий прорыв, сравнимый с тем, который веком раньше инициировал Александр Пушкин. Но «Серебряный век» придал некоторым своим проявлениям новые, неожиданные черты. Так старинный спор западников и славянофилов или же противоречия между Западом и Востоком как таковые утратили свою прежнюю остроту, а невидимая, но существующая в головах многих людей, граница, разделяющая культуры Востока и Запада, стала прогниваемой. Русская литература, музыка, живопись, философия, перенявшие многие западные новации, стали сами вдохновлять Запад, причем в значительно большей мере, чем во времена Пушкина, в «золотой век» русской культуры.

Томас Манн говорил в то время (в 1903 г.) об «очаровывающей [...] священной русской литературе»¹⁰. Тот факт, что «Серебряный век» завершился не потому, что исчерпал себя, а вследствие акта насилия, лишь увеличил обаяние этого времени в глазах последующих поколений. Тогда была недосказана увлекательнейшая история, огромный культурный потенциал не был реализован до конца. Отсюда – сегодняшняя попытка восстановить разорванную в 1917 г. связь времен. Федотов уже в 1918 г. в значительной мере предсказал такое развитие событий.

И в другом вопросе Федотов проявил себя провидцем. Он предсказал, что Запад не сможет равнодушно пережить развал России: «Мир, может быть, не в состоянии жить без России. Ее спасение есть дело всемирной культуры»¹¹. Федотов оказался в этом вопросе более дальновидным, чем, например, немецкий социолог Альфред Вебер, который в 1925 г. никоим образом не сожалел об уходе России из Европы. По Веберу, Россия случайно стала частью европейского сообщества наций. Ее повторный уход из Европы был якобы ее возвращением к самой себе¹².

В действительности, Запад никоим образом не мог остаться в стороне от начавшихся в России разрушительных процессов. Через несколько лет на Западе тоже пришли к власти человеконенавистнические тоталитарные режимы – в 1922 г. в Италии, в 1933 г. в Германии. В итоге, в конце 1930-х – начале 1940-х годов значительная часть европейского континента попала под власть нацистского «нового порядка».

Так что предостережение Федотова, что Европа не сможет самоизолироваться от внутрироссийских процессов, является важным открытием, смысл которого многие европейцы поняли лишь годы спустя. Это высказанное в 1918 г. предостережение Федотов много раз повторял в течение второго периода своего творчества (после 1926 г.).

Второй текст Федотова, который опубликовали «Свободные голоса» в качестве передовой статьи, также содержал мысли, определившие его дальнейшее пуб-

---

¹⁰ Mann T. Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. Frankfurt a. M., 1990. Vol. 8. P. 300. Vol. 10. P. 595.

¹¹ Федотов. Лицо России. С. 7.

¹² Weber A. Die Krise des modernen Staatsdenkens in Europa. Stuttgart, 1925. P. 119.

лицистическое творчество. Речь шла о будущем социализма. Факт, что Россия превратилась в экспериментальное поле для проведения социалистических утопий, Федотов, как и авторы «Вех», рассматривает в качестве главной причины упадка страны. Сейчас не может быть сомнений в том, что «именно попытка реализации (социалистических) идеалов повинна, в какой-то еще не подлежащей определению мере, в гибели России»¹³. Но Федотов не щадил и западных социалистов: они обуржуазились, их идеализм и социальный энтузиазм иссяк. «Война вскрыла этот кризис для тех, кто еще не видел его. Второй интернационал погиб. Рабочие всюду заняли свои места в „империалистических“ армиях, чтобы убивать друг друга»¹⁴.

Но эта явная деградация социализма, также, как впрочем, и упадок России, не является для Федотова последним словом истории. Он считает, что социалистическую идею, как и Россию, в будущем ожидает возрождение. И в этом он отличался от тех авторов «Вех», которые после их отхода от марксизма, почти полностью дистанцировались от социализма. В отличие от них, Федотов и после своего обращения к христианству верил в «вечную правду»¹⁵ социалистических идеалов своей юности. По мнению Федотова, «в социализме живет вечная правда всего смысла, которой он еще сам не постигает... Социализм, который вел (человечество) к царству Божию на земле, а привел к бездне, должен найти в себе силы для возрождения, для нового рождения»¹⁶.

Борьба за этот духовно обновленный, христианского типа социализм в значительной мере определила содержание последующей деятельности Федотова в течение его жизни.

В третьей статье Федотова, опубликованной в «Свободных голосах», автор высказал также некоторые мысли, которые он в дальнейшем постоянно углублял.

Статья была написана по случаю заключения крайне унижительного для России Брестского мира, но в ней лишь незначительно затрагивалось это событие. Вместо описания травматических процессов 1918 года, Федотов рассказал о событиях, которые произошли около тысячи лет назад, а именно о сделанном в IX в. переводе Библии с греческого на церковно-славянский язык.

«Мы привыкли видеть в этом факте исключительное счастье, редкий дар судьбы народу русскому. В то время как Запад внимал без разумения словам латинских молитв, и целые столетия не умел закрепить на пергаменте материнскую речь, наша литература своим рождением едва ли не упредила образование Киевского государства», – пишет Федотов.

В то время как западные народы приняли Евангелие на языке, понятном лишь людям образованным, Священное Писание стало доступно всем русским, без различия сословий. Однако в итоге это преимущество, по Федотову, было подоб-

---

¹³ Федотов. Лицо России. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 10-11.

но чаще с ядом: для западных народов латынь стала ключом к сокровищам античной культуры, которая на протяжении веков была недоступна для русских. В Древней Руси было развито созидательное начало, но не научно-философское, – отсутствовал необходимый для этого фундамент Античности. «Творчеством не скудна, конечно, Русь, но ее мысль – научно-философская мысль – спала веками, проспала Возрождение и очнулась так поздно, что между ее вещами, но смутными мечтами и наукой Запада выросла пропасть»¹⁷.

Лишь после петровских реформ страна попыталась быстрыми темпами нагнать свое отставание. Вместо того, чтобы самой припасть к истокам античности, она прибегла к услугам второсортных западных посредников и переводчиков; она уже в зрелом возрасте села на школьную скамью. Этот сценарий в дальнейшем повторялся в России на протяжении двухсот лет: «в зрелом возрасте сели учиться азам и с того рокового дня с каждым поколением выбрасываем, как ветошь, старое достояние, хотим переучиваться всему сначала»¹⁸.

Эти отчаянные попытки людей образованных соответствовать последней европейской моде вызывали лишь отторжение у простого русского народа, – подчеркивал Федотов. Образованные «верхи» и народные «низы» потеряли всякое взаимопонимание, несмотря на то, что русская элита прославляла простой народ и хотела служить ему. Пропать между «верхами» и «низами» лишила русское государство своего фундамента и не в последнюю очередь предопределила его гибель после катастрофы Брестского мира.

Критическая оценка петровских реформ, выраженная в этой статье, не была типична для публицистики Федотова. Беспрецедентные культурные достижения петербургской России вновь и вновь вызывали его восхищение. Совершенное Петром I «возвращение России в Европу» Федотов считал вынуждено необходимым. Лишь таким путем Россия могла избавиться от культурного застоя, который царил в России перед ее европеизацией¹⁹.

Несмотря на свое восхищение творением Петра Первого, Федотову была ясна и его непрочность, которая не в последнюю очередь была обусловлена тем, что великий реформатор, в сущности, расколол Россию на две нации – европейски образованную элиту, и простой народ, которого европейское образование едва ли коснулось. Из-за этого разрыва, в конечном счете, и погибла петербургская Россия, о чем также говорилось в статье Федотова о Брестском мире.

б. Соображения о причинах и последствиях русской революции

После запрета «Свободных голосов» Федотов в условиях большевистской диктатуры больше не имел возможности публично выражать свои мысли. Во время

¹⁷ Там же. С. 14.

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ См. Вейдле В. Задача России. N.Y., 1956.

гражданской войны он жил в Петрограде и работал в Публичной библиотеке. Несмотря на замкнутый образ жизни, он участвовал в заседаниях тайного религиозно-философского кружка под руководством богослова А. Мейера, который и был редактором «Свободных голосов»²⁰.

В начале 1920 г. Федотов, чтобы избежать царившего в Петрограде голода, покинул город и переселился в свой родной город Саратов, где стал преподавать историю средних веков в университете. (В 1911 г. он завершил курс истории у известного петербургского профессора-медиевиста И.М. Гревса).

В 1923 г. Федотов вернулся в Петроград, где работал переводчиком и вновь вошел в кружок А. Мейера. Широкой общественности он оставался неизвестен. Его биограф писал: «За (эти) годы (Федотову) удалось напечатать только три статьи в научных журналах и небольшую ... брошюру об Абеляре». Из-за ужесточившейся цензуры его статья "Об утопии Данте" так и осталась неопубликованной²¹. Так что творческий потенциал Федотова в значительной мере оставался нереализованным. Эта ситуация изменилась лишь тогда, когда он в конце 1925 г. покинул Советский Союз и переселился на Запад. До 1941 г. Федотов жил в Париже. Уже в 1926 г. в русских эмигрантских журналах «Версты» и «Путь» появились первые статьи Федотова, которые заложили основу его славы как одного из самых талантливых публицистов русской эмиграции. Особое внимание общественности вызвало его эссе «Трагедия интеллигенции», опубликованное в журнале «Версты» в 1926 году. На этой статье я хотел бы остановиться немного подробнее.

В начале работы Федотов извиняется за необходимость вновь писать о русской интеллигенции: не опубликованы ли об этом с конца XIX в. многочисленные тексты? Федотов придерживается, однако, мнения, что, несмотря на поток статей, катастрофа 1917 г. вынуждает переоценить роль интеллигенции в русской истории. Лишь теперь можно ясно увидеть как созидательные, так и разрушительные последствия ее деятельности. В качестве двух основных характеристик интеллигенции Федотов называет ее беспочвенность и самозабвенный идеализм. Однако это определение не представляет собой ничего нового. Аналогично описывали интеллигенцию и авторы «Вех». Тем не менее, федотовское изображение интеллигенции содержит дополнительные аспекты, которые еще больше подчеркивают уникальность этого явления. В особенности это касается беспочвенности интеллигенции. Не в последнюю очередь по этой причине не все критики царизма, по Федотову, принадлежат к «ордену интеллигенции». Так, например декабристы, которые хотели превратить царскую автократию в конституционную монархию, никоим образом не были беспочвенными оппозиционерами. Они были прекрасно интегрированы в царский офицерский корпус и государственный аппарат. Они отвернулись от существующего режима не вследствие своих антигосударственных убеждений, а лишь потому, что русская монархия, с их точки зрения, ос-

²⁰ См. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12-то томах. М., 2008. Т 12. С. 252-255.

²¹ Федотов Г.П. Лицо России. Введение. С. XVIII.

тановилась на пути просвещенных реформ, предначертанном Петром. Лишь следующее поколение критиков режима, по Федотову, отвернулось от своего государства. Лишь с этого поколения, как считал Федотов, началась история «ордена интеллигенции».

Несмотря на свое отдаление от государства, интеллигенция не смешивалась с простым народом, продолжает свои размышления Федотов. И это несмотря на то, что представители интеллигенции жертвовали собой ради освобождения русского крестьянства от несправедливой социальной системы царизма и прославляли его как своего рода воплощение добра. Но для русских крестьян все представители европейской элиты, в частности и интеллигенция, были как бы иностранцами, языка и мировоззрения которых они не понимали. Интеллигенция, отдаленная от государства и народа, жила в своем абстрактном мире идей. Вследствие своего полного отрыва от политической и социальной реальности, она становилась все более радикальной. Каждое новое поколение интеллигенции выбрасывало идеи предыдущего на "свалку истории", потому что считало их слишком умеренными. Так, например, радикально настроенные материалисты-нигилисты 1860-х годов презирали своих предшественников-идеалистов (конфликт отцов и детей, столь точно описанный Федором Достоевским в романе «Бесы»). Кампанию нигилистов, направленную против эстетики, против всякой неутилитарной деятельности в сфере культуры, Федотов называет своего рода нашествием варваров, которое угрожало разрушить хрупкую оболочку цивилизации петербургской России.

Линии развития русской интеллигенции и русской культуры все больше отдалялись друг от друга: «К XX в. это уже две породы людей, которые перестают понимать друг друга»²².

Для Федотова представляло загадку почти религиозное рвение, с которым интеллигенция, имеющая весьма скудный интеллектуальный багаж, отстаивала свои идеи. Это в особенности касалось поколения 1870-х годов, которое шло за нигилистами и из рядов которого вышло движение народников. Движение, которое «ушло в народ», чтобы самозабвенно служить ему, вызывает почти безграничное восхищение Федотова (в этом нашли свое ясное выражение социалистические идеалы его юности).

Федотов сравнивает народников с религиозными подвижниками и мучениками времен раннего христианства. Хотя духовными лидерами народников были авторы поверхностных революционных брошюр, фактически их идеалы питались из христианских истоков. Федотов подчеркивает, что многие народники, вопреки их атеистическим взглядам, говорили о Христе с большим благоговением. Но затем, с 1879 г., случилось что-то непостижимое: «Бродячие апостолы становятся политическими убийцами». Это превращение Федотов объясняет провалом эсхатологических ожиданий народников. Несмотря на свою чрезвычайную готовность к

---

²² Там же. С. 102.

самопожертвованию, они оказались не в состоянии создать «Царствие Божие, или царство социализма»²³. Народ, к спасению которого они стремились, отвернулся от них.

Совершая террористические акты, интеллигенция утратила политическую невиновность, – развивает свою мысль Федотов. Однако, представители «ордена» считали себя, несмотря на совершаемые ими убийства, не преступниками, а жертвами и мучениками. Всякое воспевание побед было им чуждо; из всех революционных песен у них пользовались наибольшей популярностью похоронные марши, – подчеркивает Федотов.

На протяжении поколений русская интеллигенция пыталась проникнуть в душу народа, разгадать тайные желания и стремления русских «низов».

Но так как народ упрямо молчал, этому молчанию придавалось почти мистическое значение. В воображении интеллигенции возник иллюзорный мир людей, якобы стремящихся создать социальный рай на земле. Лишь ненавистный царский режим, с точки зрения интеллигенции, стоял на пути реализации этих амбиций. Однако в 1917 году выяснилось, что реальный русский народ не имеет ничего общего с искусственным конструктом интеллигенции. Случилось именно так, как предсказывал Александр Пушкин, когда описывал «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Что же на самом деле представляло собой мировоззрение широких русских народных масс, которые связывали с революцией 1917 г. совсем иные представления, чем те, которые от них ожидала интеллигенция?

Этот вопрос рассматривается Федотовым в статьях "Революция идет" и "Новая Россия", опубликованных в журнале «Современные записки» в 1929 и в 1930 гг. Федотов, как и многие другие авторы, изучающие предысторию русской революции, начинает свой анализ с преобразований Петра Первого, положивших конец культурной однородности Московского государства. В этой связи Николай Бердяев и Петр Струве говорили о двух нациях, возникших на территории России. Федотов же использует другой образ. Он говорит о двух разных государствах, на которые распалась Российская империя с начала XVIII в.: о светской империи дворянства, перенявшей западные представления о чести и основанном на ней понятии верности государю, и о крестьянском царстве во главе с «земным Богом», который представлял собой воплощение совершенства. В отличие от дворянства, русское крестьянство не связывало свою верность царю с определенными условиями. Крестьянство даровало царю свое безграничное доверие, так как царь был для крестьян, прежде всего, хранителем «истиной веры». Кре-

---

²³ Там же. С. 107. См. на эту тему также Зернов Н. Русское религиозное возрождение. Париж, 1991; Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955; Nahimy V. The Russian Intelligentsia. From Torment to Silence. New Brunswick, 1983; Venturi F. Roots of Revolution. Chicago, 1983; Luks L. Intelligencija und Revolution. Geschichte eines siegreichen Scheiterns // Historische Zeitschrift. 1989. Vol. 249. P. 265-294. Степун Ф. Сочинения. М., 2000; «Современные записки» (Париж 1920-1940). Из архива редакции. М., 2011. Том. 1. С. 386.

стьяне, забритые в солдаты, сражались «За Веру, Царя и Отечество». Не случайно, что понятие «Отечество», как подчеркивает Федоров, стоит в этой триаде на последнем месте²⁴.

У дворянства, как отмечает автор, существуют иные приоритеты ценностей: оно, прежде всего, служит Отечеству, а лишь затем -православному царю. Обе эти государственные доктрины практически никак не были связаны между собой, – продолжает свои размышления Федотов.

Несмотря на это, русская монархия в XVIII в. оставалась в высшей степени стабильной, так как она опиралась как на лояльность прозападного высшего сословия, так и на веру «низов» в царя. Эти две формы верности государству дополняли друг друга. На этом базировалась устойчивость царской монархии в XVIII в., которая в это время достигла значительных внешнеполитических успехов.

В XIX в. обе эти опоры власти царизма заколебались, пишет Федотов. Часть высшего общества, ориентированная на дальнейшую европеизацию страны, отвернулась от режима вследствие его враждебного отношения к реформам. Крестьяне же стали сомневаться в своей многовековой вере в богоподобность царя, по-западному образованного и одетого в немецкую униформу. Поэтому народные массы были все меньше способны понимать свое собственное государство: «Россия с Петра перестала быть понятной русскому народу. Он не представлял себе ни ее границ, ни ее задач, ни ее внешних врагов, которые были ясны и конкретны для него в Московском царстве»²⁵.

Крестьяне не только не понимали собственное государство, – оно было для них также источником крайней несправедливости. Федотов имеет в виду, конечно же, самую большую социальную рану и бесчестье России – крепостное право. Факт, что крестьяне никак не могли примириться с крепостным правом, этой, с точки зрения русских консерваторов, наиболее важной опорой русской монархии, делал их крайне ненадежными союзниками царизма.

Такое положение отмечали многие другие авторы, изучавшие столь непрочный фундамент петербургской России. Тот факт, что царская монархия в 1762 году освободила дворянство от обязательной службы и в то же время сохранила крепостное право, усилил убежденность русских крестьян в том, что русский общественный строй основан на массовой несправедливости. Русский историк Василий Ключевский об этом писал: «Равновесие прав и обязанностей, на котором держался политический строй в России, нарушается: одно сословие продолжает пользоваться всеми прежними преимуществами и получает некоторые новые, в то время как с него спадали одна за другой его прежние обязанности»²⁶.

---

²⁴ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 128-129.

²⁵ Там же. С. 129.

²⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 5 // Ключевский В.О. Сочинения. Т. 5. М., 1958. С. 161.

Федотов указывает на то, что отмена крепостного права в 1861 г. не так уж сильно изменила крестьянские представления о несправедливости общественного строя России: «Раздел земли между крестьянством и дворянством во время освобождения был воспринят первым как тяжелая несправедливость. Уже тогда оно предъявило притязания на всю землю. Это требование вытекало не из экономической нужды, а из сознания права – своеобразного, не частно-коммунистического, а скорее публичного права»²⁷.

В начале XX в. состоялась долгожданная встреча интеллигенции с народом, – продолжает Федотов свои рассуждения. Это был в высшей степени противоречивый союз под лозунгом "Земля и воля" (Федотов использует название организации русских народников 1870-х годов). При этом оба участника этого союза имели совершенно различные цели: «одному земля, другому воля»²⁸.

Как справедливо отмечает Федотов, русские крестьяне в 1917 году были заинтересованы в земле, но не в свободе и защите демократии. Решение крестьянства по своим последствиям стало роковым для России – Немезида истории не заставила себя долго ждать. После потери свободы крестьяне потеряли и землю. Но случилось это после почти девятилетнего интермеццо. Речь идет о введении большевиками в 1921 г. новой экономической политики, переход к которой русские крестьяне считали высшим достижением своей истории. Этот поворот в аграрной политике большевиков произошел вследствие постоянного сопротивления крестьян продразверстке, принудительно введенной большевиками во время гражданской войны.

В этой ситуации Федотов публикует статью "Новая Россия", где описывает огромный рост уверенности крестьян в своих силах. Несмотря на многочисленные препятствия, чинимые большевистской бюрократией, крестьянин чувствовал себя "властелином истории": «В деревне, освобожденной от помещика и от наваждения земельной прирезки, проснулся небывалый голод к труду. Крестьянин словно впервые почувствовал себя хозяином на своей земле: он жадно слушает агронома, бросается на технические новинки, которые еще недавно его пугали. Он рассчитывает, строит планы – и убеждается, что, при данной фискальной системе, самое умное – скосить свой хлеб на сено. Но при малейшей передышке он показывает свою силу»²⁹.

С точки зрения Федотова, отношение крестьянства к большевистской властной элите принципиально отличается от его прежних отношений к царской бюрократии. Крестьяне ненавидели коммунистов, но это не была классовая ненависть, так как новые хозяева жизни в немалой своей части рекрутировались из бывших «низов» общества, в частности из крестьян. Менталитет коммунистов был понятен крестьянам лучше, чем менталитет европеизированного чиновничества петербургской России. Крестьяне не только критиковали выходцев из сво-

²⁷ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 155-156.

²⁸ Там же. С. 158.

²⁹ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 198.

ей среды, которые сделали карьеру в большевистском госаппарате, но и в то же время гордились ими. Этот процесс социального выравнивания в стране – ликвидация прежней зияющей пропасти между классами и сословиями – мог, по Федотову, стать предпосылкой появления нового национального самосознания. Что беспокоило Федотова, это недостаточная политическая зрелость деревни, факт, что у нее отсутствовали конкретные политические цели и идеалы: «Бесспорно, выросла ее политическая независимость, но трудно сказать, насколько выросло ее государственное сознание со времени анархического угара 1917–1919 годов»³⁰.

Озабоченность Федотова была полностью оправдана. В то время, когда были опубликованы эти его строки, большевистское государство начало не знающий примеров в истории террористический поход против русского крестьянства с целью уничтожения достижений большевистской земельной реформы, провозглашенной 8 ноября 1917 г. («черный передел»). Наступил расчет за то, что крестьян интересовала лишь их собственность на землю, но не их свобода. Режим, который избежал любого контроля со стороны общества, теперь был в состоянии реализовать свои политические планы, даже самые безумные, не встречая действительного сопротивления.

в. Сталинская революция сверху или „второе закрепощение“ крестьян

Через несколько месяцев после начала коллективизации сельского хозяйства Федотов в статье «Проблемы будущей России» выразил свое отношение к этому процессу. Сталинскую попытку лишить собственности 100 млн. крестьян и превратить их в безземельных пролетариев, он назвал актом безумия. Однако это безумие имело свою внутреннюю логику. Сталин понимал, что национальная сущность России, ставящая под угрозу коммунистический эксперимент, выражена, прежде всего, в крестьянстве. Поэтому он принял смелое решение – ликвидировать крестьянство как таковое: «Никогда еще столь дерзкая мысль не воплощалась в волю государственного деятеля. *Hic incipit dementia*. Но, может быть, никогда еще ни один правитель не наследовал такой сверхчеловеческой власти».

Затем Федотов с чувством тревоги спрашивает, сможет ли сталинский режим осуществить свое намерение: «И становится страшно: удастся ли? То есть не „построить социализм“, а разрушить все живые силы крестьянства, обратить его в рабство, без хозяйственной воли, без быта, без Церкви, без России. Сейчас решается судьба России — быть может, на столетия. Если народ не отстоит себя в этой последней борьбе, значит, он перестает быть субъектом истории»³¹.

³⁰ Там же. С. 199.

³¹ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 229.

Как известно, эту решающую битву русское крестьянство проиграло. Несмотря на отчаянное сопротивление, оно было не в состоянии сдержать режим, который в мирное время объявил войну собственному народу.

В своей второй статье из цикла «Проблемы будущей России», изданной в 1931 г. в журнале «Современные записки», Федотов описывал русское крестьянство после побоища. Как могло произойти столь сокрушительное поражение подавляющего большинства народа? Федотов объясняет это в первую очередь недостатком готовности народа защищать свою свободу и права: «Он не пошевелил пальцем, чтобы защитить избранное им учредительное собрание. 13 лет он пассивно смотрит, как воля его фальсифицируется в избирательской системе советов, позволяя говорить от своего имени продажным или враждебным ему отщепенцам. Он живет в режиме неслыханного террора, едва ли сознавая исключительность этого положения. Он дает энергичному меньшинству мять себя, как глину, вить из себя веревки»³². Эта пассивность масс, по Федотову, искушала «людей одаренных волей к власти и лишенных правового сознания». В царской России большинство населения также было пассивно, – развивает свою мысль Федотов. Но в стране тогда был тонкий слой интеллигенции, ценившей превыше всего свободу. Интеллигенция, со своим почти религиозным пафосом свободы, заставила правителей обуздать их властолюбие. «Объективно интеллигенция предъявила свои права на власть, боролась за нее более полувека и потерпела поражение в 1917 году»³³.

После уничтожения интеллигенции вследствие большевистской революции, в России больше не осталось социальной группы, которая была бы готова защищать свободу. Этот факт считает Федотов наиболее трагическим последствием катастрофы 1917-1920 гг.³⁴

После описания положения народных масс России, то есть побежденных, Федотов обращается к победителям – партии большевиков. В статье 1933 г. под названием «Правда побежденных» Федотов описывает менталитет нового поколения большевистских функционеров, которым удалось выйти победителями из второй гражданской войны начала 1930-х годов. Этим «новым большевикам» была чужда революционная романтика своих предшественников. Партия пыталась уничтожить память о братстве по оружию времен гражданской войны; симпатии к бывшим товарищам теперь считались святотатством. «Новый большевик» должен был всегда быть готов устранить даже самых честных и стойких товарищей, если они выступали против "генеральной линии партии". Партаппарат виртуозно использовал самые низменные инстинкты членов партии. На каждого из них было подготовлено досье, в котором были в мельчайших деталях перечислены слабости и недостатки "потенциальных преступников". Всеобщее недоверие и страх представляли собой важнейшие основы системы. Подлецы, не

---

³² Там же. С. 257.

³³ Там же. С. 142.

³⁴ Там же. С. 258.

имеющие собственного мнения, или же люди, которые не в состоянии защищать свои убеждения, являлись «безупречными» товарищами по партии: их легче было контролировать: «Отсюда эта постоянная гимнастика предательства своих убеждений, упражнения в покаянных письмах и доносах на единомышленников. Нужно унижить, скомпрометировать возможно больше членов партии, чтобы они не могли выйти из повиновения. Верность коммунизму, стойкость убеждений – лучшие качества бойца, последние остатки военно-революционной этики – сознательно разрушаются во имя партийной дисциплины»³⁵.

Примерно за 4 года до первого московского показательного процесса Федотов описывает эту «новую большевистскую мораль». Он прозорливо предсказал покаянные выступления бывших ближайших соратников Ленина, которые предавали свои убеждения, товарищей и даже членов своих семей и оговаривали себя, признаваясь в самых отвратительных преступлениях. Это моральное разложение представляется почти неизбежным следствием изменения менталитета большевиков, о чем Федотов писал еще в начале 1930-х годов.

Федотов за 4 года до их начала предвидел и другую существенную черту будущих показательных процессов – их фиктивность, пропагандистскую заданность, основанную на «полезной лжи».

«В настоящее время можно сказать, что коммунизм уже потерял способность различения истины и лжи, как, много раньше, – добра и зла. Истина приобрела чисто служебное, или тактическое, значение – для генеральной линии, для сегодняшнего дня. Это признается с наивным цинизмом издателями Советской Энциклопедии, историками партии. История не может угнаться за политическим заказом, меняющимся каждый день. Вчерашние полубоги, в которых верили, на которых учились, сегодня втаптываются в грязь по указке свыше», – писал Федотов³⁶.

Как же могла существовать эта описанная Федотовым саморазрушительная система? На чем основывалась ее несомненная эффективность, позволившая ей победить всех своих врагов, подчинить себе русское общество как таковое?

Федотов объясняет это существованием мифа коллективизма, ощущением каждого партийца, что он – составная часть гигантского механизма: «Связь с коллективом, с партией, с могущественным сверхличным организмом. Превратиться в клеточку, не чувствовать, убить свою личность – единственный способ сохранить жизнь и способность к действию»³⁷.

Федотов отмечает, что такая крайняя степень самоотречения в пользу коллектива возможна лишь тогда, когда речь идет о коллективе, всегда находящимся в борьбе. Поэтому большевизм постоянно нуждается в новых врагах, которых следует уничтожить. Так что партию вдохновляет не столько любовь к новому справедливому миру, который она якобы строит, сколько ненависть к врагам. Поэтому

---

³⁵ Там же. Т. 2, С. 36.

³⁶ Там же. С. 36-37.

³⁷ Там же. С. 37.

Федотов считает большевизм в чистом виде механизмом разрушения, которому чуждо все человеческое: «Дух большевизма – дух небытия»³⁸.

Так Федотов описывал характер партии, которая после покорения русского крестьянства чувствовала себя всемогущим демиургом, сумевшим чуть ли не мгновенно «создать новый мир» и построить «социализм в одной стране».

XVII съезд партии большевиков в январе 1934 г., на котором большевики праздновали свой «триумф», партийные пропагандисты называли «съездом победителей». Через 5 лет 70% членов ЦК, избранных на этом съезде, и почти половины его делегатов уже не было в живых. Они пали жертвой беспримерного сталинского террора. Поэтому советский историк Михаил Гефтер во времена горбачевской перестройки переименовал «съезд победителей» в «съезд самоубийц»³⁹.

Как Федотов объясняет этот непостижимый процесс?

Факт перерождения в середине 1930-х годов большевистской диктатуры в личную деспотию Сталина Федотов не считает чем-то необычным.

Почти все «великие революции» в конце концов, вырождались в личные тирании, пишет Федотов в 1936 г. в статье «Сталинокрафия». Причем большевистская Россия все более походила на фашистские государства. Однако между сталинской диктатурой и фашистскими режимами было и важное различие: «Для фашизма необходимы три элемента: вождь, правящий активный отбор и революционная взволнованность масс. В России не только давно уже массы вернулись в состояние политической пассивности. В России, теперь уже можно сказать, нет и партии как организации активного меньшинства, имеющей свою волю, свои традиции. Муссолини и Гитлер (как и Ленин) должны постоянно дрессировать, воспитывать и вдохновлять ряды своих бойцов. Эта обязанность принадлежит к нелегкому политическому искусству фашистского вождя. Сталину давно уже удалось убить всякую политическую активность своей партии»⁴⁰.

Здесь Федотов недооценивает степень покорности правящей партии в нацистском государстве, которая ничем не отличалась от покорности большевиков в сталинскую эпоху. Но конечно, существовали и коренные различия между двумя тоталитарными режимами – они касались прежде всего идеологических, экономических и социальных устоев обеих систем. Эти различия Федотов, как правило, недооценивал, называя сталинизм разновидностью фашизма⁴¹.

Большинство эмигрантов все еще мечтало о спасении России от большевизма; они не понимали, что большевизма в его прежнем виде в России больше нет, что не большевики правят Россией, пишет Федотов: «*Не они, а он*. А если „они“, воз-

---

³⁸ Там же. С. 39.

³⁹ Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 260.

⁴⁰ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 85.

⁴¹ См. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 9. М., 2004. С. 190-191, 201, 208, 221, 257, 340.

главляемые „им“, то совершенно не коммунисты, а новые люди, к которым нужно приглядеться», – считает Федотов⁴².

Через несколько месяцев после написания Федотовым этих строк начался сталинский «Большой террор», начало которому положил первый московский показательный процесс августа 1936 г. Советская властная элита, которая тогда безраздельно контролировала все ключевые позиции в государстве, практически не оказала сопротивления этой попытке Сталина обезглавить ее. Ее поведение очень отличалось от действий советских крестьян, оказавших отчаянное сопротивление террористической кампании режима во время коллективизации.

Столь разное поведение, конечно же, определялось тем, что старая большевистская гвардия, в отличие от крестьян, в гораздо большей степени отождествляла себя с системой, которая теперь была направлена против нее. Польский поэт Александр Ват, который одно время симпатизировал коммунизму, писал в воспоминаниях, что ни одна группа жертв не вела себя в сталинских тюрьмах столь недостойно, как «старые большевики», эти бывшие герои революции и гражданской войны. Едва ли кто иной так быстро капитулировал перед органами террора⁴³. Московские показательные процессы 1936-1938 годов, когда, как уже говорилось, бывшие ближайшие соратники Ленина обвинялись в беспрецедентных преступлениях против ими же и созданного советского государства, являют собой особенно впечатляющий пример такой капитуляции.

Лев Троцкий в Нью-Йорке в феврале 1937 г. в речи, посвященной московским показательным процессам, взял под защиту своих бывших соратников: «Суд ГПУ есть суд инквизиции. Признания подсудимых, вынужденные методами ужасающей нравственной пытки, полны противоречий и абсурдов. При первом соприкосновении со свободной критикой они рассыпаются в прах... Разве подсудимые свободно, по собственной воле сделали свои признания? Нет, их постепенно, в течение ряда лет держали под прессом, нажимали пресс все больше и больше и, в конце концов, не оставили несчастным раздавленным людям никакой другой надежды на спасение, кроме полной и безусловной покорности... Выносливость нервной системы человека ограничена!»⁴⁴.

Однако объяснения Троцкого касались лишь тех большевиков, которые лишь после применения физического воздействия смирились с невыносимой для них ролью марионеток в кукольном театре Сталина. Поведение же еще не арестованных коммунистов, которые «в услужливом послушании» говорили языком сталинских палачей, должно оцениваться иначе. Так многие бывшие партийные оппозиционеры (Карл Радек, Христиан Раковский, Владимир Антонов-Овсеенко, Николай Пятаков и другие) во время первого московского показательного процесса в августе 1936 г. требовали беспощадной расправы с обвиняемыми.

---

⁴² Федотов. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 86.

⁴³ Wat A. *Mój wiek. Pamiętnik mówiony*. Warszawa, 1998. Т. 2. Р. 149, 164.

⁴⁴ Trotzki L. *Schriften I., Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur*. Frankfurt a. M., 1988. Vol. 1.2 (1936-1940). P. 1033-1035.

Пятаков писал 21 августа 1936 г. в газете «Правда»: «Не хватает слов, чтобы полностью выразить свое негодование и омерзение. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, уничтожать, как пададь, заражающую чистый, бодрый воздух Советской страны»⁴⁵.

Федотов пристально следил за московскими показательными процессами.

Факт, что подсудимые во время процессов вели себя "недостойно", Федотов связывает с Лениным: «За Сталиным и Зиновьевым, за всем разнообразием личных характеристик большевистских вождей, маячит зловещая фигура Ленина, который воспитал это поколение, который своим принципиальным, циническим аморализмом, своим отрицанием личной чести, правдивости и достоинства убил в зародыше возможность большевистского благородства. Растил палачей, но не героев. И по образу этих растленных, на все готовых слуг творил новую Россию – рабыню Сталина»⁴⁶.

После третьего московского показательного процесса в марте 1938 г., который был направлен против «любимца партии» Николая Бухарина, Федотов высказал мнение, что уничтожение старой большевистской гвардии должно устранить партию Ленина. Это была посмертная казнь Ленина: «будь жив сейчас Ленин и окажись он в руках Сталина, без всякого сомнения, и он признал бы себя германским шпионом – и, быть может, с несколько большим на то правом» – пишет Федотов⁴⁷.

Имел ли «Большой террор», который, на первый взгляд, был лишь воплощением саморазрушающего произвола режима, свою внутреннюю логику?

Федотов ее определенно видит; он считает, что ненавистная народу партия постепенно становилась обузой для Сталина. Теперь он хотел быть властелином всех русских, а не только вождем убежденных коммунистов. Отсюда – реабилитация предреволюционной русской истории, до сих пор являвшейся для большевиков воплощением зла; отсюда – прославление ранее презираемого слова «Родина». Сталин, в отличие от побежденного им Троцкого, не был убежденным марксистом, – считает Федотов. У Сталина не было интеллектуального потенциала необходимого для комплексного понимания марксистской доктрины. Факт, что, несмотря на это режим официально исповедовал марксизм, Федотов объяснял интеллектуальной импотенцией сталинистов. Они не были в состоянии создать идеологию, которая могла бы легитимировать новую систему, больше не имевшую с классическим марксизмом ничего общего. Культ личности Сталина играл в этом двойственном отношении режима к марксизму особую роль. Сталина, одного из самых теоретически бездарных большевистских функционеров,

---

⁴⁵ Цит. по: Conquest R. Am Anfang starb Genosse Kirow. Säuberungen unter Stalin. Düsseldorf, 1970; см. также: Hedeler W. Neue Archivdokumente zur Biographie von Grigori Jewsejewitsch Sinowjew // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. 1999. P. 314; Советское руководство. Переписка 1928-1941. М., 1999. С. 342.

⁴⁶ Федотов Г.П. Защита России. Париж, 1988. С. 53.

⁴⁷ Там же. С. 180.

советские писатели превозносили как самого лучшего стилиста, а ученые назвали величайшим философом мира. На первый взгляд, это казалось абсурдным, однако Федотов увидел в этом своеобразную внутреннюю логику: «Сталин должен быть величайшим гением, чтобы иметь право не считаться с догмами Маркса и заветами Ленина»⁴⁸.

Федотову не хватало временной дистанции, чтобы понять, что Сталин никоим образом не стремился дистанцироваться от марксизма – несмотря на его многочисленные критические высказывания в отношении классиков марксизма. Так, например, Сталин не раз называл себя скромным учеником Ленина, однако между строк он снова и снова давал понять, что Ленин был фантазером, мечтателем. Лишь ему, Сталину, удалось воплотить ленинские мечты в жизнь, например, мечту о ликвидации частной собственности или об индустриализации страны⁴⁹.

Но не только заветы Ленина, но и постулаты классиков марксизма Сталин неоднократно ставил под вопрос. В разговоре с вождями югославской компартии Сталин обвинил Маркса и Энгельса в чрезмерной зависимости от немецкой идеалистической философии⁵⁰.

Однако, несмотря на это, было бы неверно полагать, что Сталин дистанцировался от основных принципов марксизма-ленинизма. Напротив, он считал себя величайшим революционером всех времен, который сумел воплотить наследие своих предшественников в реальность.

г. Кризис европейской демократии

Еще в апреле 1918 г. Федотов писал, что европейцы не могут себе позволить отказать от России. Русская катастрофа рано или поздно отразится на Западе. И в самом деле, кризис русской демократии лишь на несколько лет опередил кризис демократии в западной части европейского континента. Для плюралистических обществ Запада тоталитарные течения также стали представлять собой растущую угрозу. С середины 1920-х годов Федотов мог в непосредственной близости наблюдать кризис идентичности европейской демократии, что внушало ему большие опасения. К первым высказываниям Федотова на эту тему принадлежала статья «Carmen saeculare», опубликованная в эмигрантском журнале «Путь» в 1928 г. Название статьи отсылает к стихотворению Горация, которое поэт посвятил началу новой эпохи в истории Рима – правлению императора Августа. Федотов также пытается распознать черты новой эпохи, начавшейся после «долгого XIX века».

---

⁴⁸ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 92.

⁴⁹ О сталинской критике Ленина см.: Волкогонов Д.А. Семь вождей. Галерея лидеров СССР в двух книгах. М., 1995. Т. 1. С. 179, 181.

⁵⁰ Пыжиков А.В. Ленинизм и сталинизм: идеологические разногласия // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 46.

Хотя Федотов не пользуется *expressis verbis* понятием «долгий XIX век», продолжительность этого века, для него, как и 60 лет спустя для Эрика Хобсбаума была определена также: 1789-1914 годы: «XX contra XIX. Век двадцатый против девятнадцатого, которого даты: 1789-1914. Давно уже Европа не знала такой пропасти между отцами и детьми: она напоминает пропасть между идеалистами 40-х годов в России и нигилистами 60-х. Но в России разрыв между поколениями сглаживался успокоительным воздействием той же Европы. Ран Европы залечить некому»⁵¹.

Что же видит Федотов, анализируя события недавно столь бурно начавшегося нового века? Прежде всего, глубочайшую пропасть, отделяющую его от прошедшего столетия. Новый дух времени восстал против изысканной эстетики XIX века, культурного многообразия и гуманистических ценностей. Им были противопоставлены сила воли и техническая эффективность, ценившиеся чрезвычайно высоко. В почете были борющиеся натуры, а не рефлексирющие мыслители. Какая же угроза для старой европейской культуры исходила от этих новых европейцев, – задает вопрос Федотов: «Не бестиализм ли утверждается на развалинах царства человечности?»⁵².

Другая тенденция также вызывает крайнюю озабоченность Федотова – тот факт, что современные европейцы все меньше ценят свободу: «Современный человек не нуждается в свободе. Он предает ее на каждом шагу: в политике, в общественной жизни, в религии. Для него свобода опороченное слово, символ дурного бессилия, буржуазной анархии»⁵³. Эти слова Федотова перекликаются с высказыванием, сделанным им в отношении сталинской России, когда он отметил тенденцию отхода значительных социальных групп России от идеала свободы. Эта параллель поражает, если учитывать, что сталинская Россия была герметично изолирована от Запада. Федотов констатировал *бегство европейцев от свободы* за 13 лет до того, как это сделал Эрих Фромм в 1941 г. в своей знаменитой книге.

Какие еще существенные черты нового века отмечал Федотов в своей написанной в 1928 г. работе? Это, прежде всего, тенденция к коллективизму. Если раньше каждый индивидуум стремился сохранить верность самому себе и, в то же время, входил в разные организации, чтобы удовлетворять свои различные потребности, то эта одновременная принадлежность сразу к нескольким организациям теперь почти не возможна. Каждая организация требует от всякого индивидуума полной идентификации с ней, как со своим племенем, семьей или нацией. От каждого человека требуется верность и подчинение – солдатская дисциплина. «Только не сомневаться, не спускать глаз с забрезжившей точки, –, и идти в ногу, сомкнуться строем. Да здравствует Ленин! Да здравствует Муссолини! Вождь выносятся коллективом, вынашивается массами, и когда родится, массы

⁵¹ Федотов. Лицо России. С.198-199.

⁵² Там же. С. 200.

⁵³ Там же. С. 210.

видят в нем сверхчеловека»⁵⁴. Если учесть, что Федотов написал эти слова о новых тоталитарных тенденциях в Европе в 1928 году, когда такое развитие наблюдалось лишь в двух европейских странах – в России и Италии – его предсказание кажется еще более удивительным.

Однако в одном отношении Федотов оказался лжепророком. Как это часто бывало, Федотов не был фаталистом в анализе постоянно растущих тоталитарных тенденций в Европе. В тогдашней Европе он диагностировал нарастание не только разрушительных, но и созидательных сил. Речь шла, прежде всего, о христианских церквях всех конфессий. Он надеялся, что убежденные христиане смогут действительно противостоять тоталитарным экспериментам, остановить их марш, ведущий в пропасть⁵⁵. Этого, как известно, по крайней мере, своевременно, не произошло. Освенцим и Гулаг предотвратить не удалось.

После мирового экономического кризиса 1929 г. и все углублявшегося кризиса Веймарской республики начала 1930-х годов, Федотов становится все более пессимистичным. В статье «Социальный вопрос и свобода», которую Федотов опубликовал в 1931 г. в «Современных записках», он выражал большую обеспокоенность эрозией политического центра в политическом спектре Европы. Автор писал, что либерализм больше не играет в западных странах почти никакой роли. Социал-демократы, ставшие после упадка либерализма важнейшим оплотом открытого общества, теряют в своей борьбе против правого и левого экстремизма политическую инициативу: «Демократический социализм сейчас нигде не имеет продуманной и глубокой социальной программы. Ему нечего противопоставить соблазнительным демагогическим лозунгам гитлеровцев и коммунистов [...] Так два социальных стана стоят друг против друга: черно-красное знамя социальной революции и бледно-розовое – социального порядка и свободы. Победа одного означает построение рабочей или внеклассовой деспотии с подавлением духовной культуры и медленным угасанием культуры вообще. Победа второго не обещает выхода из тупика. Не разрешившая экономической проблемы Европа идет от кризиса к кризису, к обнищанию и упадку. Но лишь в этом стане, хотя слабыми руками и устаревшим сознанием, готовы защищать свободу»⁵⁶.

Аналогичные опасения в связи с возможным исходом борьбы между социал-демократами, прежде всего Социал-демократической партией Германии (СДПГ), с их экстремистски настроенными противниками, как справа, так и слева, выражал тогда же соотечественник Федотова Александр Шифрин, один из самых оригинальных социал-демократических теоретиков своего времени.

Организационные вопросы и административные задачи так сильно занимают СДПГ, что партия разучилась бороться за человеческие души, пишет Шифрин сразу же после выборов в рейхстаг в сентябре 1930 г.⁵⁷ СДПГ обладает мощней-

---

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 214-215.

⁵⁶ Федотов Г.П. Россия, Европа и мы. Paris, 1973. С. 72-74.

⁵⁷ Schifrin A. Parteiprobleme nach den Wahlen // Die Gesellschaft. 1930. № 9. P. 407.

шей прессой в Европе, продолжает в середине 1931 г. развивать свою мысль Шифрин; тем не менее, она не смогла добиться сколько-нибудь заметного влияния на немецкую общественность⁵⁸.

Германскую катастрофу 1933 года Федотов объясняет, прежде всего, не мощью радикальных противников немецкой демократии, а безволием самих демократов. Федотова особенно беспокоил факт, что бессилие демократии – это не только немецкое или итальянское, а общеевропейское явление: «Демократия нигде не умела защищать себя: она погибает почти без сопротивления... В политике слабость не только несчастье, но и порок. Не умея защитить себя, власть тем более не в силах осуществлять ответственных решений, вести народ к творчеству новой жизни»⁵⁹.

Это слова из статьи Федотова «Наша демократия», опубликованной в 1934 году в журнале «Новый Град», основанном им в 1931 г. совместно с Федором Степуном и эсеровским публицистом Ильей Бунаковым-Фондаминским. Журнал представлял собой реакцию на европейский кризис 1930-х годов. Важнейшей целью журнала, его программой, была защита свободы, этого важнейшего с точки зрения издателей «Нового Града» достижения начавшегося в 1789 году «долгого XIX века», от ее тоталитарных врагов, левых и правых. Уже в 1933 г. Федотов опубликовал в «Новом Граде» статью под говорящим названием «Демократия спит», в которой высказал свою глубокую озабоченность тем, что германская катастрофа не смогла разбудить оставшиеся еще в Европе силы демократии: «Вот уже третье предостережение. Первой провалилась Россия. За ней Италия. Теперь Германия. Провалилась уже половина Европы. Половина ли только? Большая часть Европы уже под водами, а мы, уцелевшие, на крайнем Западе, смотрим на волнующуюся бездну, подступающую к нам, готовую слизнуть остатки материка»⁶⁰.

Когда Федотов писал эти слова, в Европе существовали разного рода умиротворители, считавшие, что не следует преувеличивать значение перелома 1933 года. Консервативные союзники нацистской партии были уверены, что им удастся приручить Гитлера: «Через два месяца мы задвинем Гитлера в угол», сказал тогда Франц фон Папен – консервативный союзник Гитлера.

Федотов был гораздо более дальновидным. Ему было ясно, что Германия отныне вошла в совершенно новую историческую эпоху: «В другой век. В другую историю – древнюю, среднюю или ультра-современную? Во всяком случае, в тот век, где меряют достоинство человека чистотой крови, где метят евреев желтым крестом... где жгут ведьм и еретиков. Костров еще нет – для людей (пока репетируют на книгах), но до них осталось недолго ждать. Большая часть пути уже пройдена. От гуманизма осталось так мало, что восстановление квалифициро-

⁵⁸ Idem. Einstellung auf die Expansion // Die Gesellschaft. 1931. № 6. P. 514-515.

⁵⁹ Федотов Г.П. Наша демократия // Новый Град. 1934. № 9; его же. Тяжба о России. Париж, 1982. С. 147-148.

⁶⁰ Федотов. Тяжба о России. С. 103.

ванных казней, право, ничего не изменит в облике торжествующего бестиализма»⁶¹.

Эрозию европейской демократии Федотов связывает не в последнюю очередь с тем, что демократическая идея, за которую в прежние времена многие шли на баррикады, теперь едва ли кого вдохновляет: «Отсутствие идей, отсутствие воли, отсутствие людей – такова формула кризиса демократии, вскрывающая не порочность учреждений, а нечто худшее: одряхление демократической культуры»⁶².

Федотов констатирует, что парламентаризм подвергается осмеянию. Вряд ли можно себе представить, что народ станет защищать парламент, атакованный врагами демократии. А без этой готовности парламентский режим невыносим.

В своем диагнозе 1933-1934 годов Федотов предвосхитил развитие ближайших нескольких лет. Вскоре стало очевидно нежелание западных демократий поставить правые режимы на место, что позволило последним безнаказанно совершать один акт агрессии за другим. Политика невмешательства, проводимая западными державами, подтвердила тезис Федотова, что в политике слабость не только несчастье, но и порок. Слабость, выказанная в то время западными демократиями, отнюдь не являлась проявлением действия неизбежного, квази физического закона. Это был результат сознательного решения ведущих политических кругов Франции и Великобритании, которые в основном сами хотели быть обманутыми авантюристом из Берлина: они принимали на веру его миролюбивые заверения, когда он обставлял ими свои очередные претензии. Когда Невилл Чемберлен и Эдуард Даладьё в Мюнхене предали самого верного союзника Запада в Восточной Европе – Чехословакию, они сделали это, чтобы, как они утверждали, обеспечить мир для будущих поколений («Peace in our time»). Этим решением, чрезвычайно сомнительным с этической точки зрения, они уступили стремлению людей, которыми они управляли, к миру – они непременно хотели плыть по течению. Но существовали и другие решения: за них выступал Уинстон Черчилль, оказавшийся тогда в одиночестве среди политического класса Великобритании. Черчилль безоговорочно осуждал готовность многих представителей британского и французского истеблишмента к капитуляции и считал компромисс с Гитлером бессмысленным.

Так же как и Черчилль, Федотов имел мужество отстаивать непопулярную позицию. В то время, когда все меньшее количество людей осмеливалось защищать демократию, так как она, с точки зрения людей, плывущих по течению, казалась дискредитированной, Федотов в уже упомянутой статье «Наша демократия» писал: «"Новый Град" не популярен, нам нечего терять, и потому мы защищаем демократию»⁶³.

Людам, презирающим демократию, Федотов два года спустя бросил в лицо следующие слова: «Демократия сейчас – единственное убежище человечности.

---

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 113.

⁶³ Там же. С. 153.

А человечность – единственное, что еще сохраняется в современном мире от христианской цивилизации»⁶⁴.

Готовностью плыть против течения Федотов бросил вызов не только своим политическим оппонентам, но и товарищам по судьбе; понятно, что такая готовность требовала особого мужества. Это ясно проявилось в его анализе событий в Испании после начала гражданской войны на Иберийском полуострове. Подавляющее большинство русских эмигрантов высказывалось в этой связи в поддержку генерала Франко, так как он по своим взглядам был антикоммунистом.

Федотову была чужда такая позиция. Жестокий террор испанского правительства Народного фронта, который был направлен в первую очередь против церкви и проявлялся в убийствах священников, чрезвычайно возмущал его. Но еще более возмутительным он считал террор войск генерала Франко – именно потому, что они при этом извращенным образом использовали христианскую риторику: «Что делает особенно страшным „белый“ террор в Испании – это связь его с католическим духовенством. Инстинкты мести и классовой ненависти прикрываются именем Христа. Гражданская война облекается в формы крестового похода»⁶⁵.

При анализе гражданской войны в Испании Федотова беспокоило, то обстоятельство, что победы ультраправых фалангистов Франко обеспечивали Гитлеру и Муссолини дополнительный успех в борьбе против европейских демократий. В феврале 1939 г. в эмигрантской газете «Новая Россия» Федотов писал, что если Чехословакия была оплотом западной демократии в восточной Европе, то Испания представляла собой ее южный бастион⁶⁶.

Вновь Федотов был чрезвычайно разочарован позицией Запада: «Страх всеобщей войны заставляет демократическую Европу предавать Испанию фашистским державам. Еще один кусок живности полетел в волчью стаю. Берите Испанию, только не троньте нас!»⁶⁷.

Антифранкистская позиция Федотова, как и другие его высказывания, критикующие правые позиции, вызывали возмущение многих русских эмигрантов. Впрочем, это не было неожиданностью для Федотова. Он постоянно вступал в полемику со многими эмигрантскими группами, во взглядах которых присутствовали экстремистские и тоталитарные черты.

Однако то, что Федотова удивило и огорчило – это было отношение большинства его коллег из Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, а котором он преподавал с 1926 года. Коллеги почти единогласно выступили против него. Даже глава Русской православной церкви в Западной Европе митрополит Евлогий, который по другим вопросам занимал довольно либеральную позицию, присоединился к хору критиков Федотова. Он потребовал от

---

⁶⁴ Федотов. Защита России. С. 58.

⁶⁵ Там же. С. 225-226.

⁶⁶ Там же. С. 223.

⁶⁷ Там же. С. 65.

руководства богословского института объявить выговор Федотову за его публицистическую деятельность, так как она «приняла характер опасный и угрожающий существованию института, вызвала смущение и соблазн в русском обществе»⁶⁸.

Среди немногих авторов из среды русской эмиграции, взявших Федотова под защиту, был Николай Бердяев. Свое возмущение направленной против Федотова кампанией он выразил в статье, в которой вопрошал: «Существует ли в православии свобода мысли и совести?»⁶⁹.

Поражение правительства Народного фронта в гражданской войне в Испании подтвердило тезис Федотова, который он отстаивал на протяжении нескольких лет. Это тезис гласил, что не только демократическая, но и социалистическая мысль с начала 1930-х годов переживала глубокую эрозию. Обе идеологии вытеснялись шовинистическими, даже фашистскими идеями. Казалось, что крайний национализм, который тогда, как и в канун кризиса 1914 года, превратил всю Европу в пороховую бочку, стал «победителем истории».

Это сочетание было в сущности уникальным. Со времени революции 1848 г. националистические идеи много раз переживали свой триумф, но, несмотря на это, у них были сильные конкуренты, тормозившие их беспрепятственное развитие – либерализм, демократия, или же социализм. В 1930-е годы казалось, что национализм победил все силы, ему противостоящие: «Отечество или родина для большинства европейцев наших дней является единственной религией, единственным моральным императивом, спасающим от индивидуалистического разложения (Баррес – Моррас). Величие родины оправдывает всякий грех, превращает низость в геройство»⁷⁰. Федотов подчеркивает, что этому националистическому заблуждению подвержены также и пролетарские массы, которые ранее выдвигали на первый план социальную борьбу.

Часть рабочего движения, которое прежде немало, способствовало гуманизации существующего строя, утверждению принципа справедливости в капиталистическом обществе, влилась в армию фашистских победителей: «Они верят теперь, что осуществление их социалистических чаяний – право на труд, на достойное человека существование – принесет не победа класса, а торжество национального надклассового государства. [...] Не нам защищать *идеологию* классовой борьбы, отравлявшую несколько поколений моральное сознание рабочего. Но остается фактом, что сама борьба эта была в течение последнего столетия одним из мощных факторов социальной реконструкции. [...] В современных уце-

---

⁶⁸ Федотов. Лицо России. С. XXV. См. на эту тему также Федотов. Собрание сочинений в 12-томах. Т. 12. С. 261-378, 468-474.

⁶⁹ Бердяев Н. Существует ли в православии свобода мысли и совести? // Путь. 1939. № 59. С. 46-54; Федотов. Лицо России. С. XXVI.

⁷⁰ Федотов. Россия, Европа и мы. С. 144-145.

левших демократиях именно это отсутствие серьезного рабочего давления объясняет беспечность правящих верхов»⁷¹.

Федотов указывает на то, что и страна «победившего пролетариата» – СССР – капитулировала перед торжеством национального „*sacro egoismo*“. Красная армия превратилась из авангарда мировой революции в защитника имперских интересов России: «Сталин никогда не был интернационалистом ... (он) всегда презирал европейского рабочего и не верил в его революционные способности. Добившись единоличной, неограниченной власти в величайшей стране мира, ... он приносит в жертву этой власти остатки своих былых псевдорелигиозных убеждений. Интернациональный коммунизм для него, вероятно ... необходимый декорум для защиты национальных интересов»⁷².

Федотов явно недооценивает тот факт, что Сталин никогда не отказывался от своих марксистских, направленных на торжество мировой революции целей. Однако Федотов сумел распознать, что идея мировой революции в 1930-е годы утратила в СССР свой прежний абсолютный приоритет в пользу имперской русской идеи.

Какое послание хотят огласить миру победоносные европейские националисты, – спрашивает Федотов. Что, например, отличает сторонников великогерманской идеи от итальянских фашистов? Почти ничего, – пишет Федотов. Все они восхищаются современной техникой, казарменной дисциплиной, верны своему вождю и маршируют, маршируют без конца. Все, что может повредить этому созданной самой нацией представлению о себе как монолите, исключается из культурного багажа той или иной нации. «Ради монолитности этой мощи из образа Германии исключают Гете, Канта, старый идеализм – все, чем Германия светила миру, в чем было ее подлинное национальное лицо. Муссолини пожелал исключить из образа Италии ее великое христианское средневековье, ее христианское барокко, все, что было живописного, неповторимо-своеобразного в чарующем имени Италии – для всех народов»⁷³.

Федотов оспаривает при этом вопрос о том, действительно ли радикальные националисты стремятся защитить интересы своей нации: «миром движет не борьба за существование, а воля к власти». Поэтому, как считает Федотов, настоящим пророком XX в. был Ницше.

Националистов больше интересует не благополучие их собственного государства, а ущерб, который они могут нанести врагу. При таком подходе не страшит даже перспектива всеобщей гибели: «Лучше смерть, чем торжество врага. Пусть погибнет этот мир, где моя страна не может занять первого места»⁷⁴.

Таким образом, Федотов уже в 1935 г. предсказал руины, в которые к 1945 году экстремисты разного рода превратят европейский континент. Он понимал, что

---

⁷¹ Федотов. Тяжба о России. С. 181-182.

⁷² Там же. С. 183.

⁷³ Там же. С. 185.

⁷⁴ Там же. С. 187.

националистическая мания величия неизбежно ведет к разрушению и саморазрушению огромного масштаба. Ему было также ясно, что за внешней самоуверенностью марширующих националистов неизбежно скрываются внутренние сомнения: «Не нужно обманываться его победными, бодрыми маршами. В глубине души он не верит в счастливый исход. Его родина окружена кольцом врагов. Борьба народов не имеет ни конца, ни разрешения. Как Самсон, он готов обрушить колонны невидимого ему (слепому!) храма культуры и похоронить своих и чужих под развалинами»⁷⁵.

е. Пакт Гитлера-Сталина и начало Второй мировой войны

Хотя Сталин и Гитлер руками третьих стран вели идеологическую войну в Испании, Федотов считал вполне возможным сближение этих идеологически смертельных врагов на основе их общего неприятия демократии. Уже в начале февраля 1939 года, еще до окончания гражданской войны в Испании, Федотов считал слухи о скором российско-германском сближении вполне правдоподобными. Причем эта новая ситуация, как считал Федотов, никак не изменит принципиального намерения Гитлера напасть на Россию; его поход на Восток будет лишь немного отсрочен: «План Гитлера имеет западный и восточный варианты. Для удара в одну сторону ему нужно иметь свободные руки на другой. Но оба удара ему необходимы для осуществления своей великогерманской мечты»⁷⁶. Лишь немногие современники смогли столь точно предсказать будущее поведение Гитлера. Среди тех немногих, кто наряду с Федотовым, предвидел такую возможность, был его соотечественник Лев Троцкий, который в начале 1939 г. столь же дальновидно описал, как поведет себя Гитлер во внешней политике⁷⁷. Так как экспансионистские планы Гитлера не знали границ, Федотов видел своего рода общность судеб западных демократий и России. Без поддержки России Запад был не в состоянии эффективно защитить себя от Третьего Рейха.

В мае 1939 г., когда западные державы отказались от недалновидной политики соглашательства с Гитлером и попытались совместно с Москвой поставить Гитлера на место, Федотов писал, что без поддержки Запада Россия не в состоянии эффективно защитить свои границы от гитлеровской экспансии. Федотову было ясно, сколь противоестественен союз западных демократий со сталинской диктатурой. Этот союз базировался не на мировоззренческих принципах, а лишь на общих интересах. С такими государствами как Англия и Франция, Россию объединял лишь тот факт, что все три страны оборонялись против агрессоров. Но, как известно, через три месяца положение дел принципиально изменилось.

---

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Федотов. Защита России. С. 224.

⁷⁷ Trotzki. Sowjetgesellschaft. P. 1155-1167, 1209-1223.

Россия стала союзником одного из самых агрессивных государств в современной истории и помогла потрясшим мир военным успехам этой страны, которая, заключив альянс со Сталиным, могла не опасаться за свои интересы на Востоке. Первой жертвой этого тоталитарного союза была Польша, которой Федотов в октябре 1939 г. посвятил одни из самых впечатляющих своих строк: «Она первая приняла на свою грудь удар врага, вдвое сильнее, вдесятеро лучше вооруженного, ни минуты не колеблясь, не думая о безнадежности, о бесполезности борьбы. Какое удивительное зрелище в наш век рационализма, утилитарности, всяческих "цель оправдывает средства". Бескорыстный, бесцельный, чисто героический акт классической "смерти за отечество" – кажется нам изумительным, неправдоподобным: точно ожили и перенеслись в нашу повседневность страницы Плутарха. И пусть не говорят, что самонадеянность и власть иллюзий обесценивают жертвенность Польши. Бесспорно, Польша недооценила врага и мечтала не о смерти, а о победе. Но там, где не было уже никакой надежды, ее силы точно возрастают. [...] Такие "эпизоды" спасают достоинство не одной страны, а и всей эпохи. Отдаленные наши потомки, перечитывая смутную историю Европы 30-х годов и изнемогая от всего этого моря низости, рабства и насилий, очнутся от нравственного кошмара и отдохнут – как ни странно это слово – да, отдохнут на ужасной и возвышающей трагедии: гибели Польши». Это уникальное отношение поляков было результатом их своеобразной политической культуры, продолжает Федотов: «Польша не умела жить, но всегда умела героически умирать. И не нам, русским, указывать на сучки в ее глазу, в тот момент, когда сталинские – русские – войска нанесли ей последний, предательский удар»⁷⁸.

Факт, что войска Красной армии своим «предательским» нападением 17 сентября 1939 г. нанесли гибнущей Польше смертельный удар, вызвал чрезвычайное возмущение Федотова. Столь же позорными Федотов считал глубоко укоренившиеся в русской традиции антипольские настроения – тот факт, что его соотечественники, за исключением таких людей, как Александр Герцен, никогда не сочувствовали трагической судьбе своих польских соседей. При этом, как отмечает Федотов, Россия могла бы многому поучиться у Польши, особенно в вопросе любви к свободе и защиты ее.

Освободительная борьба финнов, подвергшихся нападению Сталина, также вызывала восхищение Федотова.

Когда в январе 1940 г. Красная армия, несмотря на численное превосходство, все еще не смогла сломить сопротивления финнов, Федотов написал: «Странно, дико сложилась история. Русские войска умирают за свое собственное рабство. Финны сражаются не только за свою свободу, но и за свободу России»⁷⁹.

То, что европейцы через 21 год после завершения самой кровопролитной в современной истории войны не смогли предотвратить новую мировую войну, подтвердило уверенность Федотова, что существующий европейский порядок пол-

⁷⁸ Федотов. Защита России. С. 263-264.

⁷⁹ Там же. С. 287.

ностью себя изжил и должен быть заменен. Ключевым компонентом до сих пор доминировавшего европейского порядка он считал суверенные государства-нации. При этом национализм, который был основой национальных государств, превращается, по Федотову, «на наших глазах в безумие, в демонию, взрывающую нашу цивилизацию»⁸⁰. Европе, чтобы выжить, необходимо усмирить демонов национализма, что может быть достигнуто лишь путем отказа национального государства от части своего суверенитета в пользу наднациональной федерации: «Из хаоса современного мира возможны лишь два выхода: насильственное объединение в новую мировую империю, или более или менее свободное объединение в федерацию народов. Первая участь грозит Европе в случае победы Германии... Напротив, победа союзников может быть обеспечена лишь действительным, прочным федеративным объединением народов»⁸¹. Модель предотвращающей войну европейской федерации, задуманная Федотовым в ноябре 1939 г., напоминала основанное после Второй мировой войны Европейское Сообщество или Союз⁸².

Какая роль в этой будущей федерации отводилась России? Федотов в январе 1940 г. писал: «Европейская федерация без России не мыслима, так же, как и русская культура без Европы». Этим высказыванием Федотов повторял уже упомянутые нами слова, сказанные им в апреле 1918 года: Европа не может позволить себе обойтись без России. Какой смысл будет иметь для Европы разоружение и урегулирование всех внутренних конфликтов, если ей будет с Востока угрожать вооруженная до зубов Россия? – пишет он и добавляет: «Загнать в Азию Россию еще никому не удавалось, не удастся это и самим русским, если бы они того захотели. Оставаясь в Европе и давя на нее своей огромной тяжестью, Россия может быть или страшной для нее опасностью, или одним из существенных элементов ее равновесия. С Петра Великого Россия жила общей жизнью с Европой, не раз в критические часы истории – 1813, 1914 гг. – помогала спастись в общей беде»⁸³.

Ситуация, описанная Федотовым, повторилась в декабре 1941 г. у ворот Москвы. Планы Гитлера по установлению мирового господства, как в свое время планы Наполеона, были сорваны, прежде всего, потому, что военная машина агрессора столкнулась в России с противником, которому она не могла противостоять.

Когда Федотов говорит о присоединении России к будущей европейской федерации, он имеет в виду послебольшевистскую, пост-тоталитарную Россию: «Нацистская Германия или большевистская Россия не только не могут быть членами какой-либо Федерации, но, как показал опыт, не могут быть участниками никакого политического союза. Их подпись не может иметь никакого веса, их слово не

---

⁸⁰ Там же. С. 273.

⁸¹ Там же. С. 271.

⁸² Аналогичный тезис выдвигал Федотов в 1931 г., через два года после начала всемирного экономического кризиса. См. Федотов. Россия, Европа и мы. С. 153.

⁸³ Федотов. Защита России. С. 282-283

внушает никакого доверия. И это по причинам принципиальным, а не случайным. То, что для общечеловеческого сознания является вероломством, может оказаться для них высшим долгом, почти религиозной обязанностью. Для тоталитарных народов государство само определяет мораль и право, как определяет науку и быт, семейную и личную жизнь граждан. Нет и не может быть такой силы, социальной или моральной, которая для них стояла бы выше государства. Поэтому сверхнациональный суверенитет, федерация, стоящая выше национального государства, должны представляться для них абсурдными»⁸⁴.

Что дополнительно ведет к несовместимости федеральных структур с тоталитаризмом, по Федотову, это тот факт, что тоталитарный режим, основан на чистом насилии и беззаконии. Если бы тоталитарные страны вошли в будущую федерацию, то они взорвали бы ее изнутри⁸⁵. Столь пронизательный анализ Федотова был неточен в одном пункте: в отличие от нацистского режима, альянс с Советским Союзом – одной из тоталитарных держав, оказался возможен. Доказательством тому стала созданная в 1941 г. антигитлеровская коалиция. Ее распад сразу же после победы над общим врагом был, однако, не в последнюю очередь связан с тем, что победивший сталинский режим, в сущности, вел себя так, как это предвидел Федотов, описывая поведение тоталитарных государств.

ж. Кризис Российской империи

Преобладающее большинство русских эмигрантов, даже безусловные поборники демократических принципов, были настроены проимперски. Сначала это можно было отнести и к самому Федотову. Происшедший вследствие революции 1917 г. распад Российской империи стал беспримерной трагедией для него. Факт, что русские солдаты, как правило, «крестьяне в шинелях», не были готовы защищать Россию от ее внешних врагов и сосредоточили свое внимание лишь на борьбе со своими «внутриполитическими врагами» – помещиками, Федотов считал глубочайшей трагедией. Он объяснял такое поведение русских «низов» их политической растерянностью, тем, что потеряв веру в царя, они утратили и всякое отношение к русскому государству: «Народ, который столько веков с героическим терпением держал на своей спине тяжесть Империи, вдруг отказался защищать ее. Если нужно назвать один факт – один, но *основной*, из многих слагаемых русской революции, – то вот он: на третий год мировой войны русский народ потерял силы и терпение и отказался защищать Россию. Не только потерял понимание цели войны (едва ли он понимал их и раньше), но потерял сознание нужности России. Ему уже ничего не жаль: ни Белоруссии, ни Украины, ни Кавказа.

---

⁸⁴ Там же. С. 290.

⁸⁵ Там же. С. 290-291.

Пусть берут, делят, кто хочет. "Мы рязанские". Таков итог векового выветривания национального сознания»⁸⁶.

То, что большевики сумели на основе пролетарского интернационализма и с помощью безбрежного насилия восстановить Российскую империю, с точки зрения Федотова, не представляло собой долговременного решения национального вопроса в империи. Он был убежден в том, что после краха большевистского режима националистические эмоции, еще более радикальные, чем прежде, захлестнут страну: «При насильственном свержении большевистской диктатуры Россию, несомненно, ждет взрыв национальных восстаний. Ряд народностей потребуют отделения от России, и свой счет коммунистам превратят в счет русскому народу»⁸⁷.

Федотов подчеркивает, что большинство русских эмигрантов не верит в распад Российской империи и в возможность сокращения территории России до размера ее великорусского ядра. Это наивно, полагает Федотов. Противники большевиков должны учитывать и такую перспективу. Может случиться, что «новое собирание земель русских» станет насущной задачей первого послебольшевистского правительства России. Со временем Федотов утратил, однако, надежду на то, что послебольшевистской России удастся спасти империю.

Именно в 1947 г., когда Сталин пытался в ранее невиданных размерах упрочить имперские позиции России (за это многие русские националисты простили кремлевскому диктатору как коллективизацию 1930-х годов, так и «Большой террор»), как раз в это время, Федотов писал о национальном вопросе в России: «Большевистский режим ненавистен и огромному большинству великороссов. Но общая ненависть не спаивает воедино народов России. Для всех меньшинств отвращение от большевизма сопровождается отталкиванием от России, его породившей. Великоросс не может этого понять. Он мыслит: мы все ответственные, в равной мере, за большевизм, мы пожинаем плоды общих ошибок. Но хотя и верно, что большевистская партия вобрала в себя революционно-разбойничьи элементы всех народов России, но не всех одинаково. Русскими преимущественно были идеологи и создатели партии. Большевизм без труда утвердился в Петербурге и в Москве, Великороссия почти не знала гражданской войны; окраины оказали ему отчаянное сопротивление. Вероятно, было нечто в традициях Великороссии, что питало большевизм в большей мере, чем остальная почва Импе-

---

⁸⁶ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 246.

⁸⁷ Там же. С. 243. Похожие идеи высказывал тогда и основоположник созданного в 1921 году евразийского движения, князь Николай Трубецкой. Время единовластного господства русских в России уже безвозвратно ушло и большевики хорошо это поняли, писал Трубецкой в 1927 году. Они нашли даже нового носителя российского единства: вместо русского народа – пролетариат. Но это лишь кажущееся решение вопроса, продолжает Трубецкой. «Классовый подход» разжигает классовую ненависть и в конечном счете подрывает единство России. Не говоря уже о том, что национальные чувства рабочих, как полагал Трубецкой, куда сильнее их классовой солидарности (Трубецкой Н. Общевразийский национализм // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 24-30).

рии: крепостное право, деревенская община, самодержавие. Украинцы или грузины готовы преувеличивать национально-русские черты большевизма и обелять себя от всякого сообщничества. Но их иллюзии естественны»⁸⁸.

В своем анализе Федотов недооценивает интенсивность гражданской войны в великорусских областях (Сибири, Тамбове, Астрахани или же Кронштадте). Что же касается склонности нерусских народов, рассматривать большевизм лишь как русское явление, то это наблюдение Федотова вполне соответствует действительности.

В итоге Федотов дает такой прогноз развития России после развала большевистского режима: В то время, когда внимание русских в первую очередь будет отвлечено расчетом со своими собственными палачами, большинство нерусских народов СССР потребует выхода из советской федерации, которую им также гарантирует советская конституция. Это вероятно вызовет гражданскую войну, которая расколется страну на две равновеликих части – русских и нерусских. Если эту гражданскую войну выиграют русские и попытаются насильственно привязать к себе народы империи, эта победа будет недолгой. Тогда Россия станет последней на земле империей, объектом ненависти всех стремящихся к свободе народов. Что же касается самих русских, то их попытка насильственно сохранить имперский характер страны разрушит всякую надежду на внутреннее освобождение России: «Не может государство, существующее террором на половине своей территории, обеспечить свободу для другой»⁸⁹. По всем этим причинам Федотов выступает за освобождение России от груза империи. Это не будет означать конца России: «Finis Russiae? Конец России или новая страница ее истории? Разумеется, последнее. Россия не умрет, пока жив русский народ, пока он живет на своей земле, говорит своим языком. Великороссия, да еще с придачей Белоруссии (вероятно) и Сибири (еще надолго), все еще представляет огромное тело, с огромным населением, все еще самый крупный из европейских народов. Россия потеряет донецкий уголь, бакинскую нефть – но Франция, Германия и столько народов никогда нефти не имели. [...] Даже чувство сожаления от утраты былого могущества будет смягчено тем, что никто из бывших соперников в старой Европе не займет ее места. Все старые Империи исчезнут. [...] Потеря Империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик. Освобожденная от военных и полицейских забот, Россия может вернуться к своим внутренним проблемам – к построению выстраданной страшными муками свободной социальной демократии»⁹⁰.

Удивляет та точность, с которой Федотов в 1947 г. предсказал будущий территориальный облик Российской Федерации, возникшей в 1991 г. Итак, называя например Белоруссию частью постсоветской России, он это свое высказывание

⁸⁸ Федотов Г.П. Новый Град. N.Y., 1952. С. 195-196.

⁸⁹ Там же. С. 198.

⁹⁰ Там же. С. 198-199.

сопроводил словом «вероятно». И в другом пункте этот прогноз осуществился с буквальной точностью: а именно, когда он предсказал, что республики СССР при выходе из советской федерации будут опираться на соответствующую статью советской конституции. Это произошло, несмотря на тот факт, что советскими конституциями (1924, 1936 и 1977 гг.) право выхода из СССР предоставлялось лишь на словах. Но в 1991 г. конституционная теория превратилась в конституционную практику.

Что же касается создания в постбольшевистской России свободного, социального и демократического общества, о чем говорилось в прогнозе Федотова, то публицист никоим образом не был столь наивен, чтобы полагать, что такое общество может возникнуть мгновенно: «После тридцатилетия коммунизма русский человек огрубел, очерствел... Вероятно, не одно поколение понадобится для его перевоспитания, т.е. для его возвращения в заглохшую традицию русской культуры, а через нее и русского христианства, К этой великой задаче должна уже сейчас, в изгнании, готовиться русская интеллигенция, вместо погони за призрачными орлами империи»⁹¹.

Это завещание Федотова актуально и сегодня.

3. Перспективы российской свободы

Статью «Судьба империй» Федотов написал в США, где он провел 10 последних лет своей жизни (1941-1951). После разгрома Франции летом 1940 года Федотов как непримиримый противник национал-социализма находился в большой опасности. Ему в принципе угрожала та же участь, что и его близким друзьям – соредктору «Нового Града» Бунакову-Фондаминскому и матери Марии (Скобцовой), которые за участие в Сопротивлении и за попытки спасти евреев заплатили своими жизнями. Федотов избежал в высшей степени вероятной депортации в нацистский концлагерь лишь потому, что он в начале 1941 г. покинул Францию, совершив бегство, полное приключений. В сентябре 1941 г. он добрался до США, где продолжил свою публицистическую деятельность. Он зарабатывал на жизнь преподаванием – сначала в Йельском университете, а с 1943 г. в Свято-Владимирской православной семинарии в Нью-Йорке. Так что всемирную битву антигитлеровской коалиции с государствами оси он наблюдал по ту сторону Атлантики. Федотов был убежден в том, что новый германский «рывок к мировому господству» обречен на провал. В 1943 г. он писал в нью-йоркском эмигрантском журнале «Новый журнал»: «"Новый порядок", который несет Гитлер, есть порядок господства, а не сотрудничества. В жертву одной расе, то есть народу, обрекаются на гибель и рабство десятки миллионов. Народы Европы не могут при-

---

⁹¹ Там же. С. 199.

мириться с такой участью»⁹². Одновременно Федотов думал и о новом послевоенном устройстве мира. Победители должны были извлечь урок из ошибок и слабых сторон Версальской системы.

Крах Версаля Федотов связывает, с одной стороны, с безмерным национальным эгоизмом европейских стран, с другой стороны, – с отсутствием воли к победе у демократий: «Лига Наций погибла от нежелания гегемонов 1919 года обнажить меч на защиту ее законов. Новая власть победоносных демократий стоит с самого начала перед необходимостью военного и политического принуждения для умиротворения и организации мира»⁹³. Наибольшие надежды Федотов связывает с англо-саксонской демократией, которая объявила защиту свободы одной из центральных задач своей политики. Совершенно иначе относилась к свободе Россия – третий участник антигитлеровской коалиции.

В своем эссе 1945 г. «Россия и свобода» Федотов задает вопрос, могут ли русские, которые внесли решающий вклад в разгром гитлеровской тирании, восстановить свою свободу. Его ответ на этот вопрос многослоен. Он полагает, что, на первый взгляд, существует не слишком много поводов для оптимизма: «В течение многих веков Россия была самой деспотической монархией в Европе. Ее конституционный – и какой хилый! – режим длился всего одиннадцать лет; ее демократия – и то скорее в смысле провозглашения принципов, чем их осуществления – каких-нибудь восемь месяцев. Едва освободившись от царя, народ, пусть недобровольно и не без борьбы, подчинился новой тирании, по сравнению с которой царская Россия кажется раем свободы. При таких условиях можно понять иностранцев или русских евразийцев, которые приходят к выводу, что Россия органически порождает деспотизм»⁹⁴.

Этот приговор с точки зрения Федотова, однако, несправедлив. Публицист указывает на то, что Россия имеет и либеральные традиции, которые особенно усилились после контактов с «отечеством свободы» – Западом. Лишь большевистская революция затормозила развитие в направлении свободы: «Русская революция за 28 лет ее победоносного, хоть и тяжкого бытия пережила огромную эволюцию, проделала немало зигзагов, сменила немало вождей. Но одно в ней осталось неизменным: постоянное, из года в год, умаление и удушение свободы»⁹⁵.

Что еще удручает Федотова, это тот факт, что также и стремление к свободе, готовность бороться за нее, за годы большевистского правления в России постоянно уменьшались.

Однако одно обстоятельство все же внушает публицисту оптимизм – факт, что для русских солдат благодаря их встрече с западными союзниками в Европе открылось, по крайней мере, частично, «окно в свободный мир»: «Если же солнце

---

⁹² Там же. С. 99.

⁹³ Там же. С. 101.

⁹⁴ Там же. С. 140.

⁹⁵ Там же. С. 165.

свободы, в противоположность астрономическому светилу, восходит с Запада, то все мы должны задуматься о путях и возможностях его проникновения в Россию»⁹⁶. Чтобы достичь этого эффекта, Запад должен твердо верить в собственные идеалы и дистанцироваться от прославлений Сталина и его режима: «Льстецы Сталина и Советской России сейчас главные враги русской свободы»⁹⁷.

Столь же остро Федотов выступал и против тех русских эмигрантов, которые были готовы в благодарность за победу над Третьим Рейхом простить Сталину все его былые преступления. Особенно разочаровала Федотова позиция его ближайшего соратника Николая Бердяева, в 1946 г. призвавшего русских эмигрантов принять советское гражданство и вернуться в Россию.⁹⁸

Когда началась «холодная война», предостережения Федотова относительно превозношения Сталина со стороны Запада и ряда русских эмигрантов потеряли свою актуальность.

Советский Союз вновь превратился в радикального врага Запада; прославлением Сталина занимались лишь представители коммунистического спектра западной общественности. Контакты советских граждан со свободным миром, на которые Федотов возлагал столько надежд, полностью прекратилась. Так называемое низкопоклонство перед Западом считалось сталинскими пропагандистами чуть ли не уголовным преступлением против государства и жестоко каралось – зачастую даже смертной казнью. Огромная советская империя отныне была полностью изолирована от внешнего мира.

Представляла ли собой частичная проницаемость «железного занавеса», которая наблюдалась во времена антигитлеровской коалиции и сопровождалась смягчением сталинского правления, (это явление в впоследствии получило название «стихийной десталинизации»), лишь несущественный эпизод?

Отнюдь нет. Несмотря на все попытки режима вновь дисциплинировать народ, столь гордый своей победой, и вытеснить из общественного сознания память о «стихийной десталинизации», в советском обществе сохранилась жажда достойной и свободной жизни.

Итак «стихийная десталинизация», которая случилась во время самой жестокой в современной истории войны, не прошла бесследно. Сразу же после смерти Сталина ориентированная на реформы часть партийного руководства опиралась на некоторые ее постулаты. Так в СССР началась критика сталинского террористического режима, которая, несмотря на некоторые неудачи и попытки власть имущих ее приостановить, продолжалась вплоть до распада Советского Союза. Лишение коммунистической партии власти, произошедшее в августе 1991 г., не в последнюю очередь стало следствием этого русского варианта переосмысления прошлого.

---

⁹⁶ Там же. С. 170. См. также Федотов. Полное собрание сочинений. Том 9. С. 344.

⁹⁷ Его же. Новый Град. С. 171.

⁹⁸ Его же. Ответ Н.А. Бердяеву // Его же. Полное собрание сочинений. Том 9. С. 194-209.

И вот после крушения советской власти в Россию переживающую революционные потрясения и ищущую новые ориентиры начали проникать идеи Федотова и его единомышленников. Но не только они. Также и идеи их противников – евразийцев, младороссов и других антиевропейски и авторитарно настроенных эмигрантских группировок все сильнее влияют на внутривосточный дискурс. Кто из них победит? Этот вопрос, как и многие другие вопросы касающиеся дальнейшего развития сегодняшней России, остается открытым.

Расширенная версия статьи опубликованной в журнале «Вопросы философии» (1/2015).

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина

III. Возрождение споров о причинах и последствиях тоталитарных революций 20-го столетия в послесталинской России – от сборника «Вехи» до сборника «Из-под глыб»

В поисках идентичности – советское диссидентское движение между 20-ым съездом КПСС и Перестройкой*

а. В начале был Хрущев

Свою книгу по истории Германии 19 века известный немецкий историк Томас Ниппердей начал следующим образом: «В начале был Наполеон. История немцев [...] находилась в первых десятилетиях 19 века под его подавляющим влиянием»¹. Если писать об истории советского диссидентского движения, то следует сказать: «В начале был Хрущев». «Посмертное свержение тирана», которое было осуществлено первым секретарем ЦК КПСС на 20 съезде КПСС, послужило началом динамичного процесса эрозии коммунистической системы. Этот процесс невозможно было остановить, несмотря на все реставрационные попытки правящей олигархии. Тот факт, что высшей инстанцией КПСС – съездом партии – был свергнут с пьедестала «богу подобный образ», который воплощал сущность советской системы на протяжении четверти века, должен был непременно сотрясти фундаменты режима, так как культ Сталина представлял не только бюрократическую меру, предписанную сверху. Он был внедрен в подсознание миллионов советских людей: исполнителей и жертв – хоть и в разной мере. Литературовед Натан Эйдельман говорил в период горбачевской перестройки о сталинском гипнозе, которому было подвержено советское общество с середины 30-х годов вплоть до смерти деспота². Многие авторы пытаются объяснить этот феномен «неевропейским», отсталым характером России³. При этом они, однако, упускают из внимания, что в то же самое время сильнейшая промышленная страна Европы,

---

* Немецкая версия этой статьи была опубликована в журнале «Osteuropa» (2010. № 11). Печатается с некоторыми изменениями, сделанными автором.

¹ Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1800 – 1866. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1983. P. 11.

² Эйдельман Н. Сталинский гипноз // Московские новости. 24 июля 1988. С. 2.

³ См. об этом: Лацис О. Перелом // Знамя. 1988. № 6. С. 124-178; он же: Сталин против Ленина // Осмыслить культ Сталина / Под ред. Ч. Кобо. М., 1989. С. 215-246; О Сталине и сталинизме. Беседа с Д.А. Волкогоновым и Р.А. Медведевым // История СССР. 1989. № 4. С. 89-108. Указ. соч. С. 103; Gill G. The Origins of the Stalinist political System. Cambridge, 1990. P. 16; Löhmann R. Studien zur Sozialgeschichte des Personenkultes in der Sowjetunion (1929-1935). Münster, 1990. P. 34-35.

система образования которой считалась образцом во всем мире, – Германия – тоже была охвачена манией вождя. Таким образом, вспышка массово-патологического иррационализма лишь ограниченно связана со степенью цивилизационного развития соответствующей страны. Падение в пропасть тоталитаризма возможно с любой высоты. Разница между немецким и советским культом вождя заключалась прежде всего в том, что в Германии после военного поражения Третьего Рейха был не только разрушен культ вождя, но и сама система, породившая его. Положение в Советском Союзе было диаметрально другим. Здесь свержение кумира было осуществлено той же самой системой, которая водрузила его на пьедестал. Таким образом, хрущевское разоблачение культа Сталина должно было воплощать не только разрыв, но и преемственность. В Советском Союзе не было нулевой точки отсчета.

Хоть партия и изменила существенным образом технику правления – отказ от массового террора, от беспредельной экономической эксплуатации собственного населения – однако она считала естественным сохранение информационной и экономической монополии и монополии на власть. Она исходила из того, что только партия имеет право на исправление своих собственных ошибок.

Лишь правящая олигархия принимала решения о масштабе «ремонта» системы и методах, которые могли применяться при этом. В Польше и Венгрии эти расчеты не оправдались. После смерти Сталина партия потеряла частично (в Польше) или полностью (в Венгрии) контроль над событиями и была вынуждена восстанавливать свою «ведущую роль» либо при помощи существенных уступок обществу, либо посредством советских танков. В Советском Союзе, напротив, общество, казалось, не «мешало» действиям правительства. Оно десятилетиями дисциплинировалось «красным», а впоследствии и сталинским террором и казалось лишенным любой самостоятельности. В восточноевропейских странах-вассалах Москвы фаза государственного террора была намного короче, чем в СССР. Она была недостаточной для основательного дисциплинирования общества на советский манер. По этой причине и потенциал к сопротивлению здесь был значительно выше, по крайней мере, в таких странах, как Польша и Венгрия, которые могли опереться на долгую традицию борьбы против чужеземного господства.

После 1956 года среди западных советологов был распространен тезис о том, что советские правители не нуждаются более в массовом терроре, чтобы удерживать свою власть. Общество после стольких лет террора стало послушным инструментом в их руках и реагирует почти что в павловской манере на все сигналы, исходящие сверху⁴. Поэтому появление оппозиционных тенденций – в этом, как тогда казалось, покоренном и умиротворенном обществе – непосредственно по-

---

⁴ Brzezinski Z. The Nature of Soviet System / idem. Ideology and Power in Soviet Politics. N.Y., 1967. P. 65-94, здесь P. 70; idem. Totalitarismus und Rationalität // Wege der Totalitarismus-Forschung / Ed. B. Seidel, S. Jenkner. Darmstadt, 1968. P. 267-288.

сле 20 съезда партии, стало большой неожиданностью, как для советского руководства, так и для западных наблюдателей⁵.

В отличие от некоторых восточно-европейских государств, в советском диссидентстве реформистско-коммунистические и/или ревизионистские течения не играли особо большой роли. Расщепления правящей элиты на либеральное и догматическое крыло, которое обусловило появление реформистского коммунизма в 1955/56 годах в Польше и Венгрии и в 1968 году в Чехословакии, удалось избежать в Советском Союзе.

Так как КПСС мало поддавалась давлению снизу, то советские оппозиционеры изначально были вынуждены использовать иные методы, нежели нонконформисты других стран Советской Империи. Хотя критично мыслящие советские авторы во времена «оттепели» могли нередко высказать свое мнение в официальных органах – прежде всего в журнале «Новый мир», – все же в Советском Союзе не мог возникнуть эквивалент «ревизионистским» газетам и журналам Польши в 1955/56 годах или Чехословакии в 1968 году. Поэтому советские критики режима разработали достаточно рано неподвластный цензуре Самиздат, который по крайней мере частично ослаблял информационную монополию партии и начал постепенно влиять на развитие политической культуры не только в СССР, но и во всем восточном блоке.

Тот факт, что у советских диссидентов, в отличие от их польских, венгерских и чехословацких единомышленников, не было покровителей в либеральном спектре правящей элиты, вынуждал их также к развитию новых организационных структур в борьбе против партийной монополии. Чтобы компенсировать свою слабость, они нуждались в невероятной духовной подвижности, чтобы бросить

---

⁵ О возникновении советского движения диссидентов смотри: Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 2001. С. 208-216; Буковский В. И возвращается ветер... Нью-Йорк, 1978. С. 127-224; Grigorenko P. Erinnerungen. München, 1981. P. 305-391; Литвинов П. О движении за права человека в СССР // Самосознание. Сборник статей / Под ред. П. Литвинова и др. Нью-Йорк, 1976. С. 63-88, здесь С. 78; Чалидзе В. Права человека и Советский Союз. Нью-Йорк, 1974. С. 59-76; Песков Н. Дело «Колокола» / Память. Исторический сборник. Выпуск первый. М., Нью-Йорк, 1976. С. 269-285; Чуковская Л. Процесс исключения (Очерк литературных нравов). Париж, 1979. С. 9-19; ВСХОН. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. Париж, 1975. С. 7-28; Левитин-Краснов А.Э. Родной простор. Демократическое движение. Воспоминания. Часть IV. Франкфурт на Майне, 1981. С. 20-51; Эткин Е. Процесс Иосифа Бродского. Лондон, 1988; Beyrau D. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917-1985. Göttingen, 1993. P. 156-219, 229-231.; Luks L. Dissens in Osteuropa // Pipers Handbuch der politischen Ideen / Ed. I. Fetscher, H. Münkler. München-Zürich, 1987. P. 577-588, здесь P.577-578; Horvath R. The Legacy of Dissent. Dissidents, democratisation and radical nationalism in Russia. London, N.Y., 2005. P. 20-22; Политический дневник 1964 – 1970. Амстердам, 1972. С. 51-58, 125, 164-197, 264-275; История советской цензуры. Документы / Под ред. Т.М. Горяевой. М., 1997. С. 541-547, 551-555; Шрагин Б. Тоска по истории / Самосознание. С. 243-277; Меерсон-Аксенов М. Рождение новой интеллигенции / Там же. С. 89-116, здесь С. 104-108; Glazov Y. The Soviet Intelligentsia, Dissidents and the West // Studies in Soviet Thought. 1979. Vol. 19. P. 321-344, здесь P. 322-323.; Opposition in der Sowjetunion / Ed. H. Brahm. Düsseldorf, 1972; Akte Solschenizyn. Geheime Dokumente des Politbüros der KPdSU und des KGB / Ed. A. Korotkow et al. Berlin, 1994. P. 19-47.

вызов, казалось бы, всемогущему партийному аппарату. Их поиск эффективной стратегии борьбы был очень сложным процессом. Первоначально оппозиционеры пытались создать конспиративные организации и тем самым они продолжили старую традицию революционной интеллигенции царской империи. При этом они упустили из внимания, что советский режим намного эффективнее умел подавлять оппозицию, чем это делала бюрократия царской России. Подпольные организации, как правило, быстро раскрывались органами безопасности, а их члены жестоко наказывались⁶. Освободительный перелом наступил лишь 5 декабря 1965 года. События этого дня послужили началом новой эпохи в истории советского диссидентского движения и советской истории в целом.

б. Демонстрация протеста 5 декабря 1965 года или рождение «другой» России

Новые эпохи предвещают о себе медленно и подспудно, их рождение, однако, вызывается символическими событиями, которые указывают на начало перелома. Во время «Канонады при Вальми», которую Гете наблюдал в сентябре 1792 года, произошло окончательное рождение новой Франции. Баррикады перед Московским «Белым домом» в августе 1991 символизировали переход к посткоммунистической России. Что касается советского диссидентского движения, то ему помогла демонстрация протеста 5 декабря 1965 на Пушкинской площади в Москве в обретении новой идентичности.

На этом митинге в центре советской столицы небольшое скопление оппозиционеров хотело выступить с акцией протеста против произвола советской юстиции, которая объявила писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля только потому врагами государства, что они публиковали за границей произведения, критикующие режим. Демонстрация протеста проходила в рамках советских законов. Ее организаторы ссылались на пресловутую сталинскую конституцию 1936 года, в 125 статье которой советским гражданам гарантировалась «свобода слова..., печати..., собраний и митингов..., уличных шествий и демонстраций»⁷.

Эта попытка – побороть произвол власть имущих при помощи ими же утвержденных законов – являлась, несмотря на казавшуюся простоту, чрезвычайным стратегическим достижением. Очевидцы единодушно связывают эту концепцию с именем математика Александра Есенина-Вольпина, который призывал своих единомышленников рассматривать советские законы не как макулатуру, а как ос-

---

⁶ Смотри: Песков. Дело «Колокола»; Grigorenko. Erinnerungen. P. 340-353; ВСХОН; О программе ВСХОН смотри также: Хроника текущих событий. № 1. 30 апреля 1968. (Далее Хроника). <http://www.memo.ru/History/DISS/Chr/>; Amalrik A. Aufzeichnungen eines Revolutionärs. Berlin, 1983. P. 48, 70; idem. UdSSR – 1984 und kein Ende. Essays. Frankfurt/Main, 1981. P. 13.

⁷ Цит. по: Die Sowjetunion. Von der Oktoberrevolution bis zu Stalins Tod / Ed. H. Altrichter. Band 1. Staat und Partei. München, 1986. P. 288.

нову для действий⁸. При этом он использовал нечистую совесть советского руководства, которое так же, как и тоталитарные правители других стран, склонялось к возведению демократических фасадов, прикрывающих настоящие соотношения сил в государстве. Достаточно лишь указать на то, что советская конституция декабря 1936 года со всеми в ней провозглашенными свободами и правовыми гарантиями была утверждена как раз во время Большого террора, когда сталинская деспотия с особой ясностью показала свой чудовищный характер. Едва ли кто-то из авторов этой конституции – за исключением, может быть, уничтоженного Сталиным Николая Бухарина, – мог предположить, что основные положения этого документа, сформулированные как пустая формальность, могли стать исходной позицией для борьбы за гражданские права.

Один из основателей правозащитного движения – Владимир Буковский – пишет, что никто не мог бы запретить власть имущим вместо конституции выпустить закон со следующим содержанием: «В СССР все запрещено, кроме того, что специально разрешено решением ЦК КПСС»: «Но это, наверное, вызвало бы лишние трудности, несколько шокировало бы соседние государства. Сложнее стало бы распространять свой социализм за рубеж... А потому они понаписали в законах много свобод и прав, которых просто не могли бы допустить, – справедливо считая, что не найдется таких отчаянных, чтобы потребовать от них соблюдения законов»⁹.

Демонстрация 5 декабря показала, что расчеты партии не оправдались. Участники демонстрации восприняли серьезно конституционную теорию, то есть фасад, и тем самым нанесли удар по системе, которая основывалась на пропагандистской лжи. От этого удара она уже не смогла оправиться.

Гениально простую идею Есенина-Вольпина, которая отныне должна была определять образ действий правозащитников, Буковский резюмирует следующим образом: «Мы отвергаем этот режим не потому, что он называется социалистическим..., а потому, что он построен на произволе и беззаконии, пытается навязать силой свою идиотскую идеологию.... Мы хотим жить в правовом государстве, где закон был бы незыблем, ... где можно было бы не лгать – без риска лишиться свободы»¹⁰.

Эффективность стратегии, развитой Есениным-Вольпиным, была, правда, неразрывно связана с атмосферой перемен, которая почувствовалась в СССР после смерти Сталина, и прежде всего после 20 съезда КПСС. Во времена Сталина призывы к власти имущим о соблюдении ими же установленных законов имели бы смертельные последствия не только для самих апеллянтов, но и для многих

---

⁸ Буковский. И возвращается ветер. С. 208-215; Amalrik. Aufzeichnungen eines Revolutionärs. P. 48f.; Левитин-Краснов. Родной простор. С. 77; Алексеева. История. С. 217; см. также: Хроника. № 8. 30 июня 1968, № 9. 31 августа 1969, № 13. 30 апреля 1970; Beyrau. Intelligenz und Dissens. P. 182, 188; Horvath. The Legacy. P. 55-56.

⁹ Буковский. И возвращается ветер. С. 212-213.

¹⁰ Там же.

их друзей, коллег и родственников. Сталинское самоуправство направляло свои уничтожающие удары не только против действительных, но и против «потенциальных» противников режима, а таковым мог считаться любой советский гражданин. В этой связи глава Коминтерна – Георгий Димитров – сделал 7 ноября 1937 года запись следующих высказываний Сталина: «Мы уничтожим каждого ... [врага], будь он старый большевик, мы уничтожим его род, его семью полностью. Каждого, кто своими поступками и в мыслях [!] будет покушаться на единство социалистического государства, мы будем беспощадно уничтожать»¹¹.

После смерти Сталина режим стал намного более предсказуем. Отныне стало наказуемым только однозначно неконформистское поведение. Критики режима теперь подвергали риску свою свободу и профессиональную карьеру, однако редко жизнь, как это было во времена Сталина. Андрей Сахаров писал по этому поводу в 1988 году в сборнике «Иного не дано»: «... после XX съезда КПСС система избавилась от крайностей и эксцессов сталинского периода, стала более "цивилизованной", с лицом если и не совсем человеческим, но, во всяком случае, не тигриным»¹².

После свержения Хрущева в октябре 1964 года многие оппозиционеры, однако, считали мыслимым возвращение режима к так наглядно описанным Сахаровым «хищническим» методам правления. В особенности после ареста Синявского и Даниэля осенью 1965 года. Тогда опасались показательного процесса в сталинской манере против обоих авторов и даже смертного приговора¹³.

Демонстрация 5 декабря была запланирована как послание к власти имущим о том, что оппозиционные силы не примирятся без сопротивления с возвращением к сталинской системе.

Последний политический митинг протеста такого рода состоялся в Москве 7 ноября 1927 года. Тогда речь шла о троцкистской контрдемонстрации по случаю десятилетнего юбилея Октябрьской революции. Эта демонстрация представляла собой, по сути, последний акт организованного гражданского неповиновения, который непрерывно обуславливал развитие России, начиная с восстания декабристов в 1825 году. Лишь сталинский террор в 30-е годы положил конец этой традиции. Сталину удалось превратить все сегменты советского общества в колесики тоталитарного механизма. Это было, вероятно, самым важным переломом в истории страны, в которой стремление к свободе не смогли задушить ни цари, ни Ленин.

После смерти тирана в стране, которая начала преодолевать травмы сталинских лет, хотя и наблюдались разные акты сопротивления (восстания в Гулаге, публикации за границей произведений, критикующих режим, основание Самиздата или конспиративных организаций), однако, как сказано выше, оппозиционерам не удалось развить никакой эффективной стратегии в борьбе против тотали-

¹¹ Dimitroff G. Tagebücher 1933-1943 / Ed. V. H. Bayerlein. Berlin, 2000. P. 162.

¹² Сахаров А. Неизбежность перестройки / Иного не дано. М., 1988. С. 123.

¹³ Алексеева. История. С. 216.

тарных притязаний партии. Это удалось лишь правозащитному движению, первые очертания которого стали видны во время демонстрации 5 декабря 1965 года. О характере этого движения один из его протагонистов – Андрей Амальрик – писал следующее: «По сути инакомыслящие совершили поступок гениальной простоты: в несвободной стране они начали себя вести как свободные люди и тем самым положили начало изменению моральной атмосферы и традиции, господствующей в стране»¹⁴.

Демонстрация 5 декабря, которую хронист советского диссидентского движения Людмила Алексеева называет первой демонстрацией по защите прав граждан в истории Советского Союза, отнюдь не выглядела импозантной. Буковский говорит о примерно 200 демонстрантах, Алексеева и другой ведущий член движения – Павел Литвинов – называют меньшее число. Точное число участников демонстрации, так или иначе, нельзя установить, так как в среду демонстрирующих втискивались агенты КГБ¹⁵.

Демонстрация проходила по сценарию, предложенному Есениным-Вольпиным. Он называл ее «митингом гласности». На плакатах, которые несли участники демонстрации, выдвигались требования гласности суда в процессе против Синявского и Даниэля. Другой девиз звучал: «Уважайте советскую конституцию»¹⁶.

Органы госбезопасности очень быстро разогнали демонстрацию, 20 ее участников были временно задержаны. Однако этот столь легкий успех властей в действительности представлял собой лишь пиррову победу, так как образование движения за гражданские права, которое 5 декабря 1965 года прошло боевое крещение, невозможно было уже остановить. Тот факт, что процесс, начавшийся в феврале 1966 года против Синявского и Даниэля, был частично открытым, являлся одним из следствий демонстрации 5 декабря 1965 года. Этому также способствовало присутствие западных корреспондентов на площади Пушкина, которые вели репортаж о демонстрации¹⁷.

Правда, «публичность» судебного разбирательства интерпретировалась властью имущими очень своеобразно. Доступ к судебному залу был только у публики, отобранной КГБ, однако также у жен обвиняемых. Последние рассказывали западным корреспондентам в подробных интервью о ходе процесса. Таким образом, была установлена, по крайней мере, некоторая гласность судебного процесса, которую требовали участники демонстрации 5 декабря¹⁸.

¹⁴ Amalrik. Aufzeichnungen eines Revolutionärs. P. 44.

¹⁵ Буковский. И возвращается ветер. С. 229; Алексеева. История. С. 218; Литвинов. О движении за права человека в СССР. С. 79; см. также Левитин-Краснов. Родной простор. С. 77; Amalrik. UdSSR. P. 19; Beyrau. Intelligenz und Dissens. P. 187-188.

¹⁶ Алексеева. История. С. 218.

¹⁷ Там же.

¹⁸ О процессе против Синявского и Даниэля см.: Синявский на скамье подсудимых. Нью-Йорк, 1966; Смирнов П. За пять лет. Мюнхен, 1972. С. 13-45; Дополнения к сборнику материалов по делу Синявского и Даниэля, изданному под названием «Белая книга» в: Хроника. № 4. 31 октября 1968; Алексеева. История. С. 218; Левитин-Краснов. Родной простор. С. 81; Beyrau. Intelligenz und Dissens. P. 186f.

в. Правозащитное движение и революционная интеллигенция в царской России – сравнительная зарисовка

Поединок маленькой группки советских правозащитников с автократическим государством напоминает на первый взгляд конфликт революционной русской интеллигенции с царским самодержавием в 19-ом и начале 20-го века. Однако многие правозащитники сознательно дистанцировались от своих мнимых предшественников и, прежде всего, от их идеологии. Так, они отрицали обожествление революции, типичное для интеллигенции, и не были готовы к применению насилия для достижения своих целей. В этой связи один из основателей движения за гражданские права – Павел Литвинов – говорит: «Движение за права человека поставило в центр своего внимания *защиту человека от произвола государства*, а не вопросы государственного и социального устройства. Посвятив себя этой практической задаче, возрождающаяся интеллигенция изживает порок старой интеллигенции – слепую веру в возможность внешними средствами создать на земле абсолютно справедливую жизнь, преодолевает духовную болезнь утопизма»¹⁹.

В случае правозащитников речь идет о движении, которое в первую очередь заботилось об этическом, а не политическом возрождении, добавляет публицист и ориенталист Григорий Померанц. Оно действовало по принципу Лютера: «Я здесь стою, я не могу иначе»²⁰.

Переходы между «моралистами» и «политиками» внутри движения диссидентов были все же плавными. Андрей Амальрик пишет: «Разделение конвенционально, так как каждый в определенной мере и моралист и политик [...]. Я не утверждаю, что «политики» должны были бы выступать за немедленное образование партии и торжественное утверждение "программ". Однако в обществе стала заметной необходимость идеологической альтернативы. Не раз участникам движения задавались вопросы: "Как выглядит ваша программа? Как, по вашему мнению, должно быть устроено общество?" [...] Было [...] ясно, что, если мы не ответим на вопрос, как должно быть устроено наше общество, на него ответят те, кто хочет нас привести из тоталитарного огня в тоталитарное полымья»²¹.

Из-за своего ярко выраженного интереса к политическим вопросам Амальрик относился к меньшинству внутри движения диссидентов. Для большинства был приоритетным вопрос морального сопротивления. Также в другом пункте Амальрик находился в меньшинстве, а именно в вопросе отношения правозащитного движения к широким слоям населения. Преклонение перед простым народом, его обожествление в том виде, в котором они были типичны для революционной интеллигенции при царе, было во многом чуждым для правозащитников. Также и в этом аспекте была существенная разница между обеими оппози-

¹⁹ Литвинов. О движении за права человека в СССР. С. 86-87.

²⁰ Померанц Г. Записки гадкого утенка. М., 2003.

²¹ Amalrik. Aufzeichnungen eines Revolutionärs. P. 77

ционными формациями. В связи с этим Амальрик пишет: «У интеллектуалов [из среды правозащитников] вместо комплекса вины перед народом [который был характерен для интеллигенции в царской России – Л.Л.] появился комплекс вины народа [перед интеллигенцией – Л.Л.]»²².

Эта смена парадигмы внутри русского образованного слоя населения произошла уже в 1917 году. Революция, идеализируемая несколькими поколениями интеллигенции, привела тогда к восстанию народа против ненавистного европеизированного образованного слоя населения, к разрушению тонкой и хрупкой цивилизационной оболочки петербургской России. Теперь большинство интеллигенции отвернулось от той веры, которую она десятилетиями исповедовала, и увидела в простом народе, который до тех пор вызывал ее восхищение, угрозу русской культуре. Эта травма 1917 года наложила отпечаток на мышление интеллектуального ядра правозащитного движения. Поэтому оно было не в состоянии вырваться из интеллектуального гетто и создать оппозиционное движение, приемлемое для всех слоев населения, как это сделали, например, польские диссиденты после образования комитета по защите рабочих в 1976 году.

Амальрик относился к немногочисленным советским правозащитникам, которые старались преодолеть предубеждения диссидентов-интеллектуалов в отношении широких слоев населения: «Широко распространенная точка зрения, что "свобода слова" едва имеет какое-либо значение для "большинства" народа, так как оно думает лишь о своем благополучии, вообще мне кажется необоснованной», пишет Амальрик: «Верно, что оно тревожится об этом, однако не только об этом. Потребность говорить и облегчить свою душу глубоко сидит почти в каждом человеке»²³.

Идеализация простого народа интеллигенцией в царской России была не в последнюю очередь следствием петровских реформ и европеизации России. Тем самым европеизированный образованный слой общества потерял непосредственный доступ к низшим слоям населения, которые оставались верными допетровским мировоззренческим установкам. Простой народ был для интеллигенции загадочным и чуждым, она жаждала слияния с ним, чтобы преодолеть свое отчуждение и вновь пустить корни. В противоположность этому не существовало никакой сравнительной культурной пропасти между советской интеллигенцией и простыми слоями населения. Старые русские образованные слои населения были в значительной степени уничтожены «красным» и сталинским террором и/или были вынуждены эмигрировать. Советская интеллигенция, из которой складывалось движение диссидентов, была, как правило, пролетарского, мелкобуржуазного или крестьянского происхождения, и не страдала подобными чувствами отчуждения, как старая интеллигенция. Поэтому у нее не было столь ярко выражен-

---

²² Ibid. P. 272.

²³ Ibid. P. 243; см. также Амальрик А. СССР и Запад в одной лодке. Л., 1978. С. 206, 219; СССР – рабочее движение? / Под ред. В. Чалидзе. Нью-Йорк, 1978.

ной жажды слияния с народом, как это было у образованных слоев населения царской России.

Несмотря на основополагающие программные и ментальные различия между дореволюционной интеллигенцией и правозащитниками, между обеими группами все же существовали параллели. К качествам, которые были характерны для обеих групп, относились их моральный ригоризм, их самоотверженность, их сознание ответственности перед обществом и их стремление к свободе.

Однако для революционной интеллигенции в царской России, как правило, чуждой была идеализация права и стремление к созданию правового государства. На правовой нигилизм русской интеллигенции жаловался еще Борис Кистяковский – один из авторов вышедшего в 1909 году сборника «Вехи»²⁴.

Если в русской истории искать предшественников правозащитного движения, которые придавали правовым вопросам аналогичное значение, то такими являются, наряду с созданной в 1905 году партией конституционных демократов, декабристы. Так же как и советские правозащитники, большинство декабристов стремилось не к воплощению утопии, не к созданию никогда не существовавшего социального рая на земле, а к завершению русского «особого пути» и к введению конституционной монархии в России, в той форме, в которой она уже существовала в более развитых странах Запада. Правозащитники также не были заинтересованы в утопиях, а в следовании России общим человеческим ценностям и нормам, принятым во всем цивилизованном мире – то есть, в «возвращении России в Европу».

г. Метанойя или призыв к покаянию и отказ от русского мессианизма

В 1970 году в русском эмигрантском журнале «Вестник РСХД» в Париже были опубликованы четыре статьи, которые потрясли в то время еще молодую независимую общественность России. Их действие сравнимо с тем, которое произвело опубликованное в 1836 году «Философическое письмо» Петра Чаадаева на – в то время еще возникающую – независимую общественность Петербургской России. В аргументации авторов «Вестника» и Чаадаева также есть параллели. В обоих случаях речь идет о беспощадной критике мировоззрения русской интеллигенции и русской государственной традиции.

Статьи публиковались либо анонимно, либо под псевдонимами, которые были позже, по крайней мере частично, раскрыты. Цикл был начат анонимным текстом под названием «Метанойя» (покаяние). Автор говорит о духовном прологе русской революции, который исходит из ментальных глубин русской нации. Там началось ее отступление от Бога и ее духовное заблуждение. На этом зародился

---

²⁴ Кистяковский Б.А. В защиту права / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 125-155.

большевизм: «Большевизм – не татарское иго, не варяжское нашествие: революцию делали не одни евреи. Потому коммунистическая власть есть не внешняя сила, но органическое порождение русской жизни, средоточие всей скверны русской души, всего греховного нароста русской истории, который нельзя механически отрезать и бросить. От него можно только *внутренне отказаться, в нем нужно раскаяться*».

За этим призывом к раскаянию следовали горькие слова, которые вызвали возмущение у многих русских читателей. Автор пишет: «Россией принесено в мир Зла больше, чем любой другой страной и вернуться к догреховному состоянию (которого в русской истории не было) нельзя. Можно лишь возродиться через *покаяние*. Это единственный путь»²⁵.

Критики этого текста по праву указывали на то, что были и другие страны, которые человечеству принесли не меньше страдания, чем Россия. Преувеличенная формулировка автора «Вестника» была однозначно провокационной. Однако высказывания Петра Чаадаева были не менее провокационными. В своем «Философическом письме» в 1836 году он говорил следующее о тысячелетнем развитии России: «Исторический опыт для нас не существует; поколения и века протекли без пользы для нас. Глядя на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили»²⁶.

Конечно, диагноз Чаадаева был очень несправедливым. Русская иконопись, сакральная архитектура и другие проявления русской православной духовности представляли неповторимый вклад России в развитие европейской культуры как таковой. Тем не менее, Чаадаев, несмотря на односторонность своей критики, побудил русский образованный слой к интенсивному размышлению о своей идентичности. Александр Герцен назвал письмо Чаадаева выстрелом, который прогремел в темноте и разбудил весь образованный слой России²⁷. Подобное можно сказать и о цикле «Вестника» 1970 года.

Другой автор «Вестника» О. Алтаев²⁸ занимался идейными установками русской и/или советской интеллигенции и продолжил беспощадную критику русской интеллигенции сборника «Вехи» за 1909 год.

Алтаев говорит о шести искушениях русской и/или советской интеллигенции и начинает с тех, которые уже были разоблачены авторами «Вех» – с обожествления революции, которое было так характерно для русской интеллигенции. Интеллигенция десятилетиями служила революционному кумиру, что привело к

²⁵ N. N. Метанойя // Вестник РСХД. 1970. № 97. С. 4-7, здесь С. 6.

²⁶ Цит. по: Tschizewskij D., Groh D. Europa und Rußland. Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses. Darmstadt, 1959. P. 84.

²⁷ Герцен А. Былое и думы / он же. Сочинения. М., 1956-57. Т. 5. С. 138.

²⁸ Под этим псевдонимом скрывался оппозиционный писатель Владимир Кормер (1939–1986).

полному отчуждению между ней и государством и, в конце концов, к разрушению этого государства. Разрыв с государством представляет для Алтаева центральное свойство интеллигенции. Это свойство отличало также советскую интеллигенцию. Однако оно выражалось в абсолютно другой форме, нежели у интеллигенции во времена царской империи. Так как советское государство является детищем интеллигенции, результатом ее безоговорочной веры в революцию: «Она предпочла бы думать о Советской Власти, как о чем-то внешнем, как о напасти, пришедшей откуда-то со стороны, но до конца последовательно не может, сколько бы не старалась провести эту точку зрения. Интеллигенция внутренне несвободна, она причастна ко злу, к преступлению, и это больше чем что-либо другое мешает ей поднять голову»²⁹.

Второе искушение интеллигенции, по словам Алтаева, состоит в тенденции приукрашивать большевизм, несмотря на его тоталитарный и террористический характер. Особенно четко это отношение отражается в программе движения «Смена вех». В 1920 году надеялись, что советский режим нормализуется после окончания гражданской войны: «Расчет на так называемое "термидорианское" перерождение³⁰ большевизма... Подавление кронштадтского матросского мятежа рассматривалось как первый шаг на этом пути. Сюда же вплотную примыкает по времени и НЭП»³¹.

Не совсем ясно, почему автор связывает подавление Кронштадтского восстания с «термидорианской» иллюзией «сменовеховцев». Что же касается Новой Экономической Политики, то она действительно являлась для группы «Смены вех» доказательством того, что якобинская фаза развития большевизма закончена.

Алтаевым, однако, не упоминается следующая важная причина реабилитации большевизма. Некоторые из его «белых» оппонентов были готовы капитулировать перед большевизмом, так как они были благодарны ему за почти полное восстановление территориальной целостности Российской империи. Тем самым «белые идеи» в конце концов победили, по крайней мере, окольными путями – считали представители этих группировок. Большевики начали свою политическую деятельность как воинствующие враги Российской империи, как защитники ее дезинтеграции. В конечном счете, они все же выступили как ее реставраторы и спасители. Хотя большевистское государство по своей форме все еще «красное», интернационалистическое и революционное, по содержанию оно, однако, «белое» – патриотическое и национальное³².

---

²⁹ Алтаев О. Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура // Вестник РСХД. 1970. № 97. С. 8-32, здесь С. 19; см. так же: Меерсон-Аксенов. Рождение новой интеллигенции. С. 102.

³⁰ 9 термидора 1794 года во Франции удалось покончить с якобинской властью, опиравшейся на террор.

³¹ Алтаев. Двойное сознание. С. 27 и сл.

³² См. подробнее: Смена Вех. Сборник статей. Прага, 1921; Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин, 1927; Шульгин В. Дни. 1920. М., 1989. С. 528-529.

Эти высказывания свидетельствуют о значительной недооценке амбивалентности и биполярности большевизма. Так как он был одновременно и национальным и интернациональным, партикулярным и универсальным явлением. Ни с одним из этих полюсов он не идентифицировал себя полностью. Он склонялся к тому, чтобы всего лишь использовать как национально, так и революционно настроенные течения. Поэтому он должен был почти неизбежно разочаровать своих союзников, которые постоянно упрекали его в предательстве священных национальных и/или революционных целей.

В случае третьего и, по мнению автора, самого постыдного искушения советской интеллигенции речь идет о вере многих ее представителей в то, что сталинская программа коллективизации сельского хозяйства и индустриализации, которая возникла на руинах Новой Экономической Политики, может проложить путь к «светлому будущему». И это несмотря на тот факт, что новая система основывалась на горах трупов, на опустошенных деревнях и на рабском труде политзаключенных. Эту веру интеллигенции, которая «трусливо закрывала глаза» на ужасающую действительность сталинского режима, Алтаев называет «социалистическим искушением»: «Наваждение окончилось на этот раз страшным 37-м годом. Все живое было уничтожено, нация снова стала нацией рабов... Лишь страх, живой страх владел [ею].... Страх был непереносим. Казалось, нельзя дольше терпеть, казалось, сама земля не вынесет больше этого»³³.

А потом наступило 22 июня 1941 года. Алтаев подчеркивает, что начало войны было принято советской интеллигенцией «с облегчением и радостью»: «Зло опять было где-то вовне, интеллигент опять видел перед собой эту цель – уничтожить зло, интеллигент опять становился спасителем человечества. С оружием в руках он чувствовал себя впервые после всех унижений сильным, смелым, свободным»³⁴.

Позже во времена горбачевской перестройки московский историк Михаил Гефтер назовет состояние, в котором находилось советское общество в первые годы войны, «спонтанной десталинизацией»³⁵.

Советский писатель Константин Симонов в брежневские времена называл войну единственным «светлым пятном» в советской истории последних десятилетий³⁶.

Насколько же ужасной должна была быть советская действительность до 22 июня 1941 года, если эта война, которая стоила Советскому Союзу 27 миллионов жизней, воспринималась как «светлое пятно», как своего рода внутреннее освобождение!

После окончания войны столь гордившаяся своей победой нация считала немислимым возвращение к кошмарной действительности довоенного времени.

---

³³ Алтаев. Двойное сознание. С. 28.

³⁴ Там же. С. 29.

³⁵ Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 418.

³⁶ Какая же она, правда о войне? // Правда. 20 июня 1991. С. 3.

Смелые картины будущего рисовал в то время даже такой верный прислужник Сталина как популярный писатель Алексей Толстой. 22 июля 1943 года он писал в своем дневнике: «Народ, вернувшись с войны, ничего не будет бояться. Он будет требователен и инициативен... Китайская стена довоенной России рухнет»³⁷.

Все эти надежды Алтаев называет четвертым искушением советской интеллигенции – «военное искушение».

Как известно, действительность выглядела абсолютно иначе. Ответом на радужные ожидания интеллигенции, по словам Алтаева, «был торжествующий сталинский византизм, процессы борьбы с космополитизмом и новые волны арестов. Рабовладельческое государство должно было восстанавливать и развивать свое хозяйство. Хотя теория и опровергала экономичность рабского труда, даровой труд все равно казался выгоден». Система вновь показала свою каннибальскую суть³⁸.

Следующее искушение интеллигенции было связано для Алтаева с «оттепелью», которая наступила поле смерти Сталина: «Интеллигенция верила, что теперь за ней последуют весна и лето. Однако венгерские события в октябре 1956 года и кампания Хрущева против деятелей культуры означали конец "оттепели"»³⁹.

Таким образом, по мнению Алтаева, вера в реформаторскую способность режима оказалась иллюзией. Тем не менее, за этой иллюзией сразу же последовала следующая, которую Алтаев называет «технократическим» искушением. Пораженные им интеллектуалы придерживались точки зрения, что советская система рано или поздно должна будет прийти к согласию с вынужденными необходимостями современности. Так как дальнейшее развитие производительных сил невозможно без технологического и научного прогресса, правящая элита будет вынуждена либерализовать систему, чтобы обеспечить нерегламентированным творческим способностям свободные возможности развития. Только таким образом СССР может примкнуть к современности.

Этот ход мыслей, который в то время был также распространен и на Западе, и который лежал в основе так называемой теории конвергенции, обличается Алтаевым как технократическая иллюзия. Преимущественно рационально действующий, деидеологизированный коммунистический режим немислим: «От внедрения вычислительных машин этот аппарат не станет более человечным. Наоборот, еще четче, еще хладнокровней он сможет поработать своих подданных, еще совершеннее будет угнетать другие народы. [...] Зло никогда не упадет само. Оно будет принимать самые изощренные, тонкие формы [...]. Но никогда не утратит тождества с самим собою [...]. Чешские события [1968 года] показали это, кажется, довольно ясно»⁴⁰.

³⁷ Цит. по: Окланский Ю. Роман с тираном. М., 1994. С. 69.

³⁸ Алтаев. Двойное сознание. С. 29.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 32.

Сторонники теории конвергенции в действительности упускали из внимания то обстоятельство, что в случае коммунистических режимов речь шла об идеократиях, центром которых являлась тщательно разработанная идеологическая система, которая непрерывно должна была приспосабливаться к новым требованиям времени. Когда Горбачев попытался отказаться от этого примата идеологии и «нормализовать» советский режим в духе теории конвергенции, режим рухнул.

Автор третьей статьи в цикле «Вестника», В. Горский, рассматривает другое искушение, распространенное в России, которое не ограничивалось только интеллигенцией, а именно веру в избранность русской нации, русский мессианизм: «Сознание русского человека, будь то сознание ортодоксального коммуниста или оппозиционера, до сих пор очаровано гордой проповедью старца Филофея [автор теории «Москва – третий Рим», которую он развил в начале 16 века – Л.Л.] об особом призвании России»⁴¹.

Эту веру, которая была сформулирована в начале нового времени, унаследовали также славянофилы, которые рассматривали простой русский народ как воплощение христианских добродетелей – продолжает Горский. Они были убеждены в том, что этот народ никогда не признает безбожную, нехристианскую государственную власть. Горский цитирует одного из ведущих славянофилов – Константина Аксакова – о характере русского народа: «Русская история [...] имеет значение Всемирной Исповеди. Она может читаться как жития святых... В таком народе не прославляется человек с его делами, прославляется один Бог»⁴².

Горский цитирует также Достоевского, который говорил, что только русский народ, олицетворяющий христианскую правду в особо совершенной форме, в состоянии понять эту правду и тем самым спасти человечество.

Все эти представления, по словам Горского, были целиком опровергнуты событиями 1917 года. Горский, как и другие авторы цикла «Вестника», категорически отрицает рассмотрение катастрофы 1917 года, то есть отречение народа от идеалов Святой Руси, как результат действий иноземных властей или нерусских народов, прежде всего евреев. Эта интерпретация событий того времени была широко распространена в лагере русских правых, начиная с 1917 года. Горский, напротив, подчеркивает, что нерусские провинции Российской империи гораздо упорнее сопротивлялись большевизму, нежели русское ядро империи: «большевизм почти без труда утвердился в Петербурге и Москве, но встретил отчаянное сопротивление окраин. Великороссия почти не знала гражданской войны, которая происходила за ее границами»⁴³.

Этот тезис не корректен с исторической точки зрения. Многочисленные антибольшевистские восстания возникали как в Центральной России (Астраханский и Поволжский регионы, Ижевск, Тамбов, Кронштадт и т.д.), так и в Сибири, где

---

⁴¹ Горский В. Русский мессианизм и новое национальное сознание // Вестник РСХД. 1970. № 97. С. 33-68, здесь С. 34.

⁴² Там же. С. 42.

⁴³ Там же. С. 51 (См. также статью о Г. Федотове в этой книге).

преимущественно жили русские⁴⁴. Но несмотря на это Горский все-таки прав, когда отмечает, что большевизм, несмотря на свой заговорщицкий и антинародный характер, вступил в загадочный симбиоз с простым народом, который *свободно* отрекся «от всех тех ценностей и идеалов, которым он исстари поклонялся»⁴⁵.

Этот неестественный альянс оценивается не иначе многими участниками событий 1917 года. В этой связи философ Федор Степун пишет: «Ленин был, (пожалуй, единственным русским политиком), не боявшимся никаких последствий революции и ничего не требовавшим от нее, кроме дальнейшего углубления. Этою открытостью души навстречу всем вихрям революции, Ленин до конца сливался с темными, разрушительными инстинктами народных масс»⁴⁶.

Горский считает «социалистический выбор», который был сделан большинством нации в 1917 году, осознанным отказом от бремени свободы: «Осуществление социалистической религии «всеобщего благосостояния и сытости» возможно лишь через порабощения человека, через деспотизм».

С этим отказом от свободы, по мнению Горского, был также связан советский экспансионизм, который поддерживался не только властью имущими, но и значительными частями населения: «Неудивительно поэтому, что народ с психологией раба желает рабства другому народу»⁴⁷.

Имперская идеология, как в царской империи, так и в СССР, представляет согласно Горскому возможность для политически лишённого дееспособности общества компенсировать свои комплексы неполноценности.

Однако в данном случае автор упускает из виду тот факт, что этот феномен был характерным не только для России, но и для других авторитарных государств и/или тоталитарных режимов, так например для Вильгельмовской империи или для национал-социалистического режима.

Чтобы преодолеть последствия катастрофы, начавшейся в 1917 году, Россия должна освободиться от мессианского искушения – таков вывод автора. Не имперское величие, а борьба за свободу и духовные ценности должны в первую очередь вдохновлять страну: «Подлинная задача России состоит не в том, чтобы "спасать" другие народы или удивлять мир своими бывшими культурными достижениями, но в том, чтобы глубоко и окончательно изжить совершенное преступление – вот что должно стать центральным пунктом нового сознания»⁴⁸.

---

⁴⁴ См. также: Павлюченков С. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1921; его же. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996; Pipes R. Die Russische Revolution. Vol. 2. Berlin, 1992; Volkogonov D. Lenin. Berlin, 1994; Werth N. Ein Staat gegen sein Volk // Das Schwarzbuch des Kommunismus / Ed. S. Courtois et al. München, 1998; Katzer N. Die weiße Bewegung in Rußland. Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg. Köln, 1999; Mawdsley E. The Russian Civil War. L., 1987.

⁴⁵ Горский. Русский мессианизм. С. 51; см. также Меерсон-Аксенов. Рождение новой интеллигенции. С. 102.

⁴⁶ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Л., 1990. Т. 2. С. 104.

⁴⁷ Горский. Русский мессианизм. С. 61.

⁴⁸ Там же. С. 63.

Заключительная статья цикла продолжает его вводные размышления. В своем эссе «Как быть?» М. Челнов так же, как и анонимный автор статьи «Метанойя», призывает своих соотечественников к покаянию: «Всякое рабство есть следствие греха, которое снимается покаянием. То же можно сказать и о рабстве общественном. Нельзя ждать спасения извне, раз и порабощение пришло не извне, а изнутри. Большевики – не татары и не варяги, не пришельцы, но органическое порождение всей русской жизни, всех исторических грехов России. Коммунизм не есть внешнее зло, в котором повинны только партия и ее вожди, его ложь и преступления принадлежат всем нам, всему русскому народу. Если нация есть не случайная историческая комбинация индивидуумов, но некое духовное целое, заставляющее русских гордиться своими великими людьми и их заслуги воспринимать как национальную славу, то почему же иным должно быть отношение к своим преступникам? Если общая слава, то и бесславье должно быть общим. Если мы наследники Святой Руси, то мы и наследники России чекистских застенков и концентрационных лагерей. Потому и коммунизм есть общий грех, искоренимый только всеобщим покаянием» – таков вывод Челнова⁴⁹.

Подобные тезисы можно было, кстати, также услышать вначале горбачевской перестройки. Особенно решительно в то время их придерживался московский историк Юрий Афанасьев. Также иные постулаты авторов «Вестника» переживали во времена перестройки свое второе рождение. Подобное можно сказать и об аргументах их критиков.

д. Сборник «Из-под глыб» как реакция на цикл Вестника 1970 года

Призыв к раскаянию и к отказу от русской мессианской идеи вызвал в советском диссидентстве весьма разные реакции. Начавшийся тогда спор напоминает, как уже сказано, тот, который вызвал Петр Чаадаев своим «Философическим письмом» в 1836 году, и который в свое время тоже сопровождал поиск идентичности независимой русской общественности.

Сборник «Из-под глыб», выпущенный в 1974 году в том числе и Александром Солженицыным, представлял не в последнюю очередь ответ на цикл «Вестника». Особенно сам Солженицын и математик Игорь Шафаревич здесь вплотную занялись тезисами авторов «Вестника».

Солженицын с негодованием отвергает следующий тезис В. Горского: «Русский народ, начиная свой бунт против Бога, *знал*, что осуществление социалистической религии возможно лишь через деспотизм»⁵⁰.

⁴⁹ Челнов М. Как быть? // Вестник РСХД. 1970. № 97. С. 69-80, здесь С. 76.

⁵⁰ Солженицын А. Раскаяние и самоограничение / Из-под глыб. Париж, 1974. С. 115-150, здесь С. 131; см. также: он же. Собрание сочинений. Париж, 1981. Т. 10. С. 100, 159; Пикантным образом в случае В. Горского (он же Евгений Барабанов) речь шла об одном из соавторов сборника «Из-под глыб».

Откуда народ мог это знать? – спрашивает Солженицын. Разве у него было ярко выраженное политическое сознание?

Иными словами, Солженицын снимает с русских солдат, рабочих и крестьян любую ответственность, и как бы отрицает их роль как политических субъектов.

Однако для многих русских мыслителей, которые анализировали события 1917 года, дела обстояли совершенно иначе. Когда русские солдаты массово покидали фронт и линчевали офицеров, которые пытались предотвратить их побег, они знали, что они тем самым обезоруживают только что возникшую русскую демократию. Когда рабочие насильно лишали собственности владельцев фабрик, а крестьяне землевладельцев, не дожидаясь законного урегулирования имущественных отношений на новой основе, они знали, что злоупотребляли предоставленными ими свободами. Их страх перед наказанием уменьшался, однако, за счет большевистской пропаганды, которая их призывала «грабить награбленное» и идеализировала эти действия как выражение классового инстинкта. Не удивительно, что эти ленинские лозунги встретили широкую поддержку.

Естественно, что в 1917 году русские народные массы еще не могли предположить, что их союз по расчету с большевиками приведет к созданию тирании, какой Россия не знала на протяжении своей тысячелетней истории. Однако они были решительно настроены любой ценой защищать перераспределение собственности, которое произошло без узаконения демократично выбранного учредительного собрания, однако было постфактум подтверждено большевистской диктатурой «декретом о земле» от 8 ноября 1917 года. Это дополнительно укрепляло союз по расчету с большевиками.

Возмущение Солженицына вызвали также слова Горского о том, что народ отвернулся от своих исконных религиозных идеалов и принимал участие в разрушении церквей и икон. Солженицын указывал на то, что крестьяне защищали церкви в сотнях бунтов от большевистского вандализма. Такие бунты действительно исторически зафиксированы. С другой стороны, нельзя отрицать, что русские рабочие и крестьяне гораздо упорнее защищали революционные идеалы, нежели религиозные – и это несмотря на их непринятие большевистской тирании, которое они показывали в бесчисленных восстаниях. Однако отход народных масс от большевиков ни в коем случае не означал, что они отвернулись от идеалов революции, от революционного мифа, который был направлен на земную, а не на загробную жизнь. Ненависть к старому режиму и всем его проявлениям представляла господствующую эмоцию у русских низов, а это было, несмотря на антибольшевистские чувства, общим знаменателем между ними и новым режимом⁵¹.

---

⁵¹ Русский философ Семен Франк писал в 1924 году в этой связи: «И когда в душах интеллигенции, начиная с 1905 года, этот пыл начал уже потухать, и в особенности когда интеллигенция в октябре 1917 года в ужасе и смятении отшатнулась от зажженного ею же пожара, огонь этой веры перешел в души простых русских мужиков, солдат и рабочих. Ибо сколько бы порочных и своекорыстных вожелений ни соучаствовало в русской революции – как и во всякой

В отличие от авторов «Вестника», Солженицын подчеркивает не русский, а интернациональный характер большевистской революции и ищет ответственных в первую очередь среди нерусских народов, которые испытывали симпатию к революционному мифу: «но и вспомним же интернациональные силы революции! Все первые годы революции разве не было черт как бы иностранного нашествия? Когда в продовольственном или карательном отряде, приходившем уничтожать волость, случалось - почти никто не говорил по-русски, зато бывали и финны, и австрийцы? Когда аппарат ЧК изобиловал латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами?»⁵².

Уже в 1974 году Солженицын пытался поставить под сомнение русский характер русской революции. Эта апологетическая тенденция достигла своей кульминации в его книге «Двести лет вместе», которая была опубликована в 2001/2002 годах и в которой он анализирует русско-еврейские отношения⁵³.

О распространенной в России тенденции дерусифицировать русскую революцию Николай Устрялов, один из представителей спорного и уже упомянутого движения «Смена вех», еще в 1921 году писал следующее: «Нет, ни нам, ни "народу" неуместно снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис... Он наш, он подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом... И если даже окажется математически доказанным, как это ныне не совсем удачно доказывается подчас, что девяносто процентов русских революционеров – инородцы, главным образом евреи, то это отнюдь не опровергает чисто русского характера движения»⁵⁴.

Тот факт, что авторы «Вестника» видели в русском мессианстве одну из причин катастрофы 1917 года, обличал их в глазах Солженицына как чужаков, которые не имели ничего общего с Россией и которые пытались разрушить русское национальное сознание. Даже блестящий стиль авторов, который не содержит ни архаизмов, ни неологизмов, типичных для прозы Солженицына, он называет нерусским [!]. По словам Солженицына, речь идет о на скорую руку переведенном понятийном аппарате, который опирается на западный образ мышления⁵⁵.

Как и того следовало ожидать, Солженицын полемизирует также против высказывания автора «Метанойи»: «Россией принесено в мир Зла больше, чем любой другой страной».

Это высказывание, сформулированное в пылу полемики, было, конечно, крайне несправедливым. По праву Солженицын указывает на такие феномены, как

революции – эта сила, это упорство, это демоническое могущество и непобедимость объяснимы только из той пламенной веры, во имя которой тысячи русских людей, "красноармейцев" и рабочих шли на смерть, защищая свою святыню – "революцию"» (Франк С. Крушение кумиров. Берлин, 1924. С. 19).

⁵² Солженицын. Раскаяние и самоограничение. С. 135.

⁵³ Он же. Двести лет вместе (1795 – 1995). В двух томах. М., 2001-2002.

⁵⁴ Устрялов Н. Патриотика / Смена вех. С. 46.

⁵⁵ Солженицын. Раскаяние и самоограничение. С. 131.

Французская революция и Третий Рейх, разрушительный потенциал которых вполне может помериться с таковым русской катастрофы⁵⁶.

Однако в общей сложности аргументация авторов «Вестника», несмотря на некоторые преувеличенные формулировки, как бы продолжает традицию сборника «Вехи». Это доказывает, что русская интеллигенция была в состоянии самокритично относиться к своим иллюзиям и соблазнам.

То, что автор «Архипелага Гулага», «Ракового корпуса» и «В круге первом» расценивает такую самокритику как своего рода святотатство, является скорее неожиданностью.

Игорь Шафаревич также остро критикует авторов «Вестника», а именно в первую очередь их отказ от русской мессианской идеи: «Разве можно хотеть запретить русскому народу думать, что его существование имеет какой-нибудь высокий смысл?». По мнению Шафаревича, ход мыслей авторов «Вестника» продолжает попытки коммунистических правителей лишить русский народ памяти о собственной истории.

Что касается призыва авторов «Вестника» к раскаянию, то Шафаревич считает, что это обращение нужно также направить к нерусским народам Российской Империи, так как вину за те исторические процессы, которые начались в 1917 году, несут в большей или меньшей степени все⁵⁷.

Безусловно, это возражение Шафаревича справедливо. Если принять во внимание, что национальные меньшинства в 1917 году составляли более половины населения Российской империи, то, конечно, необходимо также недвусмысленно говорить об их вкладе в катастрофу того времени.

Шафаревич резко реагирует на тезис, выдвинутый в цикле «Вестника» о том, что Россия является своего рода колониальной империей. Этого утверждения придерживались также многочисленные диссиденты из нерусских советских республик. В. Горский предсказывает в своей статье неизбежный развал советской империи, так как она удерживалась в первую очередь репрессивным аппаратом коммунистического режима: «Не только страны-сателлиты, но и Прибалтика, Украина, Кавказ, народы Средней Азии обязательно потребуют своего права на отделение и выход из пресловутого "нерушимого союза"...

Сегодня трудно очертить границы будущей России, как и трудно представить себе ее взаимоотношение с отделившимися от нее народами. Возможно, что в основе окажется федерация или какая-либо другая форма мирного и дружественного сосуществования. Но возможно также, что многовековое притеснение этих стран, а также рост национального самосознания приведут и к более сложным отношениям. Одно несомненно: распад Советской Империи не является ни унижительным, ни противоестественным для России. Лишенная своих колоний, Россия не обеднеет экономически, как и не потеряет своего политического значения. Освобожденная от оккупационных и насильственных стремлений, она окажется

---

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Шафаревич И. Обособление или сближение / Из-под глыб. С. 97-113, здесь С. 107.

перед истинными своими проблемами: построением свободного демократического общества, религиозным возрождением и созданием национальной культуры»⁵⁸.

Для Шафаревича, напротив, перспектива развала Российской Империи – это своего рода апокалипсис. Он указывает на то, что коммунистическая власть подавляла все нации одинаковым образом – в том числе и русских. Они все лишились своей национальной и религиозной самобытности. Поэтому общей целью всех советских народов должно быть уничтожение этого «антинационального режима», а не разрушение столетиями развивающейся связи между народами Российской империи. Вывод Шафаревича таков: классовые конфликты в России относятся к прошлому, они уже потеряли свой разрушительный потенциал. Совсем иначе дело обстоит, однако, с национальными конфликтами. Они подспудно непрерывно растут. Если они выйдут на поверхность, то едва ли можно будет их укротить⁵⁹.

Как аргументация Горского, так и Шафаревича представляли предвосхищение дискурсов перестройки по национальным вопросам, своего рода пролог распада Советского Союза.

е. Неозападники против неославянофилов – старый и новый диспут

Первоначально в правозащитном движении принимали участие представители различных идеологических направлений, так как диссиденты сознательно не разрабатывали никаких программных альтернатив существующей системе и оставались в преддверии политики. Однако постепенно, начиная с 70-х годов, идеологические конфликты внутри движения обострились. Таким образом, советское диссидентство не создало противовеса «монолитной» коммунистической партии, а становилось все более разобщенным. Несмотря на чрезвычайное многообразие голосов, которые были слышны, в ходе анализа политических и идеологических дискуссий в лагере советских диссидентов 60-х и 70-х годов можно отчетливо выделить два основных направления. Они были продолжением старых русских споров между «западниками» и «славянофилами», начавшихся еще в 30-е годы 19-го столетия. Когда «неозападники» говорили о недостатках советского режима, они, как правило, видели в них новый вариант старых ошибок царской России. Когда они, например, критиковали подавление духовной свободы в Советском Союзе и всемогущие цензуры, они указывали на то, что эти явления в России испокон веков были правилом лишь с редкими исключениями. Политическая эмиграция также не была ничем новым для России. Одним из первых русских эмигрантов был князь Курбский, который бросил вызов деспотическому режиму

---

⁵⁸ Горский. Русский мессианизм. С. 67 (См. также статью о Г. Федотове в этой книге).

⁵⁹ Шафаревич. Обособление или сближение. С. 113.

Ивана Грозного. В конце концов, и объявление критиков, негодных режиму, психически больными не являлось чем-то новым в России. Так, например, критик русского «особого пути» Петр Чаадаев был объявлен душевнобольным после публикации своего «Философического письма» в 1836 году.

По мнению историка Александра Янова, Сталин осознанно взял себе за образец режим Ивана Грозного. Государственный террор Ивана IV, по словам Янова, предвосхищает сталинский террор⁶⁰. Андрей Амальрик также не видит никакой качественной разницы между советским режимом и русским дореволюционным строем. Подавление инакомыслящих, шовинистская и империалистическая внешняя политика были правилом в новейшей русской истории⁶¹.

Некоторые западные историки также пытаются объяснить советский тоталитаризм не в последнюю очередь своеобразием русской истории. Так, например, Моше Левин и Роберт С. Такер указывают на удивительные параллели между сталинской диктатурой и режимами Ивана Грозного и/или Петра Великого⁶². Однако это объяснение истоков сталинизма не учитывает тот факт, что почти в то же самое время в Германии – несмотря на принципиально различные условия – также проходила тоталитарная революция и был установлен культ вождя. Этот параллелизм в развитии России и Германии показывает, что ни сталинизм, ни национал-социализм не могут быть объяснены только историческим своеобразием России и Германии. В той же мере необходимо учитывать и общеевропейский контекст при объяснении обоих явлений. Помимо этого такие прямолинейные теоретические построения, как «от царя к Сталину» или «от Бисмарка к Гитлеру» не принимают в расчет тот факт, что современное тоталитарное государство представляет качественный разрыв с соответствующим прошлым, и что оно, как правило, только использует и извращает традиции, которые им официально признаются.

Подражание Западу и принятие западных моделей развития были для России всегда полезны, по мнению представителей «неозападнического» течения в диссидентском движении. Если в России когда-нибудь возникнет свободный общественный строй, то это произойдет только тогда, когда Россия пойдет путем западного парламентаризма, утверждают они⁶³.

Противоположную позицию в этой дискуссии занимало направление, которое в своей аргументации в известной степени являлось продолжением славянофиль-

---

⁶⁰ Yanov A. The origins of autocracy. Ivan the Terrible in Russian history. Berkeley, 1981.

⁶¹ Amalrik. UdSSR. P. 35-37, 43-44.

⁶² Tucker R. C. Stalinism as Revolution from Above // Stalinism. Essays in Historical Interpretation / Ed. R. C. Tucker. N.Y., 1977. P. 96-100; Lewin M. The Social background of Stalinism / ibid. P. 124-130.

⁶³ См. подробнее сборник Литвинова и др. Самосознание; Белоцерковский В. Демократические альтернативы. Ахберг, 1976; Сахаров А. О стране и мире. Нью-Йорк, 1975. С. 34, 64; он же. Движение за права человека в СССР и Восточной Европе – цели, значение, трудности // Хроника. № 51. 1 декабря 1968; Андрей Сахаров в борьбе за мир. Франкфурт на Майне, 1973. С. 122, 156; Выступления Сахарова // Хроника. № 44. 16 июля 1977; Амальрик А. Несколько мыслей о России спровоцированных статьей Ладова // Синтаксис. 1979. № 3. С. 67-73.

ского направления, возникшего в 30-е годы 19 века. Порой его называют также неославянофильством. Александр Солженицын – самый известный представитель этого течения. Кроме него можно назвать, например, такие имена, как уже упомянутый Игорь Шафаревич, Вадим Борисов или Владимир Осипов. Для этих авторов Россия не была отсталой европейской страной, история которой, по сути, состояла из несвободы и государственного деспотизма. Особенность российского развития, которое отличалось от западного, не была для них отклонением от какой-то здоровой нормы. Наоборот, эта особенность составляла особую ценность русской истории. Советская система не являлась продолжением старой русской традиции, а представляла, напротив, разрыв с ней, качественно новое явление. Большевизм был для неославянофилов по своей сути явлением, импортированным с Запада, формой материалистически-атеистического духовного направления, родина которого находится не в России, а на Западе. Большевизм не продолжал русскую традицию, как утверждали неозападники, а скорее пытался разрушить ее.

Радикально отрицая русский характер большевизма, неославянофилы впадали в другую крайность, нежели их неозападнические оппоненты. Тот факт, что утопия Маркса об абсолютном равенстве и ликвидации частной собственности смогла прийти к власти как раз в России, не являлся, конечно, случайностью. Некоторые элементы политической культуры России, например, старые русские идеалы справедливости, внесли вклад в триумф идеологических постулатов, сформулированных в «коммунистическом манифесте».

Неославянофилы считали восстановление русского своеобразия важнейшей задачей эпохи. Только оно может привести к выздоровлению России, к приобретению ее внутреннего равновесия. Россия должна искать стимулы и модели для своего развития в своем прошлом, а не на Западе⁶⁴. Лихорадочное, разрываемое

---

⁶⁴ См. подробнее: ВСХОН. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях; Судьба ВСХОНовцев // Хроника. № 19. 30 апреля 1971; Солженицын А. На возврате дыхания и сознания / Из-под глыб. С. 7-28. Борисов Вадим. Национальное возрождение и нация личность / там же. С. 199-215; Шафаревич И. Есть ли у России будущее / там же. С. 261-276; Осипов Владимир. К вопросу о цели и методах легальной оппозиции // Из журнала Вече. № 7, 8, 9, 10. Франкфурт на Майне, 1975. С. 3-13; он же. Открытое письмо Геннадия Шиманова // там же. С. 13-19; Борьба с так называемым русофильством, или путь государственного самоубийства // там же. С. 19-51; Суд над Осиповым // Хроника. № 37. 30 сентября 1975; Скуратов А. Снова «неистовые ревнителы»? // Вече. № 5. Франкфурт на Майне, 1973. С. 164-169; Рассуждения о национальном характере уже есть национализм // Источник. 1996. № 4. С. 73-77; Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза // он же. Собрание сочинений. Париж, 1981. Т. 9. С. 134-167; он же. Сахаров и критика письма вождям // там же. С. 193-200; он же. Слова на приеме в Гуверовском институте // там же. С. 269-275; Речь в Гарварде // там же. С. 280-297; он же. Персидский трюк // он же. Собрание сочинений. Т. 10. С. 379.

К вопросу о нео-славянофильской и русофильской идеологии см.: Янов А. Идеальное государство Геннадия Шиманова // Синтаксис. 1978. № 1. С. 31-53; Алексеева. История. С. 354-369; Амальрик А. Идеологии в советском обществе // он же. СССР и Запад в одной лодке. С. 78-94. Horvath. The Legacy. P. 150-184; Treadgold D. W. Solzhenitsyn's Intellectual Antecedents // Solzhenitsyn in Exile. Critical Essays and documentary materials / Ed. J. B. Dunlop et al. Stanford (California), 1985. P. 243-266.

конфликтами западное общество не было идеалом для неославянофилов. Так же, как и славянофилы 19-го века, они жаждали социальной, политической и духовной гармонии, которая, по их мнению, уже была осуществлена в некоторые периоды российского прошлого.

Во второй половине 70-х годов разногласия между обоими течениями обострились; не в последнюю очередь по той причине, что преобладающее большинство их сторонников находилось на Западе, после того как режим вынудил их к эмиграции. До тех пор, пока они еще жили в Советском Союзе, давление государственного аппарата, которое одинаковым образом направлялось против обоих течений, вызывало определенный эффект солидарности. Когда это давление отпало, пропасть между идеологическими контрагентами начала все больше увеличиваться.

Несмотря на эту глубокую мировоззренческую пропасть, представители обоих течений были согласны в одном пункте. Они все резко критиковали западную политику разрядки. По их мнению, демократические государства недооценивали советскую опасность. Запад страдает слабоволием, стремится исключительно к обеспечению своего собственного благосостояния и недостаточно поддерживает своих единственных союзников в восточном блоке – оппозиционные силы. Если эта позиция не изменится, то коммунизм и дальше будет неудержимо расширяться: «Третья Мировая война» – уже была – и закончилась поражением Запада» – писал Александр Солженицын в 1975 году: «Еще два-три таких славных десятилетия мирного сосуществования – и понятия "Запад" не останется на Земле»⁶⁵.

Придерживаясь такой позиции, советские диссиденты недооценивали внутреннюю хрупкость советской системы, если не учитывать таких исключений как, к примеру, Андрей Амальрик или Евгений Барабанов (В. Горский). Но надо сказать, что и подавляющее большинство западных советологов считало тогда советскую систему чрезвычайно стабильной и в сущности несокрушимой.

***

В конце 70-х – начале 80-х годов советскому руководству в значительной мере удалось разрушить организационную инфраструктуру правозащитного движения, которая и без того была очень хрупкой. Это произошло несмотря на тот факт, что Советский Союз в августе 1975 года подписал «Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» (СБСЕ), который гарантировал «уважение прав человека, включая свободу мысли, совести и убеждений». Советское руководство согласилось со столь для него не безопасной фор-

---

⁶⁵ Солженицын. Собрание сочинений. Т. 9. С. 204-205. См. там же: С. 125-133, 206-230, 256-268, 345-365; Т. 10. С. 50, 56, 386; Сахаров. О стране и мире. С. 35, 55, 60, 65; Андрей Сахаров в борьбе за мир. С. 148, 156; Амальрик. СССР и Запад в одной лодке. С. 95-119; Буковский. И возвращается ветер. С. 382.

мулировкой не в последнюю очередь потому, что СБСЕ подтвердило европейский послевоенный порядок, то есть в принципе советскую гегемонию в Восточной Европе. Советским диссидентам, основавшим в 1976 году Хельсинскую группу во главе с Юрием Орловым, ссылка на Хельсинский акт мало помогла. Они по-прежнему подвергались преследованиям⁶⁶. Ссылка Андрея Сахарова в январе 1980 года, который был символической и интегрирующей фигурой всего диссидентского движения, казалась своего рода последней главой в истории правозащитного движения. Непосредственно после этого события заместитель главы КГБ генерал Цвигун заявил, что в Советском Союзе нет больше диссидентского движения – эта проблема решена.

Аподиктическое утверждение Цвигуна было, как сегодня известно, поспешным. Хотя диссидентское движение, как уже было сказано, и не смогло значительно повлиять на широкие слои населения и даже на образованные слои, но, несмотря на это, ему удалось принципиально изменить политическую культуру в стране⁶⁷.

Как своего рода позднюю победу диссидентского движения можно оценить тот факт, что горбачевское «новое мышление», сознательно или бессознательно, опиралось в некоторых пунктах на идейные установки правозащитников. Тем самым генеральный секретарь ЦК КПСС начал один из самых больших переворотов в истории 20 века, который, в конечном счете, привел к преодолению европейского раскола и распаду Советской империи, так как «мораль классово-борьбы», которая была ядром коммунистической идеологии, была несовместимой с приоритетом «общечеловеческих ценностей»⁶⁸, которые провозгласил Горбачев, и из которых исходили правозащитники. Существующая до этого времени коммунистическая иерархия ценностей была подорвана, а вместе с ней и тот политический фундамент, на котором была построена советская система.

Авторизованный перевод с немецкого: Наталии Афанасьевой

---

⁶⁶ Алексеева. История. С. 304-314; Horvath. The Legacy. P. 63-64., 67-69.

⁶⁷ «[Хотя правозащитное движение] не привело к созданию демократии, однако моральная атмосфера в советском обществе изменилась», – писал Андрей Амальрик в своих воспоминаниях (Amalrik. Aufzeichnungen eines Revolutionärs. P. 52); см. также: Померанц. Записки, С. 328; Horvath. The Legacy. P. 95.

⁶⁸ Горбачев М. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 149.

Коротко о книге

Леонид Люкс

Соблазны утопизма: споры мыслителей «первой» русской эмиграции о причинах и последствиях тоталитарных революций XX века

Эта книга посвящена спорам русских эмигрантов о причинах и последствиях русской революции, а также о причинах европейского кризиса первой половины 20-го века. Эти споры не утратили своей актуальности до сих пор. В центре внимания книги три группы эмигрантов игравшие в этих дискуссиях решающую, знаковую роль: Это, во-первых, авторы вышедшего в 1909 году сборника «Вехи», во-вторых - издатели созданного в 1931 году журнала «Новый Град», продолжающего во многом идеи «Вех». Кроме того, статьи сборника посвящены идеологическим противникам «веховцев» и «новоградцев» – возникшему в 1921 году движению евразийцев, которое многие авторы считали самым интересным идейным течением, возникшим в эмиграции.

Последний раздел книги посвящен возрождению споров о причинах и последствиях тоталитарных революций 20-го столетия в послесталинской России.

Коротко об авторе

Леонид Люкс родился в 1947 году в Свердловске (ныне Екатеринбург) и спустя некоторое время переехал в Польшу. В 1965 году окончил среднюю школу в Щецине. Изучал историю и славистику в Иерусалиме и Мюнхене. В 1973 году защитил кандидатскую, а в 1981 докторскую диссертацию в Мюнхенском университете. Преподавал историю в университетах Мюнхена, Бремена, Кельна, а с 1995 по 2012 год возглавлял кафедру Центральной и Восточноевропейской истории в Католическом университете г. Айхштетт, с 2011 года директор Института по изучению Центральной и Восточной Европы в Католическом университете. Главный редактор журнала «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры»

Важнейшие публикации

1. *Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935* (Возникновение коммунистической теории фашизма. Споры о фашизме и национал-социализме в Коммунистическом Интернационале. 1921-1935). Stuttgart, 1985.
2. *Katholizismus und politische Macht im kommunistischen Polen 1945-1989. Die Anatomie einer Befreiung* (Католицизм и власть в коммунистической Польше 1945-1989. Анатомия освобождения). Köln, 1993.
3. *Россия между Западом и Востоком. Сборник статей*. М., 1993.
4. *Geschichte Russlands und der Sowjetunion. Von Lenin bis Jelzin* (История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина). Regensburg, 2000.
5. *Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе*. М., 2002.
6. *Der russische „Sonderweg“? Aufsätze zur neuesten Geschichte Russlands im europäischen Kontext* (Российский «Особый путь»? Очерки о новейшей истории России в европейском контексте). Stuttgart, 2005.
7. *Zwei Gesichter des Totalitarismus. Bolschewismus und Nationalsozialismus im Vergleich*. 16 Skizzen (Два лица тоталитаризма. Большевизм и национал-социализм в сравнении. 16 очерков). Köln, 2007.

8. *История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина*. М., 2009.
9. *Freiheit oder imperiale Größe? Essays zu einem russischen Dilemma* (Свобода или имперское величие? Очерки о русской дилемме). Stuttgart, 2009.
10. *Западничество или евразийство? Демократия или идеократия? Сборник статей об исторических дилеммах России*. Stuttgart, 2011.
11. *Zeithistorische Streitfragen. Essays und Repliken*. Münster, 2012.
12. *Два облика тоталитаризма. Сравнительные очерки об истоках и характере большевизма и национал-социализма*. Книжное приложение к журналу «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры». Том 1. Айхштетт, 2014.